

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

2
1966

ср. адм.

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

№ 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академики АН МССР Я. С. Гросул (главный редактор) и И. К. Вартчан (зам. главного редактора), доктор исторических наук Н. А. Мохов, кандидат философских наук А. И. Бабий, кандидат исторических наук С. Э. Левит и П. В. Советов

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ДАРВИНИЗМА С РЕЛИГИЕЙ В
МОЛДАВИИ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

В конце 1859 г. в Англии вышла в свет книга Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». Теория эволюции, изложенная в этом труде, произвела подлинный переворот во взглядах на историю происхождения и развития живых организмов. Дарвин, указывает В. И. Ленин, «...положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними...»¹.

Великий естествоиспытатель впервые верно объяснил, в силу каких причин происходит развитие видов и почему все животные и растения так хорошо приспособлены к условиям своего существования. В естественном отборе он открыл решающий фактор происхождения явлений целесообразности в органическом мире. Тем самым Дарвин разрушил представления о разумной целесообразности, якобы господствующей в природе, и лишил религию одного из ее основных доказательств существования бога.

С именем Дарвина связано также решение вопроса о происхождении человеческого рода. В его труде «Происхождение человека и половой отбор» (1871) доказано, что человек произошел естественным путем от общего с высшими животными корня. Хотя Дарвин не понял роли труда в процессе превращения обезьяны в человека, тем не менее он убедительно опроверг религиозный миф о сотворении человека и о «бессмертии» его души.

Не удивительно, что сразу же после выхода в свет «Происхождения видов» вокруг учения Дарвина разгорелась острая борьба материализма с идеализмом, науки с религией. С тех пор эта борьба принимала разнообразные формы и в разных странах имела свои особенности.

Весьма благоприятные условия для восприятия эволюционных воззрений на природу имелись в России, которую справедливо называют второй родиной дарвинизма. Быстрому распространению теории Дарвина в России способствовали существовавшие здесь сильные материалистические традиции в естествознании и философии, а также общественный подъем 60-х годов, вызвавший повышенный интерес русского общества к науке вообще и естествознанию в особенности. Материалистические и атеистические идеи дарвинизма в России служили средством борьбы против самодержавия и церкви, охранявших феодально-крепостнические порядки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

С трудом Дарвина «Происхождение видов» русские ученые непосредственно познакомились в 1860 г.¹ В том же году многие из них (С. С. Куторга, Н. П. Вагнер, Н. Н. Страхов и др.) выступили в крупнейших университетах страны с публичными лекциями, посвященными теории происхождения видов. В «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Вестнике естественных наук» появились статьи, пропагандировавшие теорию Дарвина.

Эти первые в России известия о новой теории происхождения видов некоторое время оставались достоянием узкого круга специалистов-биологов и студентов-естественников. Однако с 1861 г. сведения о научных открытиях Дарвина начали проникать на страницы литературно-художественных и общественно-политических журналов («Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Время» и др.), поместивших ряд популярных статей И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева, М. А. Антоновича, Д. И. Писарева и других русских естествоиспытателей и публицистов. В 1864 г. появилось первое, а в 1865 г. — второе издание «Происхождения видов» на русском языке. В результате с материалистической теорией эволюционного развития живой природы познакомился более широкий круг читателей. Учение Дарвина, вспоминает И. И. Мечников, особенно быстро проникло в умы учащейся молодежи и завоевало все ее симпатии².

Распространение идей дарвинизма в России встречало решительное противодействие со стороны реакционных сил, и в первую очередь церковных кругов, видевших в новом учении причину растущего неверия. Движимые чувством безграничной ненависти к науке, представители церкви сразу же выступили с критикой теории Дарвина. До середины 60-х годов в различных богословских журналах и других изданиях («Странник», «Христианское чтение», «Православный собеседник», «Творения святых отцов») было опубликовано значительное число статей, направленных против дарвинизма.

С церковниками смыкались светские охранители самодержавия. Постепенно обостряясь, борьба за дарвинизм вышла далеко за рамки биологической науки и приобрела характер общественно-политического столкновения сил прогресса и реакции.

Эта борьба, первоначально развернувшаяся в крупнейших научных центрах Российской империи, вскоре охватила и ее окраины, в том числе Молдавию. Здесь пропагандистами новой теории происхождения видов были естественнаучные и другие литературно-художественные и общественно-политические русские журналы. Сведения о ней распространяли также русские биологи, занимавшиеся исследованием флоры и фауны Пруто-Днестровского междуречья. Кроме того, многие выходцы из Молдавии знакомы с учением Дарвина в высших учебных заведениях России. В то же время в Бессарабии, где позиции клерикальной реакции были особенно сильны, упоминавшиеся выше богословские журналы имели немало читателей. И здесь церковники выступали в первых рядах непримиримых врагов дарвинизма.

Следует, однако, отметить, что, в отличие от русских богословов, выступивших против учения Дарвина сразу же после его обнародования³, церковники Молдавии в 60-х годах замалчивали сам факт существования

¹ С. Л. Соболев. Первые сообщения о теории Ч. Дарвина в русской печати. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отд. биологии, т. L, вып. 3—4, 1945, стр. 128—137.

² И. И. Мечников. Страницы воспоминаний. М., 1946, стр. 16.

³ Л. Р. Харахоркин. Из истории борьбы дарвинизма с религией в России. — «Ежегодник музея истории религии и атеизма», III, 1959, стр. 231—233.

этой теории и ограничивались критикой науки вообще. Об этом свидетельствуют; в частности, некоторые статьи, помещенные в местном реакционном журнале «Кишиневские Епархиальные Ведомости» (1867—1918).

Так, например, один из сотрудников этого журнала А. Пархомович в статье «Обязанности пастырей церкви» высказал свою глубокую «озабоченность» тем, что, хотя верующие составляют абсолютное большинство населения, «вера с каждым днем ослабевает и в недрах самого христианства является недоверие»¹. Причину этого «печального» факта Пархомович видел в успехах науки. «Кое-где дух времени, — сокрушался он, — открыто глумится над тайнами спасения»².

Более определенно по этому вопросу высказался другой ревнитель православной веры А. Конский. В его статье «Слово в неделю православия» говорится: «Появляются люди, которые, следуя увлечениям ума, взимающегося на разум божий, стараются воспринимать и даже распространять мнения, прямо противоречащие учению православной церкви»³.

Духом злобной ненависти к материалистическому естествознанию проникнуто «Слово Антония, архиепископа кишиневского и хотинского, сказанное в день пасхи». Утверждение ученых о том, что человек, умирая, тем самым заканчивает свое существование, — неверно, провозглашал этот реакционер в рясе. Знание о сем, продолжал он, не принадлежит к области науки, ибо «как явление человека в мир, так исход его отсюда и затем продолжение его бытия суть тайна для естественного разума. Разум, мудрствуя о сих предметах, переходит за назначенные ему Творцом границы»⁴.

Подобными проповедями церковники оказывали известное воздействие на сознание верующих, с порога настраивая их против новейших открытий в области естествознания.

Тем не менее, интерес к этим открытиям постоянно возрастал. Учение Дарвина становилось известным все более широкому кругу молдавских читателей и, в первую очередь, учащейся молодежи. Как явствует из художественно-публицистического произведения З. Ралли-Арбуре «Тюрьма и ссылка», этот крупнейший молдавский революционный народник, будучи (в 60-х годах) студентом Медико-хирургической академии, читал труды Ч. Дарвина, М. А. Антоновича и Д. И. Писарева⁵. С идеями дарвинизма ознакомились и другие молдавские студенты.

В 70-х годах учение Дарвина становилось все более популярным в России. И. М. Сеченов, А. О. и В. О. Ковалевские, И. И. Мечников, А. Н. Бекетов и другие выдающиеся естествоиспытатели, усвоив теорию Дарвина, своими научными исследованиями развили ее дальше и внедрились в различные отрасли биологии. Вместе с тем они популяризировали идеи дарвинизма среди широких масс. С их именами связаны перевод на русский язык ряда новых работ Дарвина, а также публикация многочисленных специальных статей в периодической печати того времени («Журнал Министерства народного просвещения», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Знание», «Всемирный труд» и др.)

Повышенный интерес к дарвинизму наблюдался и в Молдавии, где названные журналы пользовались широким распространением. Прогрес-

¹ «Кишиневские Епархиальные Ведомости» (в дальнейшем «КЕВ»). 1867, № 2, стр. 61.

² «КЕВ», 1867, № 2, стр. 63.

³ «КЕВ», 1868, № 5—6, стр. 148.

⁴ «КЕВ», 1868, № 19, стр. 702—703.

⁵ Замфир Арбуре. Опере алесе. Кишинэу, 1957, п. 60.

сивная общественность края быстро усваивала основы новой эволюционной теории. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к творчеству молдавского писателя К. Стамати-Чуря, по мнению которого, высказанному в произведении «В полете мысли», исчезновение гигантских первобытных животных является блестящим подтверждением идеи эволюции в биологическом мире¹. В другом его произведении — «Завещание и воспоминание сумасшедшего» — показана несостоятельность библейской легенды о сотворении человека и излагается идея происхождения человека от обезьяны. «О фазах превращения этого первобытного существа, т. е. обезьяны, в человека, — писал Стамати-Чуря, — повествует и подтверждает несомненными доказательствами знаменитый Дарвин, глубокий знаток сравнительной анатомии»².

Убедившись в том, что примитивные выступления против дарвинизма не достигают своей цели, защитники религии в России пустились в поиски более утонченных методов борьбы с ним. Наиболее дальновидные ревнители православия начали прибегать к «научным» доводам против теории Дарвина. Нападкам на дарвинизм благоприятствовало также наступление реакции, сменившей общественной подъем 60-х годов. В этот период усиливается надзор за печатью, а также средними и высшими учебными заведениями, откуда полностью изгоняется естествознание как предмет преподавания. Закрывается ряд прогрессивных журналов, в том числе «Современник», «Русское слово», «Знание» и «Всемирный труд». На сторону реакции переходит «Русский вестник».

Острота этой борьбы, особенно возросшая в связи с выходом в свет книги Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», чувствовалась и в Молдавии. На сей раз местные богословы решили выступить с открытой критикой дарвинизма, о чем красноречиво свидетельствует, например, опубликованная в «Кишиневских Епархиальных Ведомостях» редакционная статья «Заметки из религиозной и церковной жизни западноевропейской». В ней всячески восхваляется известная «Речь о пределах естествознания» немецкого физиолога Э. Дюбуа-Реймона, бывшего в то время апостолом агностицизма. Что же касается учения Дарвина, то оно характеризуется как «научная ересь», а его сторонники — как «легкомысленные ученые», придерживающиеся ложных взглядов на мир. Эти ученые, с иронией говорится в статье, «не только объяснили происхождение человека, но и построили его генеалогию, указав на те десятки поколений, которые, начиная от элементарно простого батибия* до человека, населяли в течение миллионов лет нашу землю. Легкомысленная публика восторгается, как-де просто объяснились величайшие тайны природы»³. Угрожая адскими муками «ученым, дерзающим на такие преступления подлога и насилия в науке»⁴, одна из статей упоминает наряду с Ч. Дарвином выдающегося естествоиспытателя-материалиста Э. Геккеля.

Следует отметить, что наблюдаемая в Молдавии 70-х годов критика дарвинизма, наряду с отрицанием роли науки в обществе, все чаще оперировала идеей высокого назначения научного знания. Подобное, пусть и частичное, признание науки, однако, носило чисто формальный характер, поскольку богословы признавали лишь такие научные знания, кото-

рые подчинены вере, а дарвинизм, являющийся крупнейшим завоеванием естествознания, они вообще не считали наукой.

В этой связи некоторые богословы пытались отнести дарвинизм к разряду гипотетических учений. Так, например, в одном из своих выступлений богослов М. Грифцов подчеркивал, что теорию Дарвина следует рассматривать не как итог широких научных изысканий, а только как «предположение, принимаемое другими на веру»¹. Одновременно он с горечью отмечал, что многие кишиневские семинаристы, ознакомившись с открытиями Дарвина, отказывались от духовной карьеры и поступали в светские учебные заведения².

Важнейший, с точки зрения церковников, порок дарвинизма заключается в том, что согласно этому учению весь неорганический и органический мир возник и развивался естественным путем, в силу действия объективных законов природы. А так как все они подменяли объективную причинность в природе телеологией, для них единственной первопричиной выступал бог — и только бог. При внимательном, разумном взгляде на мироздание, говорил в этой связи архиепископ кишиневский и хотинский Павел, «кто, имеющий здоровые глаза, конечно, не телесные только, но и духовные, решится утверждать, что все ... произошло случайно, само собой, произведецо какою-то слепую, неразумную причину?»³ Мироздание в целом, продолжал он, произошло не случайно; «все создано богом, ... природа — дело Творца, ... человек есть создание его...»⁴. В успехах дарвинизма Павел видел основу роста неверия среди богатых и бедных, особенно среди интеллигенции. Последнюю, говорил он, увлекает чтение естествонаучных произведений, то есть «книг ничтожных, даже безнравственных, противорелигиозных, вообще крайне вредных...»⁵

Некоторые из богословствующих противников дарвинизма пытались субъективно-идеалистически решить вопрос о соотношении между религией и наукой. По мнению неизвестного автора редакционной статьи «О необходимости чтения священного писания для христианина», наука может в какой-то мере познать отдельные закономерности природы. Но она никогда не раскроет сокровенные тайны бытия. Поэтому неправы те люди, которые говорят, что «откровение может быть заменено произведениями простого ума человеческого»⁶. В серии своих «Педагогических заметок» богослов П. Синимский открыто заявлял, что ум человеческий познаёт окружающий мир, в то время, как разум человека познаёт бога⁷.

Своей кульминации борьба за дарвинизм в России достигла в 80-х годах. Это был период, когда реакция еще более усилилась, когда «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Был закрыт прогрессивный журнал «Отечественные записки». Подверглись уничтожению издания ряда книг Дарвина и Геккеля. Всячески поощрялось распространение трудов противников дарвинизма.

В общий поход против учения Дарвина включились и реакционеры из Молдавии. Впрочем, они старались даже не упоминать имени знаменитого естествоиспытателя, ограничиваясь огульной критикой его теории. В этом отношении весьма показательны рассуждения крупного молдавского помещика и реакционного социолога П. С. Леонарда.

1 «КЕВ», 1879, № 3, стр. 99.

2 Там же, стр. 96.

3 «КЕВ», 1879, № 19, стр. 718.

4 Там же, стр. 720.

5 «КЕВ», 1879, № 11, стр. 408.

6 «КЕВ», 1878, № 3, стр. 85.

7 «КЕВ», 1871, № 16, стр. 216.

1 К. Стамати-Чуря. Опере алесе. Кишинэу, 1957, п. 159.

2 К. Стамати-Чуря. Указ. соч., стр. 200.

* Батибий — студенистое вещество с известковыми тельцами, найденное в морском иле и считавшееся простейшим организмом.

3 «КЕВ», 1878, № 6, стр. 257.

4 «КЕВ», 1879, № 3, стр. 96.

Склонный идеализировать феодальный общественный строй, Леонард рассматривал современное ему состояние буржуазной цивилизации как результат действия двух начал: положительного, приведшего к колоссальным достижениям науки, и отрицательного, вызвавшего прежде невиданный упадок духовного состояния человека. Все это вместе взятое, писал он, укрепило дух отрицания, расчистивший «окончательно путь материализму, и мы ныне присутствуем при полном его торжестве»¹. Отсюда «стремление вернуть человека в мир низших тварей природы — в мир животных, иначе говоря, уничтожить тысячелетия его умственного и нравственного развития»².

В данном рассуждении нетрудно разглядеть отрицательное отношение Леонарда к дарвиновой теории происхождения видов и в то же время вынужденное признание материалистического и атеистического характера этой теории.

Подобные же мысли высказывали в своих проповедях церковники Молдавии. Они полностью поддержали реакционный указ царского правительства от 5 января 1884 г., согласно которому в России были изъяты из массового пользования труды Т. Гексли, И. М. Сеченова, Д. И. Писарева и многих других биологов и философов-дарвинистов³, и не пожалели усилий, чтобы выдвинуть на первый план преподавание религии во всех учебных заведениях.

Реакции, однако, не удалось ни остановить, ни затормозить процесс дальнейшего распространения идей Дарвина. В их защиту вновь выступили К. А. Тимирязев, М. А. Антонович и другие видные представители русского материалистического естествознания. Опубликованные ими в журнале «Русская мысль» многочисленные статьи нанесли сокрушительный удар по всем антидарвинистам.

В гораздо более трудном положении по сравнению с университетскими центрами оказались сторонники учения Дарвина в Молдавии. Господствовавшие здесь светские и духовные противники этого учения пресекали любые попытки открыто защищать и пропагандировать его. В этих условиях борьба за дарвинизм велась косвенно: во-первых, путем защиты подтверждаемых им материалистических принципов и, во-вторых, путем практического использования открытых Дарвином объективных закономерностей развития органического мира.

Видное место среди защитников вышеуказанных принципов принадлежит молдавскому философу В. Л. Лашкову. Несмотря на метафизичность философии Лашкова и имеющиеся в ней отдельные уступки идеализму, его взгляды на природу носят ярко выраженный материалистический характер.

По мнению Лашкова, изложенному в его трудах («Что такое жизнь?», 1888, и др.), материя и движение суть объективно существующие «основы бытия»⁴. Благодаря движению, происходящему по определенным законам, которые зависят «от самой природы»⁵, все предметы и явления в мире взаимосвязаны. Жизнь — а она тоже есть движение — возникла на земле в далеком прошлом естественным путем и, непрерывно развиваясь, привела к возникновению высокоорганизованных существ, главное место среди которых принадлежит человеку, наделенному сознанием, душой, мышлением. Разум есть «логика сознающей себя природы»⁶. Но

¹ П. С. Леонард. Смута и ее настоящая причина. СПб., 1881, стр. 5.

² Там же.

³ «КЕВ», 1884, № 18, стр. 619—627.

⁴ В. Л. Лашков. Соч., изд. 2-е, СПб., 1891, стр. 282.

⁵ Там же, стр. 246.

⁶ Там же, стр. 279.

душа каждого человека «стоит на якоре тела»¹, которое «со смертью уничтожается, превращается в пыль, навсегда теряет все данные не только для ощущений и чувствований, но и для разума, познания, мысли»².

Приведенные философские высказывания³ Лашкова объективно направлены против религиозного учения о сотворении мира и человека, о бессмертии души и о загробной жизни. Такие высказывания полностью соответствуют философским выводам, вытекающим из учения Дарвина.

Говоря о молдавских естествоиспытателях, практически использовавших открытые Дарвином объективные закономерности развития органического мира, следует упомянуть прежде всего видного энтомолога И. М. Красильщика, ученика и друга И. И. Мечникова. Руководствуясь известным положением дарвинизма о межвидовой борьбе, Красильщик вслед за Мечниковым полагал, что методы борьбы с филлоксерой и другими вредителями культурных растений подсказывает сама природа⁴. Сущность этих методов, писал он в своих многочисленных работах⁵, состоит в использовании организмов, враждебных вредным насекомым, в том числе паразитов, убивающих филлоксеру, саранчу, лугового мотылька и других вредителей. Молдавский естествоиспытатель придавал особое значение изучению той среды, в которой живут растения и насекомые.

В конце XIX и в начале XX в. борьба между религией и дарвинизмом в Молдавии, как и во всей Российской империи, резко обострилась, прежде всего в связи с наступлением новейшей революции в естествознании. Как известно, в результате важнейших открытий в физике, сделанных в 90-х годах, многие научные истины, до этого считавшиеся абсолютными, оказались относительными. Человечество сделало крупный шаг вперед по пути познания диалектики природы.

Не менее крупные открытия были сделаны и в области биологической науки. Рассматривая труды Дарвина не просто как итог и обобщение пройденного пути, но и как программу дальнейших биологических исследований, Э. Геккель, К. А. Тимирязев, А. О. и В. О. Ковалевские, И. М. Сеченов и многие другие биологи-дарвинисты, начиная с 60-х годов смело двинулись по пути, указанному Дарвином, и своими трудами вписали блестящую страницу в историю естествознания.

По пути творческого развития дарвинизма пошли также выдающиеся биологи Г. Мендель, А. Вейсман, Г. де Фриз, Ф. Гальтон и Т. Морган. Опираясь на вывод Менделя о существовании особого носителя наследственности, Вейсман разработал теорию, согласно которой любой живой организм состоит из сомы, испытывающей влияние внешней среды, и зародышевой плазмы — носительницы наследственности, — не подверженной такому влиянию. На позициях, близких к вейсмановским, стоял Гальтон. В свою очередь, Г. де Фриз создал мутационную теорию, согласно которой пангены, т. е. носители наследственности, не испытывающие никакого влияния внешней среды, подвержены беспричинным мутационным изменениям, благодаря чему и совершается процесс видообразования. Т. Морган, взяв все ценное, что имеется в трудах Менделя, Вейсмана

¹ В. Л. Лашков. Указ. соч., стр. 286.

² Там же, стр. 321.

³ Подробнее об этом чит. в ст. В. Н. Ермуратского «В. Л. Лашков (1861—1932)». — «Известия АН МССР», 1962, № 1, стр. 53—67.

⁴ И. М. Красильщик. Об одном важном, но мало исследованном вопросе в филлоксерном деле. СПб., 1892, стр. 9.

⁵ И. М. Красильщик. Саранча в дельте Дуная. Одесса, 1886, стр. 8—9; О грибных болезнях у насекомых. Одесса, 1886, стр. 13; К вопросу об улучшении способов борьбы с вредными насекомыми. СПб., 1892, стр. 4—18 и др.

и Г. де Фриза, создал хромосомную теорию наследственности. Заслуга этих ученых состоит в признании того, что наследственность имеет своего материального носителя и что видообразование может происходить путем мутационных изменений. Так было положено начало новейшей революции в биологии.

Вместе с тем они высказали ряд предположений и ошибочных мнений, которые позже были отвергнуты. Сюда относятся, например, отрицание Вейсманом влияния внешней среды на зародышевую плазму и убеждение Г. де Фриза в том, что процесс видообразования происходит только путем мутационных изменений, притом беспричинных¹.

Таким образом, начавшаяся в конце XIX в. революция в биологии, намного раздвинув рамки человеческого познания, одновременно вскрыла много загадочных явлений природы, поставила ряд новых вопросов и породила немало неточных или ошибочных мнений.

Прогрессивные естествоиспытатели стремились материалистически объяснить загадочные явления живой природы и ответить на возникшие новые вопросы. Идеалисты, наоборот, по-прежнему спекулируя на трудностях науки и проповедуя фидеизм, усилили нападки на дарвинизм.

Такую позицию заняли и противники теории Дарвина в Молдавии. В своих выступлениях против этой теории они, по-прежнему усматривая в ней главную причину растущего неверия, широко использовали схоластические тезисы об ограниченности научного познания и необходимости подчинения его вере. «Наука, — подчеркивал богослов Н. Лашков (однофамилец философа В. Лашкова) в своих проповедях, — есть чудная сила, и христиане, которых евангелие называет сыновьями света, могут только приветствовать ее развитие». Но на три вопроса — что такое грех, печаль и смерть — она никогда не ответит². В статье «Идеализм в науке» богослов К. Фетисов писал: «Наука может удовлетворить человека тогда, когда чистый идеализм составляет ее основание и цель»³.

Одновременно защитники религии в Молдавии все чаще пользовались новыми методами борьбы против учения Дарвина. Один из таких приемов сводился к лицемерному восхвалению успехов научного познания. Так, например, в статье «К вопросу о прогрессе вообще; научно-материальном в частности» З. Курдиновский признавал: «Благотворительное влияние наук и искусств на жизнь человека составляет крупный факт... Научный прогресс вооружил человека на борьбу с природой; при помощи науки человек победил природу и освободился от суеверного страха перед нею; из раба превратился в ее господина»⁴. Однако наука, продолжал он, не является единственным компонентом культуры. Еще более важным компонентом выступает христианская религия, которая, несмотря на вполне очевидный научный прогресс человечества, в общем и целом «не изменяется»⁵. Автор статьи, формально ратуя за научный прогресс и казуистически оперируя фактами, давал понять, что человек сотворен богом и ни в коем случае не происходит от общего с высшими животными корня.

В качестве важнейшего довода против учения Дарвина церковники использовали его отдельные ошибочные выводы. В частности, они ухватились за несостоятельные в научном отношении попытки социологов-эволюционистов, вслед за Дарвином пытавшихся распространить законы

¹ Подробнее об этом говорится в статье Б. Кедрова «Пути познания истины». — «Новый мир», 1965, № 1, стр. 215—225.

² «КЕВ», 1902, № 1—2, стр. 7—8.

³ «КЕВ», 1914, № 23—24, стр. 1112.

⁴ «КЕВ», 1913, № 29, стр. 1184.

⁵ «КЕВ», 1913, № 28, стр. 1170.

развития биологического мира на изучение человеческого общества. Замалчивая тот факт, что развивающаяся наука отвергла подобные попытки, Курдиновский в упомянутой своей статье продолжал твердить, что «социологические законы — не биологические законы»¹.

Само собой понятно, что Курдиновский подчеркивал специфику законов общественного развития с одной целью: доказать божественное происхождение общества и его законов.

Эти и другие слабые стороны теории Дарвина, над преодолением которых работали крупнейшие биологи всех стран, воспринимались апологетами религии как критерий несостоятельности данной теории. В 1914 г. ректор кишиневской духовной семинарии Дамиан в статье «Чем люди живы?» охарактеризовал труды Геккеля как «невероятное невежество»². «Ныне этот ученый, — писал он, — низведен со своего пьедестала»³. Через год единомышленник Дамиана Платон писал: «Не так давно, да еще и теперь, для нашего юноши происхождение видов Дарвина было книгою большего по ценности откровения, чем евангелие»⁴. Но прошли годы и якобы оказалось, что эта книга, как и весь дарвинизм, несостоятельна. Вот почему «вера наша никаких эволюций, никаких дарвинов не боится»⁵, — заключал Платон.

«Расправившись» таким образом с учением гениального преобразователя естествознания, защитники религии вернулись к своим традиционным тезисам: мир создан богом, наука не может заменить веру и т. д. По мнению яркого защитника религии А. Л. Крылова, дарвинизм «представляет неразрешимые трудности и противоречия»⁶, «знание природы вообще не может заменить религию»⁷, а естествоиспытатели должны, подобно Кеплеру и Ньютону, совмещать веру в бога и науку о природе⁸, ибо в мире ничто не предположимо «без участия высшего Существа»⁹. В общем и целом, «сотворение мира и духовных существ, — подчеркивал Крылов, — служит непосредственным выражением божественного всемогущества»¹⁰. Поэтому, — дополнял его упомянутый Дамиан, — И. И. Мечников, «хотя и зачислен в разряд натуралистов», напрасно сорок лет ищет рациональное мировоззрение. Таким мировоззрением может быть только православие»¹¹.

Однако противники дарвинизма преждевременно праздновали свою победу, выдавая желаемое за действительное. Уже один тот факт, что они начали прибегать к самым различным ухищрениям и доводам против теории Дарвина, служит косвенным доказательством растущего воздействия этого учения. Именно в этот период в Молдавии приобретают широкую известность важнейшие труды Ч. Дарвина, К. А. Тимирязева, И. И. Мечникова, Т. Гексли, Э. Геккеля, И. М. Сеченова и многих других выдающихся естествоиспытателей¹².

Большую роль в пропаганде идей дарвинизма в крае сыграло «Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания».

¹ «КЕВ», 1913, № 28, стр. 1169.

² «КЕВ», 1914, № 14—15, стр. 695.

³ Там же, стр. 690.

⁴ «КЕВ», 1915, № 50, стр. 1433.

⁵ Там же.

⁶ А. Л. Крылов. Педагогические очерки. Вып. III, Кишинев, 1900, стр. 86.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 28.

⁹ Там же, стр. 86.

¹⁰ Там же, стр. 55.

¹¹ «КЕВ», 1914, № 14—15, стр. 702.

¹² См. «Каталог Кишиневской городской общественной библиотеки». Бендеры, 1904, стр. 239—255.

Почетными членами этого научного общества, основанного в 1904 г. и просуществовавшего свыше десяти лет, были такие знаменитые русские ученые, как доктор зоологии, профессор Московского университета М. А. Мензбир, выдающийся географ, статистик, ботаник и энтомолог П. П. Семенов-Тянь-Шанский, академик Ф. В. Овсянников и доктор зоологии Н. В. Горонович, а действительными членами — десятки видных русских и молдавских ученых¹.

Все ученые Молдавии, входившие в «Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания», являлись страстными борниками и пропагандистами учения Дарвина, что подтверждают их собственные высказывания и труды. Так, например, видный молдавский психиатр и невролог А. Д. Коцовский, стоя на позициях эволюционной теории, следующим образом возражал сторонникам креационистской концепции: «Тип, — ответит эволюционист, — это выражение далеко не стойких форм, форм развивающихся, а не вышедших в определенной, неизменной форме из рук Создателя»². В то же время Коцовский отвергал социал-дарвинистское отождествление законов природы и законов общественного развития³, но с позиций не богословия, а материалистического естествознания.

В защиту учения Дарвина выступала видный педагог-дарвинист М. П. Рашкович. По ее мнению, высказанному на одном из заседаний Бессарабского общества естествоиспытателей, естественнонаучные истины и опыт надо применять к нуждам школы. Критикуя «мертвую ученость», она повторяла сентенции Э. Геккеля в его «Мировых загадках» на то, что естественные науки играют подчиненную роль в школьном образовании, хотя они опередили все остальные науки⁴.

С позиций эволюционной теории решали важные вопросы развития живой природы, а также геологии Молдавии Н. К. Могиланский⁵, Ф. С. Поручик⁶ и другие ученые. Выражая свое отношение к теории анабиоза П. И. Бахметьева, биофизик П. И. Роговский в статье «Возможно ли бессмертие?», помещенной в тираспольской газете «Днестровский край», подчеркивал, что эволюция в органическом мире есть не выдумка мечтателей, а закон жизни⁷. Оспаривая мнение английского натуралиста А. Р. Уоллеса, он считал, что естественный подбор действовал и в человеческом обществе⁸. Вместе с тем, не разобравшись в сущности новейшей революции в биологии, Роговский в другой своей статье, озаглавленной «Принцип относительности», выступил против материализма Геккеля⁹.

Крупнейшим молдавским дарвинистом в начале XX в. был А. Г. Барладян, автор работы «Экспериментальные (опытные) основы дарвинизма», опубликованной в 1916 г. в петроградском «Ежемесячном журнале».

¹ Подробнее об этом говорится в статье Д. А. Мирского «Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания (1904—1914)». В сб.: «Из истории науки и техники». Кишинев, 1963, стр. 49—55.

² А. Д. Коцовский. К вопросу об уголовной ответственности. — «Труды Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания». Кишинев, 1912—1913, т. IV, стр. 145.

³ А. Д. Коцовский. Указ. соч., стр. 178.

⁴ М. П. Рашкович. Школьные музеи как проводники в школьную жизнь новейших течений современной педагогики. — «Труды Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания». Кишинев, 1914, т. V, стр. 8.

⁵ Н. К. Могиланский. Материалы для флоры Бессарабии. Кишинев, 1912, стр. 46.

⁶ Ф. С. Поручик. Геология Бессарабии. Кишинев, 1916, стр. 4.

⁷ «Днестровский край», 1913, 24 октября.

⁸ «Днестровский край», 1913, 31 октября.

⁹ «Днестровский край», 1913, 11 ноября.

Подобно другим материалистически настроенным ученым того времени, Барладян рассматривал дарвинизм как «естественнонаучное объяснение происхождения растительного и животного мира»¹, как величайший подвиг человеческого ума. По его мнению, до XIX в. говорить о существовании биологической науки никак невозможно; «только с появлением Лайеля, Ламарка и Дарвина ученые стали признавать, что изменения на нашей планете объясняются гораздо легче явлениями природы, происходящими на наших глазах, а не невидимыми, маловероятными и недоступными нашему наблюдению творческими актами, катастрофами и пр. вымыслами человеческой фантазии»². Великая заслуга Дарвина состоит в том, что он показал, как одни виды произошли от других видов³.

В то же время Барладян не считал все учение Дарвина окончательной, абсолютной истиной, а видел в его слабые стороны. Так, он совершенно верно полагал, что дарвиновское доказательство происхождения разновидностей не совсем понятно «для естественнонаучно мыслящего человека»⁴, что эволюционная теория «...бедна действительно научным анализом... явлений и экспериментами...»⁵ и что в ней отсутствует четкое разграничение между видами и разновидностями⁶. По убеждению Барладяна, эта часть дарвинизма «должна быть доказана экспериментально»⁷. Требуется разработки и крупнейшая проблема биологической науки — проблема наследственности.

Именно эта проблема оказалась в центре внимания биологов конца XIX и начала XX в., когда небывалым в истории науки колебаниям подверглись все отрасли естествознания, в том числе и дарвинизм. Если явление наследственности относится к числу сверхъестественных и непонятных, писал молдавский ученый, то исчезает сама возможность существования науки. Вот почему современное естествознание, продолжал он, исключает такие понятия, как «дух», «духовные силы» и так далее, и оперирует только материальными силами⁸. Придерживаясь точки зрения «обычного естественнонаучного исследования»⁹, Барладян вслед за датским ученым В. Иогансенем считал «чистые линии» верным методом решения проблемы наследственности¹⁰. Согласно этому методу, внешние условия влияют на соматические клетки, но не на гены, которые, будучи материальными, все же не подвержены такому влиянию.

Тезис Барладяна о том, что гены не испытывают влияния внешней среды, был впоследствии опровергнут. Но в его рассуждениях имеется и много ценного: признание существования материального носителя наследственности, критика креационизма и настойчивое стремление творчески развивать дарвинизм при помощи экспериментальных методов.

Следует отметить также, что борьба за дарвинизм в Молдавии конца XIX и начала XX в. нашла относительно широкое отражение на страницах некоторых губернских газет, и в первую очередь газеты «Бессарабец», выходящей в Кишиневе в 1897—1906 гг. В этой газете под рубрикой «Научная мозаика» (иногда «Научные новости», «Научные заметки», «Научный калейдоскоп») довольно часто печатались (как правило, подписанные инициалами SS) пространные статьи, информирующие чита-

¹ «Ежемесячный журнал», 1916, № 4, стр. 209.

² Там же, стр. 215.

³ Там же, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же, стр. 227.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 215.

⁹ Там же, стр. 210.

¹⁰ «Ежемесячный журнал», 1916, № 6, стр. 153.

телей о новейших достижениях в различных областях науки и техники. Их анонимные авторы, высказывая свое мнение по различным вопросам биологической науки, особое внимание уделяли проблемам дарвинизма. В этой связи они оправдывали или осуждали те или иные выводы как сторонников, так и противников дарвинизма, давали оценку некоторым новым открытиям в области биологии, отдельным трудам биологов и т. д. Однако абсолютное большинство таких статей, как будет показано ниже, включало положительную оценку трудов Дарвина и его последователей.

Так, в статье, опубликованной в начале 1898 г., дана высокая оценка ряду положений незадолго до этого прочитанной В. В. Докучаевым лекции «О борьбе за существование и мировой любви», в которой, в частности, отстаивалась глубокая научность выводов Дарвина о наличии объективной целесообразности и борьбы за существование в природе, а также других блестящих идей гениального ученого, «пересоздавшего целое естествознание»¹.

В другой статье, опубликованной в том же году, показана несостоятельность выдвинутой неким биологом Шэнком ошибочной теории о том, что определяет пол новорожденного. Здесь же приведена оценка этой теории, данная Э. Геккелем: «Много шума из-за ничего»².

Немало важных вопросов биологической науки затронуты в статьях, опубликованных в 1901 г. В одной из них, в связи с усилившейся в то время во всех странах дискуссией о значении дарвинизма, показана порочность книги профессора Эрлангенского университета А. Флейшмана «Теория происхождения видов» (1901), в которой дарвиновская теория эволюции представлена как недоказанная гипотеза, а живая природа — как нечто непознаваемое до конца³.

В другой статье подчеркивается большой вклад в дальнейшую разработку учения о происхождении видов, сделанный Г. де Фризом. Последний, отмечается здесь же, доказал, что наряду с постепенным возможно и внезапное превращение видов и что значительную роль в этом процессе играют случайности, а также большая или меньшая живучесть внезапно появляющихся разновидностей⁴.

В следующей статье вкратце излагается содержание прочитанного профессором Бранко на состоявшемся в том же году международном зоологическом конгрессе в Берлине доклада «Об ископаемых человеческих остатках», подчеркивается мысль Бранко о том, что обнаружение Э. Дюбуа остатков скелета питекантропа на острове Ява в 1891 г. является блестящим подтверждением дарвиновского вывода о происхождении человека от общего с высшими животными корня⁵.

В некоторых других статьях, написанных по случаю 80-летия Р. Вирхова, отмечаются большие заслуги немецкого ученого в борьбе за отделение школы от церкви, за преподавание естествознания в школе, за опытную науку⁶. Примечательна статья, отстаивающая истинность выводов Ф. Гальтона о неизбежности предсказанного Дарвином дальнейшего антропологического совершенствования человека⁷.

Не меньший интерес представляют статьи, опубликованные в 1902 г. В одной из них сообщается о физико-химической модели живого суще-

1 «Бессарабец», 7 (19) февраля 1898 г.

2 «Бессарабец», 16 (28) мая 1898 г.

3 «Бессарабец», 11 (24) августа 1901 г.

4 «Бессарабец», 17 (30) июля 1901 г.

5 «Бессарабец», 27 августа (9 сентября) 1901 г.

6 «Бессарабец», 3 (16) октября, 6 (19) ноября и 7 (20) ноября 1901 г.

7 «Бессарабец», 12 (25) декабря 1901 г.

ства, предложенной русским ученым Н. А. Умовым на состоявшемся незадолго до этого съезде естествоиспытателей и врачей¹. В других статьях высказано принципиальное несогласие с выводами немецкого антидарвиниста М. Касовица, тщетно пытавшегося опровергнуть «основные идеи дарвинизма»², и дана высокая оценка книге И. И. Мечникова «Иммунитет в заразных болезнях»³.

В статьях, опубликованных в 1903—1904 гг., отмечается сделанный В. М. Бехтеревым на заседании Санкт-Петербургского философского общества вывод о том, что теория естественного отбора должна быть дополнена теорией психологического отбора⁴, подробно и благожелательно рецензируется книга И. И. Мечникова «Очерки о природе человека»⁵, а автор этой книги — вместе с А. О. Ковалевским и Т. Гексли — представлен как «отец сравнительной эмбриологии»⁶. В этих же статьях дана острая критика трудов немецкого антидарвиниста Б. Кнейзеля, «доказывавшего» существование потустороннего мира⁷, а также книги итальянского ученого Джинны Ломброзо, проповедующей антидарвинистские утверждения о физическом вырождении человечества⁸.

На страницах «Бессарабца» появлялись и отдельные статьи, направленные против дарвинизма. Так, например, в одной статье 1901 г. утверждается, что главным фактором развития живых организмов является не внешняя среда, а природа самих организмов, якобы свидетельствующая о существовании телеологического принципа жизни⁹. В 1902 г. появилась статья, объективистски изложившая взгляды русского антидарвиниста А. А. Тихомирова на происхождение человека¹⁰.

То обстоятельство, что в «Бессарабце» взгляды антидарвинистов иногда выставлялись в благоприятном свете, не должно вызывать удивления. Это, как известно, была в общем и целом крайне правая, монархическая, а в начале XX в. черносотенная газета. Но и тот факт, что на ее страницах было опубликовано значительное число статей в защиту дарвинизма, по своему духу не соответствовавших политической физиономии газеты, нельзя считать случайным. Он, надо полагать, свидетельствует о желании издателя газеты привлечь побольше читателей, которые, как известно, живо интересовались новейшими научными открытиями, и вместе с тем наглядно раскрывает неодолимую силу научных истин, пробивающих себе дорогу вопреки всему и вся по той простой причине, что в них современное человечество видит глубочайший смысл своего существования.

Вышесказанное свидетельствует о том, что во второй половине XIX и в начале XX в. в Молдавии, как и в других местах Российской империи, между религией и дарвинизмом происходила острая борьба. Хотя церковники и светские богословствующие ревнители православной веры в Молдавии прилагали все усилия к тому, чтобы опровергнуть учение Дарвина или затормозить его распространение, оно постепенно завоевывало умы людей. В защиту идей дарвинизма здесь выступили прогрессивно настроенные писатели, философы и биологи, воспитанные на традициях

1 «Бессарабец», 9 (22) января 1902 г.

2 «Бессарабец», 20 марта (2 апреля) 1902 г.

3 «Бессарабец», 17 (30) января 1902 г.

4 «Бессарабец», 7 (20) октября 1903 г.

5 «Бессарабец», 17 (30) апреля 1903 г.

6 «Бессарабец», 10 (23) февраля 1904 г.

7 «Бессарабец», 13 (26) июля 1904 г.

8 «Бессарабец», 30 сентября (13 октября) 1904 г.

9 «Бессарабец», 27 ноября (10 декабря) 1901 г.

10 «Бессарабец», 27 августа (9 сентября) 1901 г.

русского и западноевропейского материалистического естествознания. Они нанесли сокрушительный удар по врагам учения Дарвина и обеспечили его победу в естественнонаучной мысли края. Большую роль в этом деле сыграло Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания.

Данная статья не претендует на исчерпывающее освещение трактуемого в ней вопроса. Она представляет собой попытку нарисовать общую картину и показать лишь некоторые особенности той борьбы между религией и дарвинизмом, которая происходила в Молдавии указанного периода. Дальнейшие исследования позволят раскрыть ряд новых сторон этого интересного процесса. Кроме того, приведенные в данной статье факты полностью опровергают утверждения современных защитников православия о том, что церковь якобы всегда содействовала научному прогрессу, и показывают ее подлинное лицо.

Б. М. КОЛКЕР

К ВОПРОСУ О ПРОВОЗГЛАШЕНИИ РУМЫНИЕЙ НЕЙТРАЛИТЕТА В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о внешнеполитической позиции Румынии в начале второй мировой войны мало исследован. Он затрагивается, правда, в работах румынского историка Е. Кампус и в статье румынских исследователей Е. Няму и А. Федотовой. В своей основной работе по этой проблеме¹ Е. Кампус касается главным образом происков воюющих империалистических держав, направленных на вовлечение Румынии в войну, но не раскрывает существа позиции, занятой румынскими правящими кругами во второй половине 1939—1941 гг. В другой работе² тот же автор, опираясь на богатый фактический материал, излагает попытку румынского правительства создать так называемый «нейтральный блок». Интересная статья Е. Няму и А. Федотовой³ освещает героическую борьбу румынских коммунистов, стремившихся воспрепятствовать втягиванию своей родины в преступную антисоветскую войну.

Советские исследователи истории Румынии также не посвятили специальных работ названному вопросу, высказывая лишь попутно, на первый взгляд, не всегда совпадающие суждения. Так, например, Б. М. Колкер⁴, И. Н. Чемпалов⁵ и Н. Лебедев⁶, подчеркивают антисоветскую сущность позиции, занятой румынскими правящими кругами. А. А. Язькова⁷ и А. А. Шевяков⁸ выдвигают на первый план усиление процесса закабаления Румынии гитлеровской Германией. На самом деле эти направления исследований отражают различные, дополняющиеся стороны позиции Румынии в этот период и ее последствий.

Ни одна из упомянутых работ, однако, не дает подробного анализа позиции румынского правительства и различных политических течений внутри страны в начале второй мировой войны.

¹ E. Campus. Poziția României în timpul primei faze a celui de al doilea război mondial (septembrie 1939 — aprilie 1940). — „Studii și articole de istorie”, vol. I. București, 1957.

² E. Campus. Blocul balcanic al „neutrilor” (septembrie 1939 — martie 1940). — „Studii”, 1956, Nr. 4.

³ E. Neamu și A. Fedotova. Din lupta P.C.R. împotriva tiririi României în războiul antisovietic. (Septembrie 1939 — iunie 1941). — „Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PCR”, 1960, Nr. 3.

⁴ Б. М. Колкер. Борьба румынского народа в 1944—1945 гг. за национальное и социальное освобождение (канд. диссертация). М., Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, 1954, стр. 45.

⁵ И. Н. Чемпалов. Политика англо-французского блока на Балканах в период «странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940). — «Ученые записки Уральского государственного университета имени А. М. Горького», вып. 16 (исторический). Свердловск, 1957.

⁶ Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961, стр. 74.

⁷ А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны, 1934—1939 гг. М., 1963, стр. 268.

⁸ А. А. Шевяков. Экономическая и политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963, стр. 80.

В этом отношении почти ничего нельзя почерпнуть и из мемуаров бежавших от суда народа бывших румынских реакционных дипломатов. Гафенку, занимавший пост министра иностранных дел Румынии в это время, в своих воспоминаниях вообще обходит вопрос о провозглашении Румынией нейтралитета¹. Это и понятно, ибо Гафенку писал свою книгу в 1944 г., когда неминуемое поражение Германии не вызывало сомнений и прогрессивную роль СССР в развитии мировых событий нельзя было отрицать. В этих условиях он стремился обойти прогитлеровский характер провозглашения Румынией нейтралитета.

Генеральный секретарь румынского Министерства иностранных дел Ал. Крецяну опубликовал свои мемуары² в 1957 г., когда социалистический строй окончательно победил в Румынии, но румынские реакционные эмигранты все еще возлагали большие надежды на «освобождение» Юго-Восточной Европы западными империалистами. Это определило подчеркнuto антисоветский характер воспоминаний и стремление представить румынскую политику в изучаемый период как проантантовскую. Замалчивая важнейшие документы и события, Гафенку и Крецяну приложили все усилия, чтобы обелить проводившуюся ими внешнюю политику, доказать ее «миролюбивый» характер.

Занимавшийся интересующей нас проблемой западногерманский историк Андреас Хиллгрубер поставил перед собой абсолютно непосильную задачу: доказать непричастность гитлеровской Германии к событиям, разыгравшимся в 1939—1941 гг. в Румынии³.

Выяснение подлинной позиции Румынии в начале второй мировой войны имеет большое значение, так как оно дает ключ к пониманию последующих шагов румынской внешней политики. Оно помогает разобраться в некоторых важнейших событиях этого периода в Юго-Восточной Европе.

Реакционная королевская диктатура, установленная в Румынии в феврале 1938 г., проводила антисоветскую внешнюю политику. Мюнхенский сговор империалистических держав особенно окрылил румынские правящие круги. В беседе с Гитлером 24 ноября 1938 года румынский король Кароль II заявил, что Румыния занимает антисоветскую позицию, но она не может заявить об этом открыто, так как Советский Союз является ее соседом⁴. Однако в те же дни румынский премьер-министр Мирон Кристя выступил с речью, в которой в едва прикрытой форме утверждал, что Румыния якобы вправе претендовать на присоединение Молдавской АССР⁵.

Отказываясь от всех возможностей установить дружеские отношения с СССР и карая изгнанием из политической жизни страны дальновидного министра иностранных дел Н. Титулеску за попытку урегулировать и улучшить отношения со страной социализма, Румыния связала себя обязательствами с обоими враждующими империалистическими лагерями.

Еще в 1921 г. она заключила агрессивный антисоветский военный договор с панской Польшей. По многим важнейшим вопросам внешняя

¹ Gr. Gafencu. *Préliminaires de la guerre a l'Est*. Librairie de l'Université de Fribourg, 1944.

² Al. Cretzianu. *The lost opportunity*. London, 1957.

³ A. Hillgruber. *Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumanischen Beziehungen 1939—1944*. Wiesbaden, 1954.

⁴ „Documents on german foreign policy” (далее DGFP), 1918—1945, series D. London, 1954, vol. VII, p. 339.

⁵ „Curentul”, 1938, 29 noiembrie.

политика этих двух стран была тождественна. Неизменно связанное после первой мировой войны с Великобританией и Францией, румынское правительство приняло в апреле 1939 г. так называемые гарантии, предоставленные ей правительствами этих стран. Поощряемое англо-французскими империалистическими кругами румынское правительство, так же как и польское и по согласованию с ним, внесло свой «вклад» в срыв англо-франко-советских переговоров о заключении пакта о взаимной помощи¹. С другой стороны, экономический договор от 23 марта 1939 г. связал Румынию с гитлеровской Германией. Антисоветская политика румынских правителей, их недалекость и отсутствие эффективной помощи со стороны западных держав привели румынское правительство к заключению этого экономического соглашения, знаменовавшего собой решительный шаг к потере национальной независимости. Румынские правящие круги рассчитывали, что удовлетворенная их экономическими уступками нацистская Германия будет заботиться о сохранении территориальной целостности румынского государства. В момент резкого обострения противоречий между враждующими империалистическими державами они продолжали свою антисоветскую политику и возлагали большие надежды на предотвращение военного конфликта на Западе в результате очередной договоренности типа Мюнхена. В интервью реакционному французскому журналисту Раймону Рекули во второй половине июля 1939 г. Гафенку заявил, что он не считает опасность войны близкой или неминуемой². Румынский министр иностранных дел очень обстоятельно говорил о будто бы неизбежных и ничем не заменимых связях своей страны с гитлеровской Германией. В то же время Гафенку не произнес ни единого слова об отношениях с СССР. «Это молчание или, если точнее, эта скрытность, — отмечал Рекули с удовлетворением, — сами по себе весьма знаменательны».

Одновременно другой видный румынский политический деятель, занимавший до и после этого министерский пост, ректор Черновицкого университета Ион Нистор напечатал в гитлеровском «научном» журнале статью, в которой заявил, что «украинский вопрос» еще не решен, и заверял украинских буржуазных националистов в симпатии и дружбе румынских правящих кругов³. Надежда на разгром и последующий распад Советского Союза была очевидна. Гитлеровские главарь хорошо знали, что им нечего опасаться Румынии. В беседе с министром иностранных дел Италии Чиано 12 августа 1939 г. Гитлер заявил, что Кароль II несомненно не откажется от нейтралитета, и весьма пренебрежительно высказывался о внутреннем положении Румынии и об ее политических деятелях⁴. Румынское правительство продолжало все это время снабжать Германию нефтью с большим перевыполнением обязательств по поставкам⁵. Однако вскоре румынские правящие круги стали догадываться, что война, видимо, начнется не так, как им хотелось. В их среде вызвало растерянность подписание договора о ненападении

¹ См. по этому вопросу V. A. Varga. *Atitudinea guvernului român burghezo-mosieresc fața de tratativele anglo-franco-sovietice din anul 1939*. — „Studii”, 1960, Nr. 4.

² „Gringoire”, 1939, 24 août.

³ „Die rumänisch-ukrainischen Beziehungen in ihrem geschichtlichen Werdegang” von Ion I. Nistor — „Südostdeutsche Forschungen”, IV. Jahrgang, Heft 2, August, 1939, S. 229—242.

⁴ DGFP, 1918—1945, series D, vol. VII, London, 1956, p. 42. По итальянской записи этой беседы, Гитлер заявил, что Болгария и Венгрия сумеют нейтрализовать, «между прочим, весьма проблематичную враждебность Румынии». См. „Documenti diplomatici italiani” (далее DDI), 8 serie, 1935—1939, vol. XIII, Roma, 1953, p. 6.

⁵ DGFP, 1918—1945, series D, vol. VII, p. 85.

между Германией и Советским Союзом. Тот факт, что Советский Союз сумел расстроить планы создания антисоветской коалиции и добился роста своего международного авторитета, больше всего пугал румынских реакционных политиков. Влиятельная газета «Универсул» была вынуждена признать, что «Москва находится на первом плане европейской политики»¹. Из признания этого факта румынские правители не делали, однако, надлежащих выводов, хотя премьер-министр Румынии А. Калинеску считал создавшееся положение «весьма серьезным»². Растрянность румынских правящих кругов сопровождалась разочарованием в отношении гитлеровской Германии, на которую они смотрели как на силу, призванную возглавить антисоветский поход. Впрочем, и в создавшейся обстановке румынские правители продолжали надеяться на новый Мюнхен, конечно, теперь уже за счет Польши. 27 августа 1939 г. Гр. Гафенку сообщил гитлеровскому посланнику в Бухаресте В. Фабрициусу об убежденности Кароля II в том, что до войны не дойдет, что Великобритания и Франция найдут мирное решение даже в последнюю минуту³.

31 августа 1939 г., когда гитлеровские войска ждали только приказа об открытии огня, бывший премьер-министр Румынии Г. Татареску, вернувшийся за несколько дней до этого из Парижа, где он занимал пост посла, говорил Гафенку, что еще не потеряна надежда на созыв международной конференции, которая разрешит кризис в международных отношениях⁴. Татареску выразил тревогу по поводу того, что как в случае войны, так и в случае международной конференции положение Румынии будет «исключительно трудным»⁵.

31 августа 1939 г. Арманд Калинеску, принимая В. Фабрициуса, не сумел удержаться от напоминания гитлеровскому посланнику того факта, что в свое время Румыния, чтобы «понравиться» Германии, не заключила договора о ненападении с СССР⁶. Это признание является доказательством антисоветского курса проводимой румынскими правящими кругами внешней политики. Тирада Калинеску была упреком гитлеровскому правительству, пошедшему на заключение договора о ненападении с Советским Союзом. Румынский премьер заверил Фабрициуса, что Румыния будет скрупулезно выполнять договор от 23 марта 1939 г., но поставил это намерение в зависимость от точного выполнения Германией своих договорных обязательств⁷. Калинеску сетовал на отношение Германии к вопросу о заключении пакта о ненападении между Венгрией и Румынией, предложенного последней и отклоненного хорватскими правителями⁸. Беседа выявила наличие разногласий между собеседниками. Дело в том, что до посещения премьер-министра Фабрициус побывал у Гафенку и потребовал от него, чтобы Румыния запретила транзитную перевозку 3000 ящиков с бомбами из Констанцы в

Польшу¹. Гафенку отказал ему, сославшись на то, что войны пока еще нет, и он не может приостановить перевозки.

Фабрициус пришел с тем же требованием к Калинеску и заявил ему, что такое решение румынского правительства произведет «чудесное впечатление» в Берлине². Но Калинеску не только подтвердил ответ Гафенку, но дал понять Фабрициусу, что Румыния может принять решение, весьма неудобные для Германии. «Я, — заявил румынский премьер, — не советую Вам поднимать этот вопрос. Что мы должны будем ответить, если Франция, Англия и Польша потребуют от нас не снабжать Вас нефтью, которая является военным материалом?»³ Калинеску напомнил таким образом гитлеровскому посланнику, что снабжение Германии ценнейшим стратегическим сырьем во многом зависит от Румынии. Фабрициус был вынужден уйти от Калинеску, не получив удовлетворения по главному вопросу. Конечно, гитлеровский посланник располагал сведениями, что Румыния не уменьшит поставки нефти в Германию⁴. Заявление Калинеску отличалось от конфиденциальных заверений других ответственных румынских руководителей и свидетельствовало о некоторой его неподатливости гитлеровским требованиям. Однако немецкие правители не могли допустить и мысли, что Румыния попытается каким-то образом повлиять на их снабжение.

Даже после нападения гитлеровской Германии на Польшу румынские правящие круги продолжали надеяться на возможность предотвращения дальнейшего развития конфликта. «Война носит пока локальный характер и ее можно еще приостановить», — писал 2 сентября 1939 г. официоз румынского правительства⁵. 3 сентября, однако, стало ясно, что война расширилась и нет никаких надежд на умиротворение. Румыния должна была определить свою позицию. 4 сентября 1939 г. румынское правительство опубликовало коммюнике, в котором говорилось, что Румыния полна решимости «сохранять и впредь мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами. В этом духе правительство готово возобновить свое предложение о заключении договора о ненападении»⁶. Коммюнике явно свидетельствовало о нежелании румынского правительства четко определить свою позицию и в то же время о его замешательстве. У границ страны бушевала война, которая грозила гибелью союзной ей державе — Польше, а румынское правительство заявляло о сохранении им своей прежней «мирной позиции»! Пока дело не дошло до войны, румынские правители, изворачиваясь, совмещали обязательства перед соперничающими империалистическими державами в надежде, что противоречия между последними изгладятся и Румыния никогда не будет поставлена перед

¹ Arhiva M.A.E., cazierul 4, problema 71, vol. 20, anii 1939—1944, Convorbirea între Gr. Gafencu și W. Fabricius din 31 august 1939, f. 1. В донесениях Фабрициуса в Берлине о беседах с Калинеску и Гафенку опущены упоминания о просьбе приостановить перевозку бомб в Польшу и упреках Калинеску в отношении заключения советско-германского договора. См. DGFR, 1918—1945, series D, vol. VII, p. 470, 481.

² Arhiva M.A.E., fond special, Memoriile lui Armand Călinescu, dosar 15, f. 5.

³ Там же, f. 6.

⁴ За три дня до этого, 28 августа 1939 г., Кароль II сообщил гитлеровскому разведчику полковнику Герштенбергу, что он отклонил англо-французские предложения саботировать нефтедобычу и что он, Кароль, намерен дать Германии «ощутимые» доказательства своего нейтралитета (DGFR, 1918—1945, series D, vol. VII, p. 385). 30 августа 1939 г. Фабрициус доверительно сообщил своему итальянскому коллеге, что Гафенку и министр двора Урдаряну заверили его, что поставки нефти будут продолжаться даже при помощи румынских цистерн (DDI, 8 serie, vol. XIII, p. 287).

⁵ „România”, 1939, 3 septembrie. В буржуазно-помещичьей Румынии газеты датируются днем позже их фактического выхода.

⁶ „România”, 1939, 6 septembrie. Речь шла о возобновлении предложения о заключении договора о ненападении с Венгрией.

¹ „Universul”, 1939, 24 august.

² Gr. Gafencu. Op. cit., p. 305.

³ DGFR, 1918—1945, series D, vol. VII, p. 364.

⁴ Arhiva ministerului afacerilor externe (далее—Arhiva M.A.E.), cazierul 2, vol. 2, problema 71, România general Convorbirea între Gr. Gafencu și G. Tătărescu din 31 august 1939, f. 1.

⁵ Там же, f. 2.

⁶ Arhiva M.A.E., fond special Memoriile lui Armand Călinescu, dosar 15, f. 4.

⁷ Там же, f. 2.

⁸ Там же, f. 3, 24 августа 1939 г. Гафенку предложил венгерскому посланнику заключение такого договора. Arhiva M.A.E., cazier 2, vol. 9, Problema 71 (Intrevederea dintre Gr. Gafencu și L. Bardossy din 24, VIII, 1939). Венгерское правительство отклонило это предложение под предлогом, что Румынии не угрожает никакая опасность. См. „Pester Lloyd” 1939, 15 septembar.

необходимостью твердо определить свою позицию. Но война началась, а Румыния имела конкретные обязательства перед воюющими сторонами. Румынское правительство обещало Польше пропустить через румынский порт Галацы транспорт английских самолетов для польской армии и обсудило с польским правительством вопрос о создании базы для получения других авиационных материалов в Румынии также отводилось значительное место. 23 августа 1939 г. на совещании, созванном премьер-министром Франции Даладье, министр иностранных дел Ж. Боннэ заявил, что Румыния, видимо, согласится и впредь снабжать Германию². Однако французское правительство надеялось, что Румыния окажет сопротивление при попытке гитлеровцев оккупировать страну и будет содействовать оказанию помощи Польше. В беседе с видным политическим деятелем Фландэном генерал Гамелен заявил, что, по его мнению, поляки продержатся по крайней мере 6 месяцев и «...мы (союзники. — Б. К.) поможем им через Румынию»³.

Французские и английские правители рассчитывали в дальнейшем открыть новый фронт военных действий на Балканах и с этой целью стали еще до нападения Германии на Польшу усиливать свои войска на Ближнем Востоке (под руководством французского генерала Вейгана и английского генерала Уэйвелла). Все эти планы строились из расчета на содействие Румынии делу союзников.

Половинчатая формулировка румынского коммюнике, в котором отсутствовало слово «нейтралитет», должна была в какой-то мере отвечать надеждам и планам союзников. В ответе на демагогическое обращение генерала Франко о локализации конфликта Гафенку заявил испанскому посланнику в Бухаресте, что румынское правительство не может поддержать призыв каудильо, так как оно в качестве союзника должно избегать любого жеста, который мог бы «помешать другим государствам прийти на помощь Польше»⁴. В новой ситуации цели румынских правящих кругов претерпели изменения. Расчеты на захват советских земель пришлось отложить. На первый план выдвигалась задача сохранения территориального status quo. Комментируя коммюнике правительства, официоз «Румыния» писал: «Мы ничего ни от кого не требуем... Мы ничего никому не должны; мы ничего никому не дадим»⁵. «Мирная позиция», провозглашенная румынским правительством, была направлена на сохранение всех территориальных приобретений Румынии. Только при условии сохранения status quo румынские капиталисты и помещики могли рассчитывать на рост своих прибылей от продажи нефтяных и зерновых богатств страны, цены на которые должны были многократно возрасти в условиях европейской войны.

Однако коммюнике румынского правительства не удовлетворило гитлеровскую Германию. Нарочитая неопределенность коммюнике вызвала в Берлине беспокойство в отношении намерений румынского правительства. Как указывает А. Хиллгрубер, Гитлер, конечно, не боялся нападения со стороны румынской армии, но опасался сокращения или запрещения вывоза румынской нефти в Германию⁶. Кроме того, гитле-

¹ Colonel Joseph Beck. Dernier rapport. Politique polonaise 1926—1939. Paris, 1951, p. 223.

² Général Gamelain. Servir, tome I, p. 29.

³ Pierre Etienne Flandin. Politique française 1919—1940. Paris, 1947, p. 317.

⁴ DDI, 9 serie, 1939—1945, vol. I, Roma, 1954, p. 19.

⁵ „Romina”, 1939, 6 septembrie.

⁶ A. Hillgruber. Op. cit., S. 56.

ровские заправки добивались прекращения перевозок оружия через Румынию в Польшу, тем более, что это был самый безопасный путь для снабжения польской армии вооружением и боеприпасами.

В день издания правительственного коммюнике, 4 сентября 1939 г., Фабрициус вновь посетил Калинеску и пытался добиться от него запрещения провоза военного материала и проезда английской миссии через Румынию в Польшу¹. Румынский премьер, однако, ограничился обещанием не разрешить проезда большой группы английских военнослужащих и провоза большого количества оружия. Это было, конечно, неудовлетворительное, с точки зрения Берлина, заверение. Резко прозвучал ответ Калинеску на вопрос о поставках нефти: Румыния будет выполнять свои обязательства по нефтепоставкам по мере того, как германское правительство будет поставлять товары и материалы по его обязательствам². Поскольку гитлеровцы часто срывали поставки оружия в Румынию, заявление Калинеску не могло произвести на них благоприятного впечатления. В конце беседы Фабрициус заявил, что хотя он знает, что политика румынского правительства руководствуется только «высшими интересами страны», он считает, что было бы лучше, если бы Румыния сделала заявление о нейтралитете. Согласно записи беседы, Калинеску ответил гитлеровскому посланнику, что «это невозможно, т. к. Румыния не находится на положении стран типа Швейцарии, Дании и Голландии. Мы считаем, что весь мир признает, что нейтралитет вытекает из наших действий, которые не допускают никаких кривотолков»³. Несмотря на уклончивую форму ответа, Фабрициус ушел от Калинеску не солоно хлебавши. Решение румынского правительства заявить о сохранении им «мирной позиции» диктовалось, видимо, надеждой, что Великобритания и Франция, только накануне вступившие в войну, немедленно развернут боевые действия против гитлеровской Германии в широких масштабах и тем самым облегчат участь Польши, а также нежеланием первым среди правительств стран Балканской Антанты объявить о нейтралитете, то есть поставить в известной мере знак равенства между Великобританией, Францией, Польшей и их противником. А страны Балканской Антанты, как известно, длительное время были тесно связаны с Великобританией и Францией.

В эти дни за границей стали распространяться слухи, что Германия якобы потребовала от румынского правительства запрещения перевозки оружия для Польши и создания германской контрольной комиссии на румынско-польской границе⁴. На деле гитлеровское правительство таких шагов не предпринимало. Как указывал 5 сентября 1939 г. итальянский посол в Берлине Аттолико, гитлеровцы предпочитали извлекать пользу из нейтралитета многих государств, не превращая их в своих врагов. Аттолико приводил в качестве примера Румынию, заметив: «Разве не лучше иметь румынскую нефть почти с доставкой на дом и без затруднений — все это по обычным торговым каналам, — чем быть вынужденным взять эту нефть путем оккупации страны с огромной тратой сил и средств»⁵.

Германия была заинтересована в беспрепятственном выкачивании нефти, зерна и других материалов из Румынии для нужд гитлеровской

¹ Arhiva M.A.E., cazierul 86, vol. 41. Notă asupra convorbirii dintre Armand Călinescu și W. Farbicius din 4 septembrie 1939, f. 1.

² Там же, f. 2.

³ Там же, f. 2. Калинеску имел в виду, что Швейцария, Дания и Голландия считались традиционно нейтральными государствами.

⁴ „The New-York Times”, 1939, 5 september.

⁵ DDI, 9 serie, vol. I, p. 28.

военной машины. Поэтому 4 сентября 1939 г. гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп заявил венгерскому посланнику в Берлине, что Венгрия не должна ни при каких обстоятельствах предпринимать нападение на Румынию¹. Пока Румыния аккуратно снабжала Германию всем необходимым, гитлеровцы стремились к сохранению «спокойствия» и «порядка» в этой стране, так же как, впрочем, и во всем Дунайском бассейне и на Балканах. Не покончив еще с Польшей и замышляя новые агрессивные удары на Западе, гитлеровские правители хотели продолжать «мирное» экономическое и политическое закабаление Румынии, Болгарии, Югославии и усилить свое проникновение в другие страны этого района. Венгрия уже была превращена в сателлита гитлеровской Германии. Поэтому венгерский министр иностранных дел Чаки заявил Риббентропу 7 сентября 1939 г., что венгерское правительство готово выполнить в отношении Румынии все, что покажется желательным Германии, вплоть до заключения румыно-венгерского договора о ненападении². Риббентроп посоветовал, однако, Чаки договора не заключать. Какое-либо улучшение отношений между этими странами было невыгодно гитлеровцам, которые использовали вражду между государствами в целях их шантажирования и закабаления.

События разворачивались с такой быстротой, что румынским правителям пришлось через 48 часов после издания Коммюнике о сохранении «мирной позиции» вновь заняться вопросом об отношении к войне. Гитлеровское наступление в Польше развивалось более чем успешно. Франция и Великобритания не предприняли никаких наступательных боевых действий против Германии. Невольно возникал вопрос: что предпримут англо-французы для выполнения своих «гарантий», данных Румынии, в случае нападения на нее гитлеровской Германии или ее сателлитов, если они ничего по существу не делают или не в состоянии сделать, чтобы помочь союзной с ними Польше? К тому же 5 сентября 1939 г. югославское правительство объявило о решении остаться нейтральным, о своем желании сохранить дружеские отношения со всеми великими державами и развивать добрые отношения с соседними странами³.

Правда, Греция и Турция пока отказывались объявить о своем нейтралитете, подчеркивая тем самым свои симпатии делу союзников, но они были расположены дальше от границ рейха и пока недостижимы для Германии и сателлитов. Документы по гитлеровской внешней политике не содержат никаких упоминаний о нажиме, оказанном в эти дни на румынское правительство. Однако упомянутый выше Ал. Крецяну утверждает, что заявление о нейтралитете Югославии было использовано германским посланником в Бухаресте, чтобы потребовать от румынского правительства более четко определить свою позицию⁴. Итальянский посланник в Бухаресте Киджи передавал в Рим, что, как ему доверительно сообщил его гитлеровский коллега, решение о новом рассмотрении румынской позиции явилось результатом требований посланника Германии, действующего согласно инструкции из Берлина⁵. Чтобы скрыть нажим, оказанный на румынское правительство, и приуменьшить значение нового решения, было решено представить новое рассмотрение вопроса как продолжение обсуждения, имевшего место 4 сентября 1939 г. в Совете Министров Румынии.

¹ DGFR, series D, vol. VIII, p. 6.

² DGFR, series D, vol. VIII, p. 29.

³ „Le Temps”, 1939, 6 septembre.

⁴ Al. Cretzianu. Op. cit., p. 29.

⁵ DDI, 9 serie, vol. I, p. 36, 60.

6 сентября в одном из королевских дворцов в пригороде Бухареста — Котрочень состоялось созванное Каролом II заседание Коронного Совета. На заседании присутствовали все королевские советники¹, за исключением маршала Презана и антисемита А. К. Куза. У маршала Презана сложились натянутые отношения с королем, особенно с тех пор, как его приближенный генерал И. Антонеску был отстранен от всех занимаемых ранее должностей. А. К. Куза был известен как прогитлеровец, и ему, видимо, не хотелось объясняться по поводу «предательства» Германии (заключения ею договора о ненападении с СССР).

В совещании принимали участие также А. Калинеску, Г. Гафенку и министр двора, ближайший сподвижник Кароля II — Эрнест Урдаряну. Участники заседания во главе с королем являлись не только прожженными политиками, но, за редким исключением, и крупнейшими капиталистами и помещиками страны. Многие из них (К. Арджетоану, Ал. Вайда-Воевод, Г. Г.-Миронеску и др.) были тесно связаны с иностранными монополиями, вместе с представителями которых они входили в состав многочисленных акционерных обществ. Хотя все они носили одинаковую форму «Фронта национального возрождения», созданного в качестве единственно дозволенной политической организации, никакого единства взглядов между ними не было. На самом деле они представляли различные интересы и политические течения в румынских правящих кругах. Правда, в заседании не принимали участия официальные представители основных буржуазно-политических партий, национал-либеральной и национал-царанистской, так как они считались формально распущенными, а их лидеры Д. Братиану и Ю. Маниу отказались сотрудничать с установленным 10 февраля 1938 г. режимом королевской диктатуры. Последние продолжали, однако, поддерживать политический контакт с некоторыми своими сторонниками, ставшими королевскими советниками или членами правительства, — К. Анжелеску, Г. Гафенку и другими. Д. Братиану и Ю. Маниу на данном этапе не выступали против внешнеполитической ориентации румынского правительства.

На заседании не были представлены крайне правые группировки — так называемая национал-христианская партия, возглавляемая А. К. Куза, и террористическая фашистская организация «Железная гвардия». Отдельные руководители национал-христианской партии активно поддерживали королевскую диктатуру (И. Мическу, И. Джигурту и др.); другие, в том числе А. К. Куза, именно в это время осторожно сближались с ней. Отсутствие на совещании деятелей этой партии, как будет видно дальше, не помешало им оказать ощутимое влияние на внешнеполитическую линию государства. Руководители «Железной гвардии» находились либо в Германии, куда они бежали в конце 1938 г., либо готовили в Румынии террористические акты. Их позиция в вопросах внешней политики была общезвестна. Являясь платной агентурой гитлеровцев, главарю «Железной гвардии» стремились к быстрейшему и полному превращению Румынии в сателлита Германии.

Сохранилась, хотя и неполная, запись высказываний королевских советников на заседании 6 сентября 1939 г., составленная Гафенку. Перед королевскими советниками выступили Калинеску и Гафенку². Сoder-

¹ Королевский советник — звание, учрежденное в конце марта 1938 г. Каролом II после установления режима королевской диктатуры. Оно присваивалось бывшим премьер-министрам и другим политическим, военным и общественным реакционным деятелям. Решения Коронного Совета носили консультативный характер, но оказывали определяющее влияние на политику страны.

² „România”, 1939, 8 septembre.

жание собственного выступления Гафенку в запись не внес. Сам он общил 29 ноября 1939 г. в речи перед Комиссиями по иностранным делам обеих палат румынского парламента, будто в своем докладе указывал на то, что «сохранение мирной позиции вполне оправдывается необходимостью оградить от войны Дунайский бассейн и Балканы» и что проведение соответствующей политики требует, чтобы Румыния впредь соблюдала принципы невмешательства и нейтралитета¹. Гафенку подчеркнул, что вооруженный конфликт не затрагивает интересов, независимости и территориальной целостности страны, но в то же время Румыния должна соблюдать свои обязательства и сохранить международные связи. Не трудно заметить, что выступление Гафенку отразило сложное положение, в котором находилась Румыния, связанная своими обязательствами с обеими воюющими сторонами. Министр иностранных дел не внес ни одного предложения по укреплению внешнеполитической позиции страны, ее суверенитета и независимости, хотя было ясно, что пламя войны может в любую минуту перекинуться в Румынию и сжечь ее. Утверждение Гафенку, будто война не затрагивает интересов страны², свидетельствовало о его желании успокоить встревоженное общественное мнение.

Первым из королевских советников взял слово генерал А. Вэнтюну, который играл весьма незначительную роль в политической жизни страны. Он высказывался за сохранение Румынией полного нейтралитета³. Это мнение представляет большой интерес, так как Вэнтюну являлся долгие годы членом отколовшейся от национал-либеральной партии одноименной группировки, возглавляемой Г. Братиану, и находился целиком под влиянием последнего⁴. То обстоятельство, что такой человек, как Г. Братиану, устами своего фактического представителя в Коронном Совете высказался за нейтралитет, свидетельствовало о полной приемлемости подобной позиции для Германии.

Известный реакционер А. Вайда-Воевод⁵ в своем выступлении ограничился требованием, чтобы было опубликовано сообщение о нейтралитете Румынии, добавив, что ему известно об ожидании Германией такого заявления⁶. Он потребовал также, чтобы и другие державы заявили о готовности уважать румынский нейтралитет.

¹ „Universul“, 1939, 1 decembrie.

² Не известно, была ли эта мысль высказана Гафенку на Коронном Совете. Поскольку он излагал содержание своего выступления перед депутатами и его речь печаталась всеми румынскими газетами, не исключено, что Гафенку «доработал» ее соответствующим образом.

³ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din septembrie 1939, f. 2.

⁴ Сам Г. Братиану поддерживал самые дружеские отношения с Каролом II до и после установления королевской диктатуры, но оставался членом национал-либеральной партии, возглавляемой Д. Братиану, в состав которой он вернулся в январе 1938 г. Он был известен как враг Советского Союза и сторонник сближения с гитлеровской Германией.

⁵ Еще в конце 1938 г. в конфиденциальном письме Каролу II Вайда-Воевод требовал, чтобы Румыния заключила союз с гитлеровской Германией, объясняя, что в таком случае «опасность большевизации не будет угрожать будущему страны» (Arhivele statului, București, fond Vaida, memoriul către Carol al II-lea din 21 decembrie, 1938, f. 5). Вайда-Воевод возглавлял румынскую делегацию на праздновании 50-летия Гитлера.

⁶ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 2. Осведомленность Вайда-Воевод об ожидании Германией заявления о нейтралитете наводит на мысль, что гитлеровцы оказывали и через него давление на румынское правительство.

Следующим оратором был Г. Г. Миронеску¹. Он внес нечто новое в дискуссию. Миронеску предложил, чтобы румынское правительство попыталось выяснить «намерения русских»². Это было реалистическое замечание, которое должно было напомнить присутствующим, что Румыния соседствует с великой державой, чьи усилия остаться вне войны увенчались успехом. Далее Миронеску высказал свое удовольствие возможностью удовлетворить Германию заявлением о нейтралитете, подобном югославскому, подтвердив тем самым, что ему также известно о нажиме, оказанном Берлином. Пытаясь, очевидно, успокоить тревогу, вызванную давлением гитлеровцев, Миронеску заметил, что «нейтралитет, между прочим, понятие весьма широкое и неопределенное»³. Таким образом, он как бы выразил надежду, что заявление о нейтралитете не очень-то будет связывать руки правящим кругам Румынии и косвенно возразил против требования о провозглашении «полного» нейтралитета. Характерно также, что Миронеску предложил добиваться со стороны Германии заверения в соблюдении ею румынского нейтралитета.

Совершенным диссонансом ворвалось в общий тон совещания выступление Н. Йорги⁴. Он был известен как сторонник союзных держав, особенно Франции. Йорга с большой симпатией относился к Италии. Несмотря на свои реакционные взгляды, Йорга видел, какую опасность представляет фашистская Германия, ненавидел ее руководителей и их румынских агентов — лидеров «Железной гвардии». Его речь на Коронном Совете носила подчеркнуто антигитлеровский характер. Он призывал собравшихся никогда не проводить политику под давлением страха, никогда не подчиняться силе⁵. Намек был ясен. Именно гитлеровская Германия проводила политику шантажирования и грубого нажима на другие страны.

Далее Йорга указал, что Румыния не может осуществить политику, которую ей бы хотелось проводить⁶. Таким образом, Йорга признал, что в сложившейся обстановке Румыния не может проводить политику оказания активной помощи союзникам, которая, по его мнению, соответствовала желаниям румынского народа. «Следовательно, мы будем сохранять нейтралитет. Но это должен быть достойный и честный нейтралитет»⁷. Йорга тут же добавил, что необходимо положить раз и навсегда конец вмешательству гитлеровского посланника В. Фабрициуса во внутренние дела, его попыткам повлиять на ход событий в стране. Такое за-

¹ Г. Миронеску был одним из крупнейших промышленников страны, в прошлом — членом многих буржуазных партий. В качестве одного из лидеров национал-царанистской партии он занимал различные министерские посты и был одно время председателем Совета министров. В 1935 г. вышел из этой партии и стал «беспартийным».

² Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 3.

³ Там же.

⁴ Известный историк, автор бесчисленных научных и публицистических трудов Н. Йорга придерживался реакционных взглядов. Он был членом почти всех румынских буржуазных партий, которые поочередно покидал, пока не создал свою «национально-демократическую партию», которая была настолько малочисленна, что очень редко могла собрать нужное количество голосов, чтобы послать своих представителей в парламент. Она, как правило, выступала в коалиции с другими партиями. В 1931—1932 гг. Йорга был премьер-министром. Несмотря на преданность Йорги институту монархии, Кароль II и его камарилья презирали его, но пользовались его именем и большим научным авторитетом в целях маскировки своей антинародной деятельности.

⁵ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 3.

⁶ Там же, f. 4.

⁷ Там же.

явление должно было особенно не нравиться собравшимся, многие из которых (Ал. Вайда-Воевод, К. Арджетоюну, Кароль II) имели «конфиденциальные» встречи с различными гитлеровскими представителями. Им предстояло услышать нечто еще более неприятное. Йорга продолжал: «Наше общественное мнение не хочет войны, но мы не желаем победы Германии. Мы все желаем, чтобы наступил конец этому террористическому режиму в Европе»¹. Решительное осуждение гитлеровского режима на заседании Коронного Совета полуфашистской румынской монархии было молча выслушано собравшимися политиками. Никто не осмеливался возразить Йорге, в том числе и тот, кто недавно ездил на поклон к Гитлеру. Йорга потребовал, чтобы нейтральная Румыния не представляла Германии преимуществ по сравнению с другими государствами, то есть чтобы нейтралитет соблюдался буквально и неукоснительно. Он заявил, что статьи в газетах «Курентул»² и «Порунка Времи»³, в которых восхваляется гитлеровская Германия, вызывают у него отвращение. Йорга предложил укрепить связи Румынии с Италией⁴, указывая, что, по его мнению, итальянский монарх спас эту страну от вступления в войну. Последнее не соответствовало действительности, но замечание Йорги свидетельствовало о его недоверии к Муссолини. Заканчивая выступление, Йорга еще раз выразил сожаление, что Румыния не может оказать Великобритании, Франции и Польше помощь, и призвал присутствующих думать о конце войны и о предстоящей после нее мирной конференции, на которой, как он был уверен, союзные державы будут заседать в качестве держав-победительниц⁵. Из этого Йорга делал еще раз вывод о необходимости сохранения «честного» нейтралитета. Решительное разоблачение Йоргой агрессивной политики нацистского режима и требование положить конец вмешательству гитлеровского посланника во внутренние дела страны, осуждение продажных органов печати и настоятельное напоминание о необходимости соблюдения честного нейтралитета придали этой речи характер смелого и прогрессивного выступления. Оно относится к наиболее интересным и положительным политическим акциям Н. Йорги. Все присутствовавшие, однако, предпочли не возвращаться к вопросам, поднятым маститым ученым.

После Йорги взял слово доктор К. Анжелеску⁶. Он ограничился предложением объявить о нейтралитете страны, указал, что его нужно соблюдать честно и корректно⁷. В этом Анжелеску в некоторой степени поддерживал Йоргу, не уточняя, впрочем, свои призывы.

¹ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 4.

² «Курентул» — профашистская газета, директором и собственником которой являлся продажный журналист Памфил Шейкару. Следует отметить, что 29 августа 1939 г. гитлеровская миссия в Бухаресте запросила в Берлине 300 000 марок для пропаганды, в том числе для подкупа газет «Курентул» и «Тимпул» (DGFP, series D, vol. VII, London 1956, p. 420—421). «Тимпул» являлась собственностью министра иностранных дел Гафенку.

³ «Порунка Времи» — антисемитская, погромная газета, находящаяся на содержании у гитлеровской миссии.

⁴ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 4—5.

⁵ Там же, f. 5.

⁶ Этот близкий к династии Братиану политический деятель попал в число королевских советников как бывший премьер-министр. В Коронном Совете он, видимо, представлял мнение либеральной группы, возглавляемой Д. Братиану.

⁷ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie, 1939, f. 5.

Анжелеску сменил другой либерал — Г. Татареску¹. Его выступление носило просоюзнический характер, хотя он высказался за «совершенный нейтралитет»², добавив, что армия должна служить стратегическим резервом для проведения этой политики. Татареску настаивал на выполнении «моральных обязательств» перед Польшей. Он напомнил присутствующим о существовании румынско-польского договора, направленного исключительно против возможности «нападения» со стороны СССР, и заявил, что не исключает в будущем необходимости его вступления в действие. В связи с этим Татареску потребовал, чтобы было «учтено» все, что связывает Румынию с Польшей, и предложил облегчить перевозку оружия для польской армии. Так же, как и в упомянутой выше недавней беседе с Гафенку, Татареску выразил опасение по поводу того, что ожидает Румынию в конце войны: «Меня преследует мысль о мирной конференции. На этой конференции будет проводиться пересмотр границ — это неизбежная фатальность. Войны, возможно, нам удастся избежать, но мирной конференции нам не миновать»³. Выступление отражало страх румынских правящих кругов, что война может вызвать развал «Великой Румынии».

К. Арджетоюну⁴ начал свое выступление констатацией, что ни в одном из воюющих государств война не была встречена с энтузиазмом⁵. При этом он заявил, что народы этих стран не знают целей войны и повсюду испытывают большие лишения. Это были верные наблюдения. Но Арджетоюну не был бы самим собой, если бы он не забил тревогу по поводу возможных революционных последствий создавшегося положения. По его мнению, в Германии, где царит голод, могло в любое время начаться коммунистическое восстание. Характерно, что в этом месте Кароль II подал реплику, что уже циркулируют слухи о каком-то движе-

¹ Г. Татареску был в течение почти 4 лет (январь 1934 — декабрь 1937 гг.) премьер-министром Румынии. Он сыграл видную роль в подготовке установления королевской диктатуры. Занимал в национал-либеральной партии первостепенное положение (долгие годы являлся ее генеральным секретарем). После установления королевской диктатуры, в первом правительстве которой он занял пост министра иностранных дел, Татареску порвал связи с председателем своей партии Д. Братиану. Будучи королевским советником, Г. Татареску стал в конце 1938 г. послом Румынии в Париже, где находился до конца августа 1939 г. Известный как сторонник Франции, Татареску не пользовался благосклонностью гитлеровцев. Фабрициус с удовлетворением сообщил 29 августа 1939 г. в Берлине, что на вопрос о причинах отзыва Татареску из Парижа Гафенку ему рассказал, что бывший премьер позволил себе сделать французскому правительству предложения, на которые он не был уполномочен (DGFP, series D, vol. VII, p. 424). К этим сведениям вызывает недоверие тот факт, что место Татареску в Париже занял его приближенный Р. Франасович, который до этого был послом в Варшаве, а также то, что не прошло после этого и трех месяцев, как Татареску опять стал премьером. Скорее всего его отзыв из Парижа объясняется желанием Кароля II иметь такого опытного политика под рукой.

² Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 5.

³ Там же, f. 6.

⁴ Крупнейший капиталист и помещик К. Арджетоюну был известен как искуснейший политический деятель, мастер политических интриг и комбинаций. После того как он побывал членом почти всех буржуазных партий (кроме крайне правых) и министром многих правительств страны, Арджетоюну создал свою численно небольшую «Аграрную лигу». Однако его личный политический вес не шел ни в какое сравнение с почти несуществующим влиянием этой партии. Он был в хороших отношениях с Каролем II, хотя втайне его ценил невысоко. Арджетоюну входил в состав первого правительства королевской диктатуры, затем был назначен королевским советником, председателем высшего экономического Совета и избран председателем Сената. Арджетоюну был сторонником сближения Румынии с гитлеровской Германией, т. к. считал, что Великобритания и Франция не будут оказывать сопротивления гитлеровской агрессии.

⁵ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 7.

нии в Вене¹. Затем Арджетоюну напомнил, что и во Франции имеются коммунисты, что и там не чувствуется никакого энтузиазма к войне. Он допускал, что, возможно, в Великобритании положение лучше, но охарактеризовал и тамошнюю обстановку, как сомнительную. Далее К. Арджетоюну признал, что весь румынский народ желает победы Франции и Великобритании, но сказал, что уверенности в их победе нет. «Уверенность имеется только в одном вопросе, — продолжал он. — После войны останется огромная держава — Россия. Кто бы ни одержал победу, Германия или англо-французы, будет ли еще достаточно энергии на Западе, чтобы удержать Россию?» Вот что, оказывается, тревожило старого реакционера! Арджетоюну боялся, что Советский Союз, оставшийся вне войны, усилится, в то время как империалистические державы будут ослабевать в ходе войны и в них будет нарастать революционное движение. В этих условиях махровому врагу демократии будущее представлялось мрачным и безысходным: впереди неудержимое шествие коммунистических идей по опустошенной войной Европе, в которой народы пришли в движение. Из этого анализа Арджетоюну пытался сделать внешнеполитические выводы для Румынии. «Мы, — говорил он, — не должны враждовать с Россией. Мы должны присмотреться к России. Она является победительницей сегодняшнего дня, поэтому я требую установления нормальных отношений с Россией. Мы должны добиваться объяснения и сближения с ней»². Бросается в глаза признание несомненного факта, что к тому моменту у Румынии не было нормальных отношений с СССР, что предстояло лишь добиваться их установления.

Что же все-таки предлагал Арджетоюну для нормализации отношений с Советским Союзом? Он выразил удовлетворение по поводу прошедшей смены дипломатического персонала румынской миссии в Москве и предложил послать туда «личность с международным авторитетом, которая могла бы оказать воздействие на московских идеологов»³. В качестве подходящей кандидатуры для назначения в Москву Арджетоюну неожиданно назвал Йоргу, который тут же резко запротестовал⁴.

Трудно отделаться от впечатления, что предложение Арджетоюну носило характер личного выпада против ученого, с которым у него были натянутые отношения. Фактически Арджетоюну не представил никакого конкретного плана урегулирования отношений с СССР. Любопытно, что Кароль II прервал выступление Арджетоюну, чтобы сообщить, что он якобы уже сделал первые шаги к нормализации отношений с Советским Союзом во время своей недавней встречи с президентом Турции Исметом Иненю⁵. Король-диктатор утверждал, что он просил министра иностранных дел Турции Сараджоглу «прозондировать» почву для такого рода возможностей во время предстоящей поездки последнего в Москву. Известно, однако, что во время упомянутой встречи, 11 августа 1939 г., Кароль II занял резко антисоветскую позицию. Он заявил тогда, что не допустит советские войска на территорию Румынии, даже если Советский Союз пожелает оказать помощь его стране против агрессора⁶.

¹ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie, 1939, f. 7.

² Там же.

³ Там же; f. 7—8.

⁴ Там же.

⁵ Там же; f. 8.

⁶ Arhiva M.A.E., dosar special, Palatul Dolma Bahce, Intrevederea lui Carol II-lea cu Ismet Inonu cu asistenta lui Saracioglu si V. Stoica la 11 august 1939, f. 2. Вывший французский посол в Анкаре Р. Массигли пишет, что Иненю пытался убедить во время этой встречи Кароля II, между прочим без большого успеха, искать сближения с Москвой. (René Massigli. La Turquie devant la guerre. Paris, 1964, p. 245).

Кароль решительно отверг возможность заключения договора о взаимной помощи с СССР, утверждая, что «договор с СССР был бы расценен Германией как провокация и вовлек бы Румынию в войну»¹. Он высказался также за сохранение антисоветского договора Румынии с Польшей. Все это свидетельствует о нежелании румынских правящих кругов искать путей к улучшению отношений с Советским Союзом.

Последним из королевских советников выступил генерал Э. Баллиф². Он настаивал на необходимости укрепить армию, которая могла оказаться необходимой на последней стадии войны и даже во время мирной конференции³.

В конце совещания премьер-министр Арманд Калинеску обрисовал очень коротко деятельность правительства. Она, по его словам, была направлена на укрепление порядка внутри страны, усиление армии и сохранение мирных отношений с иностранными государствами⁴.

После заседания Коронного Совета было издано специальное коммюнике, в котором констатировалось единогласное одобрение дипломатической деятельности правительства и принятых им мер по охране государственных границ. Далее в коммюнике говорилось: «Совет единогласно решил строго соблюдать правила нейтралитета, выработанные международными конвенциями, по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте»⁵.

Собственно говоря, ради принятия этой формулы и был созван Коронный Совет. Гитлеровское правительство добивалось четкого провозглашения Румынией своего нейтралитета. Как сообщил своему правительству итальянский посланник в Бухаресте, гитлеровцы, несмотря на то, что слухи о провозе через Румынию военных материалов для Польши и об организации франко-английской базы в Констанце не получили никакого подтверждения, придавали особое значение заявлению Румынии. Оно обеспечивало им законные возможности получать румынские товары и «следить» за соблюдением международного права⁶.

Провозглашение Румынией нейтралитета давало гитлеровцам гарантии, что румынское правительство ничего не предпримет против интересов Германии и не окажет помощи Польше. Опираясь на это заявление о нейтралитете, гитлеровцы под предлогом «нарушения» Румынией международного права имели основания добиваться от румынского правительства принятия выгодных им мер. Вполне понятно, что Фабрициус заявил о своем полном удовлетворении принятым Коронным Советом решением⁷.

Ал. Крецяну, пытаясь оправдать это выгодное гитлеровцам решение, утверждает, что якобы оно было рассчитано на то, чтобы принести пользу борющейся Польше⁸, что якобы при наличии советско-германского договора о ненападении «судьба балканских стран не находилась больше в руках их лидеров»⁹. На самом же деле эта клеветническая болтовня ничего общего с истиной не имеет.

¹ Arhiva M.A.E., dosar special, Palatul Dolma Bahce, Intrevederea lui Carol II-lea cu Ismet Inonu cu asistenta lui Saracioglu si V. Stoica la 11 august 1939, f. 3.

² Влиятельный участник королевской камарильи, генерал Баллиф, ратные подвиги которого неизвестны, украсил своим именем административные советы многочисленных акционерных обществ.

³ Arhiva M.A.E., cazier 9, vol. 61, Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 8.

⁴ Там же; f. 9.

⁵ „Universul”, 1939, 8 septembrie.

⁶ DDI, 9 serie, vol. I, p. 36.

⁷ Там же, p. 4.

⁸ Al. Cretzianu. Op. cit., p. 29.

⁹ Там же, p. 28.

Необходимо отметить, что в эти дни нашелся румынский буржуазный политический деятель, который имел смелость указать новые пути для румынской внешней политики. Но он не только не был королевским советником, но из-за преследований со стороны правительства и угроз фашистской «Железной гвардии» находился в изгнании. Это был бывший румынский министр иностранных дел Н. Титулеску, смещенный со своего поста в августе 1936 г. за попытку заключить договор о взаимной помощи с СССР. Далекий от коммунизма, Н. Титулеску понимал, что дружба со страной социализма является жизненной необходимостью для его родины. После начала второй мировой войны Н. Титулеску направил Каролу II конфиденциальный доклад о состоянии румынско-советских отношений. В своей записке он подчеркивал правильность и выгодность для Румынии проводимой им ранее политики сближения с СССР¹. Далее Титулеску указывал, что еще сейчас (после начала второй мировой войны) не поздно и возможно заключение договора о взаимной помощи с СССР². Румынский монарх даже не ответил на это важнейшее послание. Правители Румынии пренебрегли предостережением одного из способнейших представителей своего класса, которого они ненавидели именно потому, что он видел лучше и дальше их. Характерно, что ни один из участников заседания Коронного Совета не предложил реального пути к сохранению и упрочению независимости и нейтралитета Румынии — не предложил добиваться установления подлинно дружеских отношений с СССР. Ненависть к стране социализма, страх перед воздействием успехов Советского Союза на революционное движение румынских трудящихся привели к тому, что правители Румынии преступно отказались от возможности заручиться дружбой и помощью своего могучего соседа.

Вместо этого румынское правительство предприняло антисоветскую акцию. Видимо, с целью оправдания решения о нейтралитете еще до заседания Коронного Совета А. Калинеску принял посла Франции в Бухаресте А. Тьерри и передал ему так называемую «инструкцию», посланную якобы ВКП(б) всем коммунистам Восточной Европы. В этой фальшивке, неграмотно составленной румынской сигуранцей, говорилось, что Советский Союз будто бы отказался от заключения англо-франко-советского договора, так как таковой мог укрепить буржуазию, и приводились другие подобные нелепости. Содержание этого, с позволения сказать, документа было немедленно переслано (6 сентября 1939 г.) Тьерри в Париж³. Поступок Калинеску свидетельствовал о явном нежелании румынских правящих кругов нормализовать отношения с Советским Союзом.

Одновременно румынские правящие круги стали добиваться дружбы с фашистской Италией. 3 сентября 1939 г. итальянский посланник сообщил в Рим, что в беседе с ним министр двора Урдаряну расценил позицию Италии, как «определяющий фактор для сохранения мира и нейтралитета в этом районе»⁴. Через 4 дня, уже после принятия решения о нейтралитете, Киджи докладывал о повторном заявлении Гафенку: «Если Италия сумеет остаться вне конфликта, то она сумеет оказывать все более растущее политическое и экономическое влияние в этом райо-

¹ Arhiva Centrală a Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PCR, dosar special, Raportul lui N. Titulescu către Carol II-lea, f. 2.

² Там же, f. 4.

³ Текст документа приводится полностью в книге Georges Bonnet „Defence de la paix. Fin d'une Europe”. Geneve, 1948, p. 411—412. В сентябре 1939 г. пост министра иностранных дел Франции занимал известный мюнхенец Бонне.

⁴ DDI, 8 serie, vol. XIII, p. 374.

не»¹. Румынские правители отводили фашистской Италии роль руководителя антисоветской коалиции на время, пока гитлеровская Германия и западные державы будут воевать между собой.

Общественному мнению Румынии не были известны интриги и махинации реакционных политических деятелей. Оно осуждало нападение гитлеровцев на Польшу и варварские бомбардировки польских городов и сел. Уже 5 сентября 1939 г. румынские власти были вынуждены опубликовать во всех газетах запрет малейших изъявлений симпатий к политическим деятелям аплодисментами во время их появления на экранах кинотеатров². Нарушители этого запрета подлежали аресту.

Передовые рабочие, патриотически настроенная интеллигенция, рядовые члены распушенного национал-царанистской, социал-демократической и радикал-царанистской партий понимали, что судьба многострадального польского народа не может быть для них безразлична, что только поражение Гитлера может избавить румынский народ от подобной же судьбы.

Находящаяся в глубоком подполье Коммунистическая партия Румынии призывала в первую очередь к борьбе против гитлеровского фашизма. «Румынские коммунисты, — указывалось в передовой статье газеты «Скынтея», — клеймят палаческую агрессию Гитлера против польского народа и возглавят борьбу народов Румынии против фашистской империалистической Германии»³. В выпущенной в сентябре 1939 г. листовке КПП вновь призывала народные массы к борьбе за уничтожение германского фашизма⁴. В другом документе КПП призывала к установлению дружбы с Советским Союзом, подчеркивая решающую роль советской державы в деле защиты народов от империалистических происков⁵. Однако в силу создавшейся тогда обстановки голос лучших сынов румынского народа не был услышан.

Свое решение о провозглашении нейтралитета румынское правительство решило довести до сведения воюющих стран. Румынский посол в Париже Франасович сообщил в МИД Румынии, что генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции А. Леже проявил понимание позиции Румынии⁶. В более подробном докладе Франасович добавил, что Леже отдает себе отчет, что в нынешнем положении «нейтралитет» Румынии может быть более полезен союзникам, чем ее вмешательство (в конфликт), которое могло бы привести в движение «неизвестные силы»⁷. Под «неизвестными силами» Леже подразумевал, видимо, реакцию соседних с Румынией стран на активное оказание ею помощи Польше. Впрочем, как мы видели, румынское правительство и не думало об оказании такой помощи.

Официальное провозглашение нейтралитета означало, однако, что Румыния будет продолжать снабжение Германии остродефицитными стратегическими материалами, так как при статусе нейтрального государства она не могла ограничить или прекратить свою торговлю с Германией, не навлекая на себя упреки в нарушении нейтралитета и угрозы принятия репрессивных мер. Это было явно в ущерб делу союзников, и

¹ DDI, 9 serie, vol. I, p. 44.

² „România”, 1939, 7 septembrie.

³ „Scinteia”, 1939, 8 septembrie.

⁴ Arhiva Centrală a Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PCR, fond I, dosar 226; f. 55. Manifest din septembrie 1939.

⁵ Там же, cota A XXIII-22-1034.

⁶ Arhiva M.A.E., fond 71/1939 E9. IV, vol. I. Telegrama lui R. Franasovici din 8 septembrie 1939.

⁷ Arhiva M.A.E., fond 71/1939 E9. IV, vol. I. Raportul lui R. Franasovici din 9 septembrie 1939.

они не могли не отдавать себе отчета в этом. Для объяснения принятого решения в Германию был направлен крупный промышленник, бывший член антисемитской национал-христианской партии и фашистского правительства Гога-Куза Ион Джигурту. Собственно говоря, в объяснениях Джигурту Берлин не нуждался, так как решение румынского правительства было подсказано гитлеровцами и принято под их нажимом. В этот период Джигурту не занимал официального поста, и румынские правители надеялись, что его пребывание в Германии пройдет незамеченным западными державами и он сумеет легче установить «дружеские» связи с гитлеровскими правителями, не афишируя в то же время лакейство румынского правительства.

9 сентября 1939 года он был принят Герингом в принадлежащем тому имени. Джигурту заявил нацистскому главарю, что Румыния приняла решение соблюдать нейтралитет и что это решение поддерживается всеми «ответственными» лицами страны, в том числе и Каролом II, принявшим Джигурту накануне отъезда последнего в Германию¹. Джигурту заверил Геринга, что Германия может доверять Румынии, так как занятая ею позиция соответствует экономическим и политическим интересам фашистского рейха. Он объяснял, что, по его мнению, обе страны дополняют одна другую с экономической точки зрения, а с политической — Румынии нужна сильная Германия, чтобы сдерживать Россию².

Такое заявление не могло не обрадовать Геринга. Поблагодарившись вначале победами гитлеровских войск в Польше, он поспешил заявить Джигурту, что Германия не оказывает никакого содействия венгерским территориальным притязаниям, намекнув попутно о зависимости прочности такой позиции от дальнейшего поведения Румынии. Таким образом, Румынии давали понять, что она должна выполнять все требования гитлеровцев. Геринг заявил, что Румыния, пока она дружит с Германией, не должна «бояться Советского Союза».

Избрание в качестве неофициального посла известного профашиста и его беседа с Герингом еще раз доказывают, что все разговоры о необходимости нормализации отношений с СССР ничего не стоили. Заявление Джигурту о дополняющем характере экономики двух стран свидетельствовало о решимости румынских правящих кругов шествовать и дальше по скользкой дорожке подчинения народного хозяйства страны гитлеровской Германии. Визит Джигурту в Германию следует рассматривать как дальнейший шаг румынских правителей на пути предательства национальных интересов и независимости страны.

Гитлеровцы решили извлечь из приезда Джигурту все возможные выгоды. Несмотря на полуофициальный характер его миссии, нацистская печать и радио передали сообщение о его пребывании в Германии. Гитлеровский официальный орган «Фелкишер Беобахтер» сообщил 13 сентября 1939 года, что Джигурту передал Герингу румынскую декларацию о нейтралитете. Румынский посланник в Берлине Р. Круцеску доносил в МИД Румынии, что становится все явственнее намерение германского правительства придать торжественный характер миссии Джигурту³. Гафенку понял, что гитлеровцы своим сообщением нанесли удар попыткам румынского правительства скрыть от английского и французского правительств (Польша уже в это время в счет не входила) правду о миссии Джигурту. 15 сентября 1939 г. он направил в румынские дипло-

¹ Arhiva M.A.E., cazier 86, v. 41, Relațiile romino-germane. Telegrama din Berlin din 11 septembrie 1939, p. 1.

² Там же, p. 2.

³ Arhiva M.A.E., cazier 86, vol. 41, Relațiile romino-germane, Telegrama din Berlin din 14 septembrie 1939.

матические миссии в Париже и Лондоне телеграмму, в которой опровергал сообщения о прибытии Джигурту в Германию для вручения торжественного заявления о нейтралитете или для заключения «соглашения» с ней. По утверждению Гафенку, румынский промышленник находился в Германии якобы по своим личным делам, и лишь попутно ему представилась возможность изложить позицию Румынии в свете коммюнике о заседании Коронного Совета¹. Гитлеровское телеграфное агентство ДНБ не отказалось опровергнуть свои первоначальные сообщения о миссии Джигурту. Это теперь не портило игру. Весь мир уже знал, зачем приехал румынский деятель, и нарочито неуклюжее опровержение лишь подтверждало правильность сообщений.

Попытки правящих кругов Румынии занять уклончивую выжидательную позицию в начале второй мировой войны потерпели неудачу. Под нажимом гитлеровской Германии румынское правительство было вынуждено согласиться на открытое провозглашение нейтралитета. Это решение, при всей его кажущейся беспристрастности, шло на пользу гитлеровской Германии и явилось новой уступкой, сделанной румынскими правящими кругами германскому империализму. В то же время румынская реакция придавала большое значение сохранению прежних отношений с западными союзниками, от которых скрыла даже факт нажима на нее стороны Германии. Однако принятое решение о нейтралитете объективно способствовало ослаблению связей Румынии с Францией и Англией и явилось основой дальнейших акций румынского правительства против интересов союзников.

В первые же дни второй мировой войны в политике румынских правящих кругов стало проявляться стремление к сближению с фашистской Италией, новым стражем «порядка» и «цивилизации» на Балканах. Принятие решения о нейтралитете сопровождалось заявлением о необходимости улучшения взаимоотношений с СССР. На самом же деле румынские правящие круги никаких эффективных мер в этом направлении не приняли, придерживаясь прежней враждебной Советскому Союзу линии. Обсуждение вопроса о нейтралитете на заседании Коронного Совета выявило отсутствие единства взглядов у верхушки королевской диктатуры в Румынии. В то время как некоторые члены Коронного Совета (Вэйтояну, Вайда-Воевод) ратовали за «полный» нейтралитет, намекая на полный отказ от связей с союзниками, другие (Анжелеску) говорили о необходимости сохранения корректного нейтралитета, подразумевая под этим ограждение страны от беззастенчивого вмешательства германского империализма во внутренние дела страны. Обсуждение выявило также антигитлеровские настроения Н. Йорги, а весь ход событий изучаемого периода свидетельствует, что А. Калинеску из всей румынской верхушки был наименее склонен к односторонним уступкам гитлеризму. Насильственная смерть обоих румынских деятелей от рук железногвардейских убийц, видимо, не явилась случайностью.

Характерно, что на заседании Коронного Совета не прозвучал ни один голос в пользу союза с гитлеровской Германией. Это отражало настроение общественного мнения страны, к которому королевские советники были все же вынуждены прислушиваться. Союз с гитлеровской Германией противоречил чувствам и коренным интересам румынского народа. Провозглашение нейтралитета, однако, явилось шагом по пути к установлению в дальнейшем такого противоестественного союза.

¹ Там же, Telegrama lui Gafencu la Paris și Londra din 15 septembrie 1939.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СВЯЗЯХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С Х. БОТЕВЫМ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX В.

Интересующего нас вопроса неоднократно касались биографы выдающегося болгарского поэта-революционера¹. Но при исключительной скудости архивных источников его удалось осветить далеко не полностью. Большинство исследователей отмечало, что Х. Ботев в начале 70-х годов был связан лишь с находившимися в Румынии русскими эмигрантами, причем все они были последователями С. Нечаева и совместно с болгарам участвовали в различного рода экспроприациях.

В данном сообщении рассматриваются некоторые не использованные еще документы, хранящиеся в архивах Москвы и Одессы. Они показывают, во-первых, что болгарский революционер в те годы общался с членами одесских кружков; во-вторых, что не всех русских эмигрантов, с кем Ботев был близок, безоговорочно следует относить к сторонникам Нечаева. Эти документы также проливают свет на другие стороны деятельности русских и болгарских революционеров в Румынии.

Привлекаемые нами материалы представляют собой донесения русского консула в Галаце А. С. Романенко об аресте в этом городе и допросе русского эмигранта Н. Ф. Меледина, а также некоторые личные бумаги последнего; изъятые у него при аресте (сохранились в копиях и частично в оригинале)². Часть этих документов (кроме тех, что хра-

¹ Е. Волков. Христо Ботев. Сборник на Българската Академия на науките, кн. XV. София, 1921, стр. 130—144; Л. Воробьев. Христо Ботев, М., 1953, стр. 54—71; К. Державин. Христо Ботев, М., 1962, стр. 69—71; М. Димитров. Главни моменти из живота на Ботев. В кн.: «Х. Ботев. Съчинения». Под редакцията на М. Димитров, т. I, София, 1950, стр. 18—21.

² Н. Меледин, имевший румынский паспорт на имя А. Флореско, был арестован 25 апреля 1872 г. румынской полицией. На допросе он сообщил, что приехал в Румынию в 1870 г., намереваясь устроить типографию на деньги, присланные из России, и «издавать журнал, в котором проводил бы социалистические идеи». Консулу же заявил, что его цель — «устроить общество рабочих». Романенко, добившись возможности ознакомиться с бумагами арестованного, нашел среди них письма из Одессы, Москвы, Нижнего Новгорода, записную книжку с адресами, портфель с заметками, записки, черновые записи, а также журналы «Колокол», издававшийся Н. Огаревым и С. Нечаевым, «Община» и прокламации Бакунина, Нечаева, Огарева. Русскому консулу удалось выяснить, что Меледин жил в Галаце в течение девяти месяцев и «преимущественно находился в сношениях с болгарскою молодежью. Из них, — доносил консул, — только двое сочувствовали его идеям: здешний учитель Попов и учитель болгарской школы в Измаиле Петков» (ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 70, л. 9, 11—12). В донесении речь идет о Величко Попове, а также Х. Ботеве, который был тогда известен и как Петков. Галацкий консул доносил в Одессу, что он «поручил одному из болгар, близко знакомому с Поповым, узнать от него что-либо о Флореско (Меледине)». Однако получить нужные сведения от учителя не удалось. «Настоятели болгарского училища, — сообщил Романенко, — недовольные связью Попова с Флореско, а еще более запирательством и воздержанностью, высказанною им в сем случае, намереваются его сместить с учительского места» (ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., д. 643, л. 31—31 об.).

нятся в Государственном архиве Одесской области) впервые обнаружил болгарский историк Г. Бакалов, но использовал лишь частично (в основном донесения консула) в своей статье «Христо Ботев и Сергей Нечаев»¹. Бакалов считал, что Меледин — «нечаевец, член организации «Народная расправа», которому Нечаев поручил «устроить типографию и поддерживать связи с Россией»². В доказательство своего вывода он мог привести лишь тот факт, что прокламации и журналы, изъятые у Меледина, исходили от Бакунина и Нечаева³.

Другой биограф Ботева К. Державин видел в Меледине, которого почему-то называет железнодорожником-машинистом, лишь активного участника всяких экспроприаторских начинаний вместе с А. Шапченко и С. Нечаевым⁴. Известный болгарский историк и биограф Ботева М. Димитров писал, что в кругу (а отчасти и под влиянием) Меледина и других русских эмигрантов болгарский революционер участвовал в разного рода экспроприациях, чтобы добыть средства для революционной работы⁵.

На наш взгляд, оценка, которую исследователи дают взглядам и деятельности Меледина в начале 70-х годов, нуждается в уточнении.

Сведения, которыми мы располагаем о жизни Н. Ф. Меледина в России, довольно скудны. Согласно справке, составленной по материалам III отделения⁶, родился он в 1843 г. в гор. Семенове Нижегородской губернии. Там же учился в уездном училище. Одно время жил на Урале, занимаясь земледелием. Затем служил в Самаре, а также в Нижнем Новгороде в конторе пароходного общества «Кавказ и Меркурий», достигнув там должности секретаря общества.

Весной 1870 г. Меледин тайно бежал за границу⁷. С 1871 г. он находился в Южной Бессарабии и учительствовал в Измаиле⁸. Здесь, надо полагать, произошла его встреча с Ботевым. Возможно, что русский революционер Иванович, о котором Ст. Заимов пишет, что он жил с Ботевым в Измаиле⁹, и которого Г. Бакалов отождествляет с С. Нечаевым¹⁰, — это и есть Меледин. Затем, согласно Ст. Заимову, когда Ботев переезжает в Брэилу, чтобы издавать газету, Иванович снова оказался рядом с ним, но уже под фамилией Флореско¹¹. А с августа 1871 г., как

¹ См. «Летопись марксизма», т. IX—X, 1929, стр. 3—37.

² Там же, стр. 14, 30—31.

³ Как известно, других прокламаций, кроме бакунинско-нечаевских, в 1869—1870 гг. почти не издавалось. См. «Русская подпольная и зарубежная печать». Библиографический указатель, т. I, М., 1935, стр. 170—177.

⁴ К. Н. Державин. Христо Ботев, М., 1962, стр. 72—73.

⁵ М. Димитров. По главни моменти из живота на Ботев. В кн.: «Х. Ботев. Съчинения». Под ред. на М. Димитров, т. I, стр. 19.

⁶ «Деятели революционного движения в России». Библиографический словарь, т. II, вып. 3, М., 1931, столб. 910.

⁷ Начальник Нижегородского жандармского управления считал, что «самый отъезд Меледина за границу едва ли не был сопряжен с делами какой-нибудь революционной организации» (ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872, д. 70, л. 67).

⁸ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 70, л. 65. Справка по 3-й экспедиции.

⁹ Ст. Заимов. Христо Ботев. Опыт за биография от З. Стоянов. Първо издание. Руссе, 1889; «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. I, София, 1889, стр. 223. Сообщение автора, что русский революционер прибыл в Румынию из Парижа, где сражался на баррикадах под командованием Домбровского, нуждается в подтверждении.

¹⁰ Г. Бакалов. Указ. соч., стр. 23.

¹¹ Ст. Заимов. Указ. соч. стр. 223.

видно из донесения русского консула, Флореско (Меледин) уже жил в Галаце¹. То, что Меледин жил под фамилией Иванович, косвенно подтверждает и Д. Паничков, когда пишет в своих воспоминаниях, что у арестованного Иванoviча-Флореско полиция обнаружила «банковский билет на 3000 франков»². Как сообщал консул, у русского эмигранта действительно нашли два кредитива: на 3400 фр. и 1200 фр., полученные им из Одессы³. Таким образом, под именем Иванович мог скрываться как Нецаев, так и Меледин, или тот и другой в разное время. Естественно, данный вопрос нуждается еще в уточнении.

Проживая в придунайских городах, Н. Меледин тесно общался с находившимися там болгарскими эмигрантами, а также поддерживал связь с революционерами в России. На эту важную для нас сторону жизни и деятельности Меледина проливают свет его личные бумаги, к рассмотрению которых мы перейдем.

Заметки из портфеля Меледина⁴ содержат имена лиц (иногда условные), кому направлялась корреспонденция, с отметкой о месте и времени отправки. Не указывая, за небольшим исключением, что представляли собою отправляемые материалы (письма или прокламации), их содержание, заметки все же свидетельствуют о широких связях их составителя со многими лицами в России, а также с болгарскими. К корреспонденции отправлялись из Галаца (более всего), Ясс, Бухареста, Болграда. С октября 1871 (за более ранний период сведения отсутствуют) по апрель 1872 г., судя по заметкам, было направлено болгарам: Иорданову⁵ — 5 корреспонденций (в том числе и одна телеграмма), Атанасову⁶ в Болград — 2, Чавдару⁷ — 2 (12 октября из Ясс, 5—6 февраля из Галаца), Горану⁸ — 1. За это же время отправлено корреспонденций в Россию: Соне — 20 (и одна телеграмма), Кларе — 7, по одной — Михайлову, Вайнбергу, Розинову, Панфиловичу, Войнову. Имена двух лиц из-за неразборчивости почерка определить не удалось.

Согласно одной из заметок, 12 февраля 1872 г. из Галаца были отправлены прокламации на имя Киселевой, Карина, Супьерского, Карякина, Игнатьева, Захарьина и Невзорова. О том, кто такие Захарьин и Игнатьев, мы узнаем из нижеприводимых документов. Начальник Нижегородского жандармского управления 1 марта 1872 г. доносил в III отделение: «Кассир Нижегородской паровой компании «Кавказ и Меркурий» Захарьин предъявил мне заграничное письмо⁹, полученное им с двумя революционными печатными воззваниями, адресованное на его имя. Объявил, что, кем оно послано, ему неизвестно»¹⁰. Аналогичное

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 70, л. 12.

² Х. Ботев. Неизвестные произведения. Уводна статия и бележки от М. Димитров. София, 1924, стр. 145—146.

³ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872, д. 70, л. 9 об.

⁴ Там же, л. 20—22 об.

⁵ Г. Бакалов считает, что это А. Иорданов, погибший в 1876 г., будучи повстанцем четы Ботева (Указ. соч., стр. 30).

⁶ Согласно Г. Бакалову, И. Атанасов сообщил ему, что знал Меледина — но под именем Главки и Флореско и что в 1885 г. последний приезжал в Софию с медикаментами от Красного Креста (Указ. соч., стр. 26, 30).

⁷ Псевдоним Х. Ботева. Подробнее об этом будет сказано ниже.

⁸ Возможно, это Б. И. Горанов. Он окончил гимназию в Праге, изучал в тамошнем университете философию. Затем учительствовал в Болгарии. Переводил Ламартина и Шиллера. В 1872 г. отправился в Мюнхен и Лейпциг изучать естественные науки. Х. Ботев посвятил ему свое стихотворение «Борьба», напечатанное в газете «Слово болгарских эмигрантов» № 4 от 17.V.1871 г. (См. о нем Х. Ботев. Съчинение. Ред. А. Бурмов, т. 1, София, 1948, стр. 326—328).

⁹ Обстоятельства, при которых Захарьин, а также Игнатьев «предъявили» полученные письма, остаются неизвестными.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 34, л. 1.

донесение было сделано и относительно служащего в Нижегородской паровой компании коллежского асессора А. И. Игнатьева. К донесениям прилагались «письма» (т. е. конверты) и прокламации¹. Последние под названием «Постановка революционного вопроса» (два экземпляра) и «Начало революции» относятся к числу найденных при аресте Меледина.

Впервые обнаружил эти конверты болгарский историк М. Димитров, определив по почерку, что адреса на них написаны Х. Ботевым² (чему помогла и штемпельная отметка на конвертах: «GALATI 24 februarie 72»)³. Но отправлены конверты с прокламациями, надо полагать, совместно Ботевым и Мелединым. На это указывают как заметка из портфеля русского эмигранта, о которой говорилось выше, так и тот факт, что на одной из прокламаций сделана надпись от руки почерком, отличным от того, каким написан адрес на конверте, но сходным с почерком черновых бумаг Меледина⁴.

Подтверждается это и тем, что Меледин должен был знать Захарьина и Игнатьева по совместной работе в Нижегородской конторе общества «Кавказ и Меркурий». Более того, не исключена возможность, что Меледину было известно революционное прошлое Александра Васильевича Захарьина. На упомянутом уже донесении от 1 марта 1872 г. против имени Захарьина сделана пометка карандашом (кем-то из чиновников III отделения): «Тот самый, который некогда посещал весьма часто в Петербурге Чернышевского»⁵. Из воспоминаний участника революционного движения первой половины 60-х годов Л. Пантелеева известно, что Захарьин в 1861 г. принимал участие в издании «Великорусса»⁶. Имеется также сведение, что у него в 1864 г. был произведен обыск⁷. Вероятно, зная все это, а возможно и поддерживая с Захарьиным письменную связь (консул доносил, что видел письмо из Нижнего среди бумаг Меледина), последний совместно с Ботевым и направил ему революционные воззвания.

Заметки из мелединского портфеля и его памятная книжка содержат также около 3 десятков имен различных лиц, в некоторых случаях с их адресами⁸. У нас нет сведений, за малым исключением, о характере взаимоотношений и степени близости этих людей с Мелединым (переписка, непосредственные общения и т. п.). География сохранившихся адресов довольно обширна: Нью-Йорк, Мехико, Вена, Петербург, Одесса, Ростов-на-Дону, Таганрог, Керчь, города и имения Вятской, Курской, Херсонской губерний. Заметки и памятная книжка передают нам имена революционеров, чиновников, владельцев книжных магазинов и библио-

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 34, л. 2, За—3е.

² М. Димитров. Назв. соч., стр. 20.

³ Дата на штемпеле не противоречит заметке Меледина, где указано, что 12 февраля отправлены прокламации. 12 февраля — это по старому стилю, а по новому — 24. В Румынии для телефонно-почтовых сообщений в то время уже было принято исчисление времени по новому стилю. Этим объясняется и тот факт, что на конверте, адресованном Захарьину, стоят штемпельные отметки: «Галацы 24 февраля 72» и «Нижний Новгород 29 февраля 1872 г.»

Болгарский историк И. Стойчев в своей работе «За архива и ръкописите на Хр. Ботев» («Известие на институт Х. Ботев», кн. 1, София, 1954), относя упомянутые конверты к рукописям Ботева, ошибочно их датирует 24 января 1872 г. (стр. 52—53). Адреса, поскольку они оставались для него неизвестными, считал конспиративными, что также не соответствует действительности.

⁴ Сравни л. За (ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872, л. 34) с л. 39а—39б (ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., д. 70).

⁵ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 34, л. 1.

⁶ Л. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905, стр. 327.

⁷ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1871, ед. хр. 29, л. 5 об.

⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 249, д. 643, л. 15—16.

тек, помещиков, американского посла в Петербурге, военного министра в Мексике и т. д. Нельзя в связи с этим не вспомнить то, что писал о Меледине (Флореско) в своих воспоминаниях Иван Вазов: «...Эта таинственная личность была загадкой для всех. Говорили, что он путешествовал по всей России, был в Германии, Франции, Англии, Испании, Америке и в других странах. Он получал письма из Парижа, Лондона, Женева, Берлина от неизвестных лиц. Уверяли, что имел переписку со многими аристократическими домами в России, с княгинями и графами и т. д.»¹ В заметках отмечено пребывание в Америке С. Ф. Чубарева, как известно, уехавшего туда с группой своих товарищей для организации трудовой коммуны (впоследствии активный участник революционного движения, повешен в Одессе в 1879 г.)², а также имеется вятский адрес Н. В. Чайковского, участника студенческого движения в 1869 г., противника нечаевской тактики и одного из организаторов пропагандистского кружка в Петербурге³.

Перейдем к рассмотрению писем, записок и черновых бумаг, обнаруженных у Меледина. Наибольший интерес для нас представляют письма от 5 и 23 ноября 1871 г. и 13 января 1872 г.⁴, которые получены — как следует из их содержания — из Одессы от одного и того же лица — женщины. Письма без подписи. Но на первых двух проставлены даты ответов. Сопоставляя их с теми из заметок Меледина, о которых говорилось выше, мы видим, что в эти дни корреспонденция направлялась Соне. Не есть ли это Софья Григорьевна Рубинштейн, адрес которой имеется в заметках? Прямых указаний на это мы не имеем. Но из заметки мы знаем также, что Соне направлена телеграмма. Среди бумаг Меледина действительно сохранился черновик телеграммы, адресованной Софье Григорьевне Рубинштейн. Правда, адрес на телеграмме не совпадает с адресом в заметке. Но по донесению начальника жандармского управления Одессы, который искал по адресу, указанному в заметке, местожительство С. Г. Рубинштейн, последняя несколько раз меняла квартиру, перебираясь с одной на другую «и затем на третью». Из того же донесения видно, что Рубинштейн «живет с матерью и дает уроки пения, ей около 30 лет»⁵. Между тем в письме от 13 января имеется косвенное указание на связи его автора с музыкальным миром. Она сообщает, что доставила некоей Б-ть «заработок перепискою нот»⁶. Все эти и еще некоторые другие (о чем будет сказано ниже) факты дают основания не только отождествить Соню с С. Г. Рубинштейн, но и предположить, что это родная сестра знаменитых композиторов и музыкантов Антона и Николая Рубинштейн.

С. Г. Рубинштейн (1841—1919) жила в 70-х годах с матерью в Одессе. Она была разносторонне образованным человеком, хорошо знала музыку и вела вокально-педагогическую работу. Об ее участии в революционном движении известно немного. В начале 70-х годов являлась активным членом культурно-просветительного кружка⁷. Была знакома с Шестаковским⁸, тогда близким другом А. Желябова. Поддерживала дру-

¹ И. Вазов. Не отдавна. Лични исторически въспоминания от събитията на 1876 г. Наука. Пловдив, 1881, стр. 216.

² «Деятели революционного движения», т. II, вып. IV, М., 1932, стлб. 1966—1968.

³ Там же, стлб. 1910—1922.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 17—18, об., 226—22 ж.

⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., д. 643, л. 29 об.

⁶ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 22е.

⁷ С. Л. Чудновский. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934, стр. 76—77, 118;

⁸ Шестаковский — студент Новороссийского университета. В октябре 1871 г. принимал участие в студенческих беспорядках, за что был уволен из университета на год («Деятели революционного движения в России», т. II, вып. 4, М., 1932, стлб. 2012).

жеские отношения с рядом членов одесского кружка «чайковцев» (С. Л. Чудновский и др.), занимавшихся пропагандой среди учащейся молодежи, рабочих и ремесленников¹. С. Г. Рубинштейн оказывала значительную поддержку революционерам своими большими связями в обществе и сбором материальных средств. После 1874 г. она примыкала к одесскому кружку чайковцев². Принимала также непосредственное участие в революционном движении 80-х годов, была арестована, а затем находилась под надзором полиции за связь с В. Фигнер³. По просьбе сестры Антон Рубинштейн написал романс «Узница» на слова Я. Полонского (стихи, как известно, были посвящены В. Засулич)⁴.

Письма, автором которых мы считаем Рубинштейн, несмотря на их конспиративный характер, дают интересные и ценные сведения о деятельности как русских, так и болгарских эмигрантов в Румынии⁵. В письмах от 5 и 24 ноября говорится о «целой системе новых действий», которую наметили и собираются осуществить эмигранты. Рубинштейн озабочена тем, что Алеко «опять ухватился за типографию, опять значит деятельность его будет на виду! Опять ему придется выступать бойцом, не успев еще оправиться от ударов судьбы за последнее время!.. Ведь еще раны не залечены, силы еще не вернулись, а [Алац], [Браила], [Измаил] самые видные места и сколько там п.....в! Одного факта с друзьями Чавдара⁶ достаточно, чтобы удостовериться, как свободно живет в этих краях!» Далее излагается отношение автора письма к плану приобретения типографии Паничкова⁷ и устройства ее на акционерных началах. «Почему Па[ничко]в продает свою [типографию], если она дело выгодное? Если даже он и согласится с другом, что ее можно и должно (подчеркнуто в копии. — К. П.) устроить на других началах, то почему же не приняться сейчас же за переработку ее внутреннего состава, оставив для публики ту же фирму и ту же форму [типографии], к которой она привыкла?» Автор письма предлагает оставить за типографией имя ее нынешнего владельца, но фактическое руководство заведением взять в свои руки, раскрыв перед Паничковым «план ведения дела... совершенно новый путь деятельности». Все это предлагается лишь «в том случае, если П[аничков] свой человек, друг, брат по идее! (погоди! погоди! не улыбайся и не сердись!). Если же он смотрит на продажу [типографии], как на коммерческое (мошенническое) дело, — то я сомневаюсь и очень даже (подчеркнуто в копии. — К. П.), полезно ли будет ее купить и думаю, если бы выгодна она была, то не стали бы ее продавать! Таково мое мнение об этом деле»⁸, — заключает автор письма.

Из писем мы узнаем, что русские эмигранты в Румынии вынашивали и другой план — заняться земледельческим трудом. Ставился уже вопрос о приобретении волов, сельскохозяйственного инвентаря, о под-

¹ С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 77, 290.

² Там же, стр. 118.

³ Л. Барейбойм. А. Г. Рубинштейн, т. I, Л., 1957, стр. 382.

⁴ Там же, т. 2, Л., 1962, стр. 150—151.

⁵ Надо полагать, в целях конспирации в письмах почти отсутствуют прямые обращения и речь большей частью идет о некоем третьем лице, которого иногда называют «другом». Однако сходство содержания наличных 5 писем позволяет считать, что адресованы все они Н. Меледину (Алеко Флореско).

⁶ Чавдар — любимый псевдоним Х. Ботева. Как редактор газеты «Слово болгарских эмигрантов» Ботев подписывался Д. Чавдар. Так же подписывал он некоторые свои стихи в 1872 г. (Х. Ботев. Съчинение, т. I, 1948, стр. 322—323, 330). Трудно сказать, какой «факт с друзьями Чавдара» имеет в виду автор письма.

⁷ Д. Паничков (1810—1909 гг.) — болгарин, владелец типографии в Браиле, в которой печатались многие болгарские газеты, в том числе и ботевское «Слово». Часто оказывал содействие революционерам как болгарским, так и русским.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 17 об. — 18.

готовке к севу. Сюда предполагалось вложить доходы от типографии. Рубинштейн писала: «Я рада вдвойне еще тому, что при мирном земельном труде утихнут, хотя на время, те взрывы ненависти, злобы и тоски, которые в настоящий момент влекут за собой только горе (нравственно, а фактически расслабление). Тут будет меньше и бессонных ночей!»¹. Не имелось ли в виду создание в Румынии из эмигрантов «производительной ассоциации», которой увлекались некоторые народники 70-х годов, знакомые с идеями Лассалля и Прудона. На это, возможно, указывает и американский адрес Чубарова в заметках Меледина. Организовав земледельческое хозяйство, эмигранты обеспечили бы себя средствами для жизни и деятельности, а также имели бы постоянную работу. В 60-х годах о приобретении земли и организации русской колонии в Тульче мечтали братья Кельсиевы².

В письмах встречаются намеки на источники получаемых эмигрантами средств. Сообщается о «пожертвованиях» какого-то «брюнета». Помогала своими средствами, по-видимому, и сама автор писем. На это указывает следующее место: «Друг, конечно, поймет хорошо, что мое восклицание «Так она будет моя Типография» два месяца тому назад было только шуткой и что если бы вся сумма, назначенная на Типографию, пошла бы на спасение Алеко, то я бы ни одной минуты не задумалась, а только могла бы порадоваться, что, спасая его, — будет спасено дело, которое связано с ним неразрывно и в силу этого, помимо всяких личных дружеских отношений, он должен существовать, жить и долго и здорово, так как в них живет наша идея живая, лучшая, социальная рабочая, наша будущая! (Так, в копии. — К. П.) Поэтому прочь всякие извинения, спросы и недоумения, они никогда не могут быть обращены к друзьям по идее»³.

Уже приведенные материалы говорят об идейной близости переписывающихся. Но мы видим дальше, как автор письма стремится привлечь внимание русских эмигрантов в Румынии на рабочее движение (возможно, что речь здесь идет о Международном товариществе рабочих⁴). «А если план февраля не осуществится почему либо? (Речь шла об организации земледельческого хозяйства. — К. П.) Что тогда предпринять, куда деваться? Все это время меня занимала мысль, почему бы другу не примкнуть к международному обществу (подчеркнуто нами. — К. П.) Там действуют соединенные силы! И силы эти растут [с] каждым днем, растут количественно, и крепнут в развитии и здравости идей» (подчеркнуто в оригинале. — К. П.) На возможное возражение, что автору письма деятельность этой организации неизвестна, она заявляет: «но, чего мне больше знать, их идея, идея рабочих — [это] господство четвертого сословия и уничтожение капитала и собственности, их деятельность, следовательно, — [это] постепенная разработка и определение этой идеи и борьба за нее. Сословий — нет, следовательно, нет привилегий, национальностей не существует, следовательно, нет мелкого эгоизма, — интерес их лежит в сердце большей части человечества. Он всеобщий, всенародный, общечеловеческий, и чем более друг к другу станут личности, служащие этому интересу, этой идее, тем единодушнее, тем сильнее (подчеркнуто в оригинале. — К. П.) прозвучит в данный момент клич миллионов бойцов за свободу, равенство и братство — за

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 18, 22 б.

² «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 193, 252.

³ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 72, л. 19—18 об.

⁴ Известно, что «чайковцы» проявляли большой интерес к произведениям К. Маркса, деятельности I Интернационала и входившей в него Русской секции (Н. Троицкий. Указ. соч., стр. 9, 51, 53—54).

справедливость». Здесь автор, забыв о конспиративном характере письма, обращается прямо к своему корреспонденту: «Неужели, друг, ты не видишь великой будущности международного общества? Неужели ты не думаешь, что через какие-нибудь десять лет силы его будут так громадны, что никакой переворот в Европе не совершится без его содействия? Наконец, чуждые всякой частной вражды или приязни, члены его повсюду вяжутся разрушителями деспотизма, насилия и рабства и повсюду завоюют свободу и права человечества. Мы с тобой никогда не говорили об этом обществе, ну-ка, друг, потолкуем; но прежде я должна тебе сообщить, как у нас здесь разыгралась студенческая история...»¹. Начав описывать — довольно точно — происходившие осенью 1871 г. в Новороссийском университете студенческие беспорядки, автор письма, к сожалению, более не возвратилась к вопросу об обществе.

Далее идет очень интересное для нас замечание автора письма о связях Меледина с болгарскими революционерами: «Нет, признаюсь, чем соединиться и считать своим (подчеркнуто в оригинале. — К. П.) дело какой-нибудь горсти недовольных болгар, борьба которых представляется мне в настоящее время ни чем иным, как борьбой за личное существование (да, да, не сердись, не кипятись, друг, — но ты меня в этом вряд ли успеешь разуведить!), я бы лучше отдала все силы и ума и трудов на общение с той безземельной братней! Она стоит ближе и по идее и по силе отстоять свои права, права не отдельного народа, а всего человечества»². В этом месте, а также в письме от 13 января, о чем будет идти речь ниже, автор письма, с одной стороны, показывает свою плохую осведомленность о целях болгарского национально-освободительного движения³. С другой стороны, С. Г. Рубинштейн своими взглядами по данному вопросу примыкает к той части русских революционеров 70-х годов, которая, сочувствуя борьбе славян и желая им освобождения от турецкого ига, считала, что оно придет через всеевропейскую «социальную революцию»⁴. Именно поэтому журнал «Вперед», издаваемый П. Лавровым, в середине 70-х годов советовал сербам и черногорцам не восставать против турецкого гнета, а подготовить и начать «народное движение в чисто социалистическом духе»⁵.

Большую важность для нас имеет письмо С. Г. Рубинштейн от 13 января 1872 г., особенно приложение к нему⁶. Надо полагать, что Меледин с письмами из Одессы, знакомил своих друзей — русских и болгарских революционеров, в том числе и Х. Ботева. Последний, конечно, не мог согласиться с той характеристикой, которую Рубинштейн давала действиям болгарских революционеров. И Ботев, должно быть, написал ей об этом. В письме от 13 января автор пишет: «Ч[авдар]у пожми руку за его письмо. Впрочем, я и ему сегодня напишу несколько строчек». Эти «несколько строчек», приложенные к упомянутому письму, мы приводим ниже:

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 22 б. об. — 22 в.

² Там же, л. 22 в.

³ Дальнейшие события на Балканах, по-видимому, привлекли к себе внимание С. Г. Рубинштейн. Это по ее совету Антон Рубинштейн написал десять романсов на народные сербские тексты; записанные крупным сербским фольклористом XIX в. и участником восстания против турок В. Караджичем. «Сербские песни» были откликом композитора на подъем национально-освободительного движения славян во II половине 70-х годов. (См. Л. Баренбойм. Указ. соч., стр. 151, 198). Известно, что другой ее брат — Н. Рубинштейн, директор Московской консерватории — был членом Московского славянского комитета.

⁴ В. Богучарский. Активное народничество 70-х годов. М., 1912, стр. 278.

⁵ Там же, стр. 282.

⁶ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 22 в.—22 ж. Письмо сохранилось в оригинале.

«13 января (1872 года)

Очень сожалею, что наше письменное знакомство началось с моей стороны в такую печальную для нас обоих минуту, в минуту тяжелой болезни нашего общего друга Алеко. Тем не менее, отправляя к нему письмо, я не могла не воспользоваться случаем высказать Вам, что не только общность в страданиях наших Родин, не только общность земель и родственность языка, — нас сближает и дружит во всяком случае и больше всего (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. — К. П.) та идея, которая высказывается в Вашем письме ко мне, идея сочувствия к страданиям всего человечества, ко всем братьям, живущим вне стен наших отечеств. Вот почему (не примите это в обиду) позвольте мне не считать Вас солидарным с той небольшой горстью Ваших соотечичей, которые с криком добиваются и стремятся только к завоеванию свободы лично для себя и, вырвавшись из цепей рабства, быть может, позабудут подать руку помощи другим угнетенным братьям, томящимся в мучениях вековой неволи, голода и несправедливости, они будут способны, сделавшись силой, стать в свою очередь угнетателями чужой свободы! Их крик теперь есть крик борьбы за существование. Я не хотела оскорбить этим Вашу Родину, нет, мне только больно думать и знать, что есть бойцы, но что это не бойцы за все страдающее человечество, а только за свое личное я!

Алеко не пишет ничего о Вашем приезде в Одессу; состоится ли он? Что и говорить, что приятнее было бы поговорить лично и высказаться на свободе, а то я плохой корреспондент, и вы, конечно, этому не удивитесь, а согласитесь со мною, что трудно писать к незнакомому лицу, а между тем можно уважать его и дружить с ним.

В доказательство позвольте мне пожать Вашу руку и сказать Вам до свидания.

Друг Вашего Алеко».

Приведенное письмо — новый факт, свидетельствующий о связях Х. Ботева с членом одесского кружка, где, как видно из писем С. Г. Рубинштейн, проявлялся большой интерес к вопросам рабочего и социального движения. В то же время автор письма, как мы уже отмечали, стоит на позиции признания и поддержки лишь такой борьбы, которая имеет своей целью и социальное освобождение народов.

Для характеристики как Н. Меледина, так и лиц, с кем он общался и поддерживал связь, рассмотрим письмо от 6 февраля 1872 г. из Одессы за подписью «Тот же самый»¹. Его автор, — как видно из донесения начальника жандармского управления, — А. Михайлов, студент Новороссийского университета². О нем известно, что он в 1872 г. являлся участником революционного кружка в Одессе, переписывался с русскими эмигрантами, а в 1875 г. привлекался к дознанию по обвинению в распространении запрещенных книг³. Как явствует из письма, Михайлов информирован о жизни русских эмигрантов в Цюрихе, осведомлен он также о положении дел у самого Меледина, спрашивает его, «не предполагаешь ли побывать в Одессе», просит у него сведения об обитателях Кавказа, а также написать «хоть несколько строк», сообщив о здоровье и «еще что-нибудь, кроме этого». Михайлов хорошо знает Софью Григорьевну Рубинштейн. Хотя он пишет, что «очень давно» не получал от Меледина «ни одной строчки», характер письма все же свидетельствует о существовавших между ними довольно близких отношениях.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., д. 70, л. 13—14 об.

² ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., д. 643, л. 29.

³ «Деятели революционного движения в России», т. II, вып. 3, М., 1931, стлб. 941.

Для определения идейных позиций Михайлова имеет значение та часть письма, где упоминается литература, которую он читает. «Читаю мало, да и нечего. Здесь наделал много шума роман «Эмма»¹, перевод с немецкого. Восхищался я сочинением Лассалья² (это выражение вероятно вызовет насмешку с твоей стороны). Ожидал книгу Геленбаха «Законы социального движения», если только не постигнет эту книгу такая же участь, как и «Азбуку социальных наук» Флеровского³. Как известно, изданием и распространением в России подобной литературы в начале 70-х годов занимались кружки «чайковцев»⁴. Надо полагать, что и автор письма примыкал к этому направлению.

Уже рассмотренные нами материалы содержат ценные указания на связи русских и болгарских революционеров в начале 70-х годов. Они подтверждают и дополняют то, что писали по этому поводу первые биографы Ботева, а также сообщают нам другие источники. Частично мы уже останавливались на этом, говоря о пребывании Меледина в Измаиле и его переезде вместе с Х. Ботевым в Браилы. В этом городе начинается тесное сотрудничество болгарских и русских эмигрантов. Согласно З. Стоянову, русские революционеры помогали Ботеву издавать газету «Слова болгарских эмигрантов»⁵. Осенью 1871 г., оправившись после болезни, Х. Ботев хотел продолжать издание «Слова», но у него не было средств. Ничем помочь не мог ему и Д. Паничков, также оказавшийся без денег⁶. Не послужило ли желание помочь своему болгарскому другу одной из причин поездки Меледина в Россию для сбора там средств, не с этим ли связано возникновение плана приобретения типографии Паничкова? Посетив, согласно донесению консула, в августе 1871 г. Петербург, Москву и Одессу, Меледин не мог не видеть, как революционеры там готовились вести пропаганду путем широкого развертывания «книжного дела», то есть распространения революционной литературы⁷. Кредитивы и банковские счета⁸, обнаруженные у Меледина и полученные им из России, как раз и подтверждают наше предположение, что ему, возможно, было поручено одним из кружков в России (можно допустить, что тем, в который входила С. Г. Рубинштейн) создать в Румынии типографию, которая могла бы обслуживать как русских, так и болгарских революцио-

¹ Роман Ж. Швейцера «Эмма» (СПб., 1872) отображал борьбу пролетариата Западной Европы в 40—60-х гг. XIX в.

² Ф. Лассаль. Сочинение, т. I, СПб., 1870.

³ Книга Н. Флеровского «Азбука социальных наук» (СПб., 1871) сразу же после издания была запрещена. Часть экземпляров была уничтожена. (См. «Революционное движение 70-х годов XIX в.», т. I, М., 1964, стр. 227, 229).

⁴ Н. Троицкий. Большое общество пропаганды 1871—1874 гг. Издание Саратовского университета, 1963, стр. 53—55.

⁵ З. Стоянов. Христо Ботев. Опыт за биография. Критично издание под редакция на Ст. Каракостов. София, 1946, стр. 163.

⁶ Там же, стр. 175.

⁷ Н. Троицкий. Указ. соч., стр. 13, 17, 20—21. Большая роль в издательской деятельности петербургского кружка пропагандистов принадлежала Н. Чайковскому (см. Н. Чарушин. С далеком и прошлым, ч. I и II, М., 1926, стр. 88—91), адрес которого имеется в заметках Меледина.

⁸ Кроме упомянутых уже кредитивов, среди бумаг Меледина обнаружен счет Одесского коммерческого банка от 30 сентября 1871 г. на 1162 фр., высланных в Яссы на имя Aleco Floresco (ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., д. 643, л. 34). Трудно предположить, что Меледину, если бы в России его знали лишь как нечаевца, удалось бы получить эти средства. Тем более невозможным было бы его общение с людьми, подобными С. Г. Рубинштейн, С. Чудновский, хорошо ее знавший, отзывался о ней как об одном из наиболее идеально-нравственных членов кружка (см. С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 118). «Чайковцы»; стремясь отмежеваться от лиц, придерживавшихся тактических и организационных принципов Нецаева, и, что было характерно и для Одесских кружков (С. Чудновский. Указ. соч., стр. 39—40), большое внимание обращали на нравственный облик революционера.

неров¹. Величко Попов² (который, как мы помним, отказался что-либо сообщить о Меледине лицам, подсланным к нему русским консулом, за что едва не лишился своего места учителя) передал З. Стоянову интересные сведения о тех планах, которые составлялись болгарскими и русскими революционерами в Румынии и касались их будущей деятельности. Христо Ботев³, — говорил Попов, — общаясь с Флореско (Мелединым), А. Шапченко и еще с одним украинцем, студентом Киевского университета, имел с ними «особенные цели и планы». Участвовавший в одном из собраний болгарских и русских эмигрантов, галацкий учитель сообщил, что на нем шла речь о создании социалистического общества из болгар-эмигрантов. Это общество должно было иметь свои программу и устав, а также типографию, собственный печатный орган и библиотеку. Предполагалось также установить связь с «социалистами Европы, в программы которых могло бы войти и освобождение Болгарии» от турецкого ига⁴. Трудно сказать, насколько точно Попов передает планы русских и болгарских эмигрантов, но вопросы устройства типографии они действительно занимались. Возможно, что и план создания так называемого «социалистического общества» из болгар-эмигрантов и приобщения его социалистическому движению в Европе был в какой-то мере откликом на те советы, которые получал Меледин из Одессы (о чем мы уже говорили).

Большое место в деятельности русских и болгарских революционеров в Румынии занимала пропаганда исповедуемых ими идей. На это указывает в своих донесениях консул из Галаца, об этом пишет в воспо-

¹ Известно, что в газете «Свобода» от 25 декабря 1871 г. Х. Ботев дал объявление о предпринятом им в скором времени издании юмористической газеты «Будильник».

² О том, что В. Попов был в достаточной мере осведомлен о связях Меледина с Ботевым, а также с революционерами из России, свидетельствует как тот факт, что некоторые письма Меледину из Одессы приходили на имя В. Попова, так и приводимый ниже документ. Он представляет собой шифрованную телеграмму с русским текстом, написанным латинскими буквами на телеграммном бланке. Документ приводим в русской транскрипции:

«Одесса, Коблевская, Ачина,
Софье Григорьевне Рубинштейн,
Передайте маман не писать пока; брат
Ник. выехал, адреса не оставил. Попов не надежен,
уведомите Клару

Чавдар.» (ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., л. 643, л. 38).

Датировать настоящую телеграмму, исходя из заметок Меледина, следует 20 декабря 1871 г.

³ Христо Ботева (под псевдонимом Чавдар) как сообщника и друга Меледина хорошо знали товарищи последнего в Одессе, что видно из приведенных выше документов. Письмо Рубинштейн от 13 января содержит указание, что намечалась даже поездка Х. Ботева в Одессу. Среди бумаг Меледина обнаружена записка на французском языке, относящаяся к сентябрю 1871 г., чье содержание опять-таки свидетельствует о причастности Чавдара к тем сношениям, которые были у русского эмигранта с одесситами. Приводим текст записки в русском переводе. «А. Вайнберг просит господина Д. Чавдар соизволить передать билет и приложенные к нему сведения личности, которая ему представится для их получения. Одесса. 23/4 сентября 1871 г.» (См. оригинал на французском языке. — ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., л. 643, л. 35). Фамилия Вайнберг упоминается в заметках Меледина, с отметкой, что 24—25 ноября ему была направлена корреспонденция.

Поскольку имя Чавдар фигурировало довольно часто в мелединских материалах, оно не могло остаться незамеченным одесскими властями, которым была направлена часть корреспонденции арестованного русского эмигранта. Начальник канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Отмарштейн в письме на имя одесского градоначальника Бухарина от 20 июня 1872 г. сообщил, что генерал-губернатору «желательно знать, что за личность Д. Чавдар» (ГАОО, ф. 1, оп. 249, 1872 г., л. 643, л. 47—47 об.).

⁴ З. Стоянов. Указ. соч., стр. 177—178.

минаниях И. Вазов. Болгарский писатель отмечает ум и ученость Флореско, его «необыкновенное красноречие». Ему часто приходилось слушать русского эмигранта в кофейне «Болгарский лев», которую содержал Ганчо из Габрово, «бунтовщик» с 1862 г. Флореско вел оживленные беседы с посетителями, затрагивая «социальные вопросы», и Ботев всегда его поддерживал¹. На пропагандистскую деятельность эмигрантов указывает и З. Стоянов². В. Попов пишет в своих воспоминаниях, что болгарские революционеры разъезжали по городам Румынии, распространяя написанный Ботевым в социалистическом духе «Символ веры болгарской Коммуны»³.

Общение русских и болгарских эмигрантов в Румынии, их совместная деятельность, естественно, предполагали идейную близость. Что она действительно существовала, нам говорит, в частности, отношение Христо Ботева и Николая Меледина к Парижской Коммуне и коммунарам. Как известно, болгарский революционер смело и решительно выступил в защиту Парижской Коммуны. В своей статье «Смешной плач», опубликованной во втором номере газеты «Слово болгарских эмигрантов» от 25 июня 1871 г., он приветствует выступление парижских рабочих. Для Ботева коммунары — это борцы против старого мира, борцы за социализм, это мученики в борьбе за идею⁴. Воспоминания И. Вазова, а также черновые бумаги Меледина раскрывают нам взгляды русского революционера на Парижскую Коммуну. Как рассказывает Вазов, Меледин всюду защищал принципы Коммуны, оправдывал коммунаров, которые, как он считал, жертвовали собой во имя интересов всего человечества. Когда однажды кто-то из болгар неуважительно отозвался о коммунарах, русский революционер, возмущенный, крикнул: «Долой шапку! Долой шапку, когда говоришь о ста тысячах мучеников, умерших за идею»⁵.

Отношение Н. Меледина к коммунарам характеризует и черновик его письма к редактору газеты «Свобода» Л. Каравелову. Одновременно это письмо, написанное в начале 1872 г.⁶, является новым ярким фактом, который указывает как на связи русских и болгарских революционеров, так и на общность их взглядов по ряду вопросов, касающихся болгарского освободительного движения. В частности, мелединская характеристика болгарской периодической печати начала 70-х годов не отличается от того, что писали о ней Х. Ботев и Л. Каравелов. Черновик Меледина свидетельствует о большом интересе и внимании русского революционера к жизни болгарской эмиграции в Румынии. Автор письма из Одессы, о котором говорили выше, имел все основания писать, что «дело болгар» стало для Меледина «своим».

Приводим черновик письма русского революционера⁷.

«Г. Редактору — издателю газеты «Свобода» в Бухарест.
Милостивый государь.

Две газеты всего только и есть у разумной Болгарии: Ваша свободная (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. — К. П.) «Свобода»⁸ и при-

¹ И. Вазов. Указ. соч., стр. 216.

² З. Стоянов. Указ. соч., стр. 167.

³ Х. Ботев. Сочинение, т. 1, София, 1950, стр. 559.

⁴ Х. Ботев. Публицистика, М., 1952, стр. 43.

⁵ И. Вазов. Указ. соч., стр. 216. См. также ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., л. 70, л. 39.

⁶ О дальнейшей судьбе этого письма сведения отсутствуют.

⁷ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1872 г., л. 70, л. 39а—39б.

⁸ Л. Каравелов начал издавать газету «Свобода» в ноябре 1869 г. Перед ней была поставлена задача «защищать болгарские интересы и указывать болгарскому народу путь» к политической независимости. Вокруг газеты сгруппировались наиболее революционные деятели болгарской эмиграции, в том числе и Х. Ботев.

вязанная на цепь цензуры «Македония»¹, — вот все, что до сего времени мог выработать интеллект ее развития и удержать на скользкой почве у рабов!.. Эти две Ваши газеты пока вся литература Болгарии, вся ее беллетристика, журналистика и более или менее честный сыновний патриотизм.

Правда, фактически есть у Болгарии и другие газеты, — но они или продажные — как «Право»², или подлые — как «Турция»³, или что-то похожее на тень журнала — как сбор глупостей и невежества «Читалище»⁴, или еще несчастье безответностью — как «Периодическое списание», в котором рядом с чуждою Болгарии — по постановке вопроса, выкраденного из русской жизни, — статьею «За училищата» измарано бумаги 25 страниц «Животописанием» с его «небесна любовь към народът»⁵.

Значит у болгар нравственную ответственность долга гражданина и совести человека несут на себе только двое людей?.. А если это так, —

¹ «Македония» — газета выходила в Константинополе с 1866 по 1872 г. под редакцией П. Р. Славейкова. Выступала против фанариотского духовенства и чорбаджиев, защищая интересы народа. Это имел в виду Х. Ботев, когда писал, что «Македония» — «единственный народный орган» для болгар собственно Болгарии (газета «Свобода», № 49 от 11 ноября 1870 г.). В то же время Ботев и Каравелов часто критиковали просветительские иллюзии Славейкова, находившие отражение в его газете. В 1872 г., обвинив редактора «Турции» Н. Геновичем в пропаганде революционных идей, «Македония» была закрыта.

² Газета «Право» — орган высшего болгарского духовенства и торгово-промышленных кругов в Константинополе (1869—1873 гг.), Л. Каравелов считал «Право» «ничтожной газетой», почти ничем не отличавшейся от «Турции». Подобного же мнения придерживался и Х. Ботев. (См. Х. Ботев, Сочинения. София, 1950, ч. 1, стр. 568—569).

³ Газета «Турция» выражала взгляды крупных болгарских торговцев в Константинополе. Субсидировалась турецким правительством. Ее редактор был турецким цензором болгарских газет и часто делал на них доносы. Каравелов характеризовал «Турцию» как «орган турецких шпионов», а ее редактора Геновича — как предателя народа (Л. Воробьев, Философские и социологические воззрения Люблена Каравелова. Изд-во Московского университета, 1962, стр. 73). Ботев называл «Турцию», «антиболгарской газетой» (Х. Ботев, Сочинения. София, 1950, ч. 1, стр. 397).

⁴ «Читалище» — общеобразовательный журнал либерально-буржуазного направления (1870—1875). Х. Ботев выступал против его редактора Т. Икономова, защищавшего туркофилов, а переводы, помещавшиеся в журнале, находил «детскими, бесцельными и безграмотными» (Х. Ботев, Сочинения, т. 1, София, 1948, стр. 152). Каравелов считал «Читалище» «убийственным для народа», указывая, что много тратится денег на то, чтобы в нем «печатать всякие глупости» (Избранные произведения болгарских революционных демократов. М., 1959, стр. 189, 252).

Примечательно, что как для Ботева и Каравелова, так и для Меледина характерна односторонность при оценке журналов «Читалище», а также «Периодическое списание». Правильно критикуя их ошибки и соглашательство, они не признавали то положительное, что в них имелось.

⁵ «Периодическое списание» — журнал «Болгарского литературного общества», основанного в Румынии в 1869 г. Х. Ботев и Л. Каравелов постоянно высмеивали редактора журнала В. Стоянова за его соглашательство, симпатии к туркофилам, а также сотрудничество в реакционных цареградских газетах (Л. Воробьев, Философские и социологические воззрения Л. Каравелова, стр. 77). О статье Н. Бончева «За училищата», опубликованной в третьей книге журнала за 1871 г. и рекомендующей создавать в Болгарии классические гимназии и семинарии — по типу русских, Л. Каравелов писал: «Классические гимназии, рекомендуемые Бончевым, бессмысленны в наших условиях, а отупляющие семинарии совершенно бесполезны. Болгарскому народу, цель которого свобода, образование и счастье, нужны реальные гимназии и народные школы» («Свобода», № 32 от 22 января 1872 г.). Об оторванности упомянутых журналов от задач, стоящих перед болгарскими школами, Л. Каравелов писал: «...Главнейшая наша обязанность — постараться издать полезные школьные учебники, ибо без них всякая школа ничтожна. От учебных книг зависит очень много, а поэтому цареградское «Читалище» и «Болгарское литературное общество» должны были в первую очередь взяться за эти книги, а после, когда все это будет сделано, переводить «Илиаду» и «Помпея», открывать «Неаполитанские памятники» и описывать биографии болгарских великих мужей» («Свобода», № 21 от 6 ноября 1871 г.).

зачем же Г. Славейков помещает в своем листке (№ 2 за 1872 г.) два столбца пошлого невежества, бесчестной лести и рабского преклонения пред канибальством, воровством, разбоем, пронырством и обманом, — помноженным на грабеж и убийство?!... И весь свой этот сток нечистоты мысли и клеветы на героев, весь свой сброд бездушного разврата и скотского равнодушия у пролитой крови правозвестников человечества, у их отчаянно гигантской борьбы за свободу всего мира и человеческие права рабов он окрестил «Историята на 70-та година!» — Издали стыдно за господина Славейкова, братски обидно за болгар и вчуже горько за жалкое недоумие публициста в конце XIX века.

Зная направление Вашей газеты и уважая дело, которому Вы служите, я не позволил себе нарушать Ваших занятий постороннею для Вас важностью, — если бы она не касалась, с одной стороны, Ваших собратьев — болгар, для которых именно живет и должен жить Ваш орган, а с другой стороны, — Вашего соотчича — пропагандиста идей, которые он иногда безумно разносит в еще неразвитый читающий класс Вашего без того много поробленного народа... Я оставляю в стороне и честь и совесть редактора таких гнусностей; — у кого хватает духа публично клеветать на героев до последней секунды жизни, беззаветно отданной на служение благу забитого человечества, того не убедишь никаким протестом... Это мое письмо относится лично до Вас, и потому не удивляйтесь незнакомому Вам голосу откровенности; пока Вам нет нужд знать о нем более, что Вы прочтете, и о себе скажу Вам только: мы — родственники между собой — я собрат Вам по страданию — я такой же изгнанник, как и Вы: я тоже люблю безумно мою Россию, как Вы свою Болгарию; наконец мы также гонимы, как и Вы, и даже более, потому что идеи наши — идеи социального мира, обнимающего весь мир, ушли еще глубже Вашего поколения...

Наши родины — сестры, мы — братья по происхождению, мы славяне, мы любим всех и в особенности Вас болгар; языки, нравы, обычаи и в особенности страдаемое положение обоих народов под гнетом верующих немцев и турок сблизил нас на одинаковую борьбу с чужой силой, и так позвольте же, как русскому... пожать Вам братски руку и на прощанье еще раз прибавить: пусть не покажется Вам странным, что русский эмигрант (социалист) сердечно высказал Вам свободное слово свободного человека, унапутствовал его искренним чувством...

Да благословит Вас цивилизация, как соработника в трудном деле развития человечества и как поборника святых прав народа... (слово не читается. — К. П.), отстаивающего их так мученически кровью и жизнью».

Целью письма, помимо обмена мнениями по некоторым вопросам, где Меледин рассчитывал на взаимопонимание, было, как видно из его заключительной части, установить непосредственный контакт с редактором наиболее влиятельной среди болгар газеты. Направление последней было хорошо известно русскому революционеру. Об этом свидетельствует та высокая оценка, которую он ей дает. И хотя черновик не содержит никаких предложений со стороны Меледина, но сам факт акцентирования близости и общности судеб русского и болгарского народов заставляет думать, что у русского революционера имелись свои планы на будущее, связанные со «Свободой» и ее редактором. На это указывает и то место из письма, где Меледин замечает, что Каравелову «пока» нет нужды знать о нем больше, чем он о себе сообщает.

Многим планам, намечавшимся русскими и болгарскими эмигрантами в Румынии, не суждено было осуществиться. Положение Меледина и его дел весной 1872 г. характеризует черновик его письма, предназначавшегося, по-видимому, для отправки С. Г. Рубинштейн и датированного мартом. Уже из предыдущих материалов известно, что русский революционер болел. Черновик указывает на дальнейшее ухудшение его здоровья¹. Большой Меледин находился в кругу своих болгарских друзей, среди которых мы видим и Х. Ботева. На это указывают следующие строки из письма: «Если уже у Чавдара, мужчины, часто навертываются слезы, глядя на замерзшую грусть в лице товарища, то, думаю, как бы горько зарыдала родимая или родная, увидев таким меня», а также сообщение автора, что он часто слышит «грустную песню македонского патриота на турецком языке»². Несомненно, что продолжительная болезнь препятствовала деятельности русского эмигранта в Румынии. Меледин так описывает обстановку, в которой он тогда находился: «Томит неизвестность со всех сторон: брютет, как пишут, еще не воротился; нет новых писем на Velico (Попова. — К. П.); ...глупо из середины родины и еще глупее, тупее и (слово не читается. — К. П.) от тех, в кого бы хотелось верить; что-то не ладится у Чавдара, не вылечивается у меня, а оглянешься, — сколько сил убито в это мучительное время и сколько его самого прошло?... Два почти года, а только несчастье за несчастьем». И хотя в письме проскальзывают нотки отчаяния и пессимизма, мы видим, что Меледин не отказывается от своей деятельности: «Все сердце истерзано, кажется, все силы надломлены, а мысли здоровы и жгучи, мысли, воля, чувства жить хотят, хотят работать, служить Великому делу, любить его...»³.

С арестом Меледина⁴ заканчивается его пребывание и деятельность в Галаце. Царское правительство требовало выдачи русского эмигранта. Но румынские власти, считая, что «Меледин в княжествах не может быть терпим», как доносил консул⁵, выслали его в Турцию. Согласно С. Займову, русский революционер с денежной помощью Х. Ботева⁶ отправился в Тулчу, устроился там работать и оттуда переписывался с болгарским революционером⁷.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 39г об.

² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 39в, 39г об. В письме излагается содержание этой песни.

³ Там же, л. 39г. об.

⁴ О причинах, побудивших румынские власти задержать Меледина, ничего не сказано в донесениях русского консула. Что это произошло по инициативе последнего, как писал З. Стоянов (Указ соч., стр. 190), нет оснований считать. Ближе к истине другое предположение биографа Ботева, что Меледин был арестован по доносу хозяина гостиницы, где жил, и связано это с так называемыми «экспроприациями» (стр. 189). Русскому консулу, которому нельзя отказать в стремлении собрать как можно более полные сведения о всех сторонах деятельности Меледина в Румынии, ничего не было известно о каких-либо «эксах» с участием русского революционера. О них даже не упоминается в его донесениях. Ничего не знали об этом и румынские власти, обвинившие Меледина, — как сообщал Романенко, — «только в приобретении фальшивого паспорта» (ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 7). Надо думать, что первые биографы Ботева, посвятившие многие страницы своих книг экспроприаторской деятельности русских и болгарских эмигрантов в Румынии, не всегда пользовались достоверными источниками.

⁵ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 70, л. 40.

⁶ З. Стоянов писал, что Х. Ботев, находившийся в отъезде, как только узнал об аресте Меледина, прибыл в Галац, чтобы спасти друга (Указ соч., стр. 189).

⁷ См. Займов. Указ соч., стр. 224. О дальнейшей судьбе Н. Меледина, его отходе от революционного движения см. назв. соч. Бакалова (стр. 26, 32), а также материалы III отделения (ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1872, д. 70, л. 44а—45).

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать предварительные выводы. В начале 70-х годов Х. Ботев общался не только с русскими революционерами, находившимися в Румынии, как считали до сего времени биографы поэта, выделяя в первую очередь С. Нечаева и его последователей (к ним безоговорочно причислялся и Н. Меледин), но поддерживал связь с участником одного из одесских кружков, идейно близкого к «чайковцам». Последние, как известно, придерживались иных, чем Нечаев, тактических и организационных принципов и в своей деятельности — на первых порах — отдавали предпочтение идейной подготовке своих членов для будущей пропаганды социализма и революционных идей в народе, а также изданию и распространению революционно-демократической литературы.

Связь с Одессой была налажена благодаря Меледину и через него поддерживалась. Приводимые материалы не дают оснований видеть в нем лишь последователя С. Нечаева. Друзья и знакомые Меледина в России, с которыми он переписывался в 1871—1872 гг., в той или иной степени были близки к «чайковцам».

Что касается сотрудничества русских и болгарских эмигрантов в Румынии, то рассмотренные материалы ничего не говорят об их совместной экспроприаторской деятельности, о чем так много писалось. Они занимались — и это подтверждают документы — в первую очередь пропагандой своих идей, пытались создать типографию, наладить издание революционной литературы и т. д.

Возможно, что приводимые материалы позволят несколько по-иному охарактеризовать то влияние, которое русские революционеры могли оказать на Ботева и других болгар в начале 70-х годов XIX ст., но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы.

И. А. АНЦУПОВ

ПРОМЫСЛОВЫЙ ОТХОД И ИЗВОЗНИЧЕСТВО В СЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН БЕССАРАБИИ (1812—1870 гг.)

Экономическая история Бессарабии слабо изучена. Между тем без глубокого исследования ее малоразработанных проблем, к числу которых относится развитие промысловой деятельности крестьянства области, невозможно в достаточной степени раскрыть закономерности хода развития производительных сил, процесса складывания капиталистических отношений в недрах феодальной системы. Предлагаемая статья представляет собой приступ к специальному исследованию вопроса, причем пока применительно лишь к части населения Бессарабии и только в хронологически ограниченный период — 1812—1870 гг.

Автор ставит перед собой задачу — воссоздать на конкретном материале историю промыслового отхода и извозничества в бессарабской казенной деревне. В связи с этим дается и общая характеристика крупных очагов притяжения отходников — соляных промыслов, днестровского судоходства и др.

Ни в дореволюционной, ни в советской историографии нет работ по исследуемой нами проблеме. Такое положение обусловило необходимость обратить особое внимание на архивные источники местных и центральных архивов. Интересующие нас материалы сосредоточены в различных фондах, среди которых по богатству документов, связанных с изучаемым вопросом, выделяются фонды Центрального государственного архива МССР (ЦГА МССР) — Канцелярия бессарабского гражданского губернатора (№ 2), Бессарабская палата государственных имуществ (№ 122), Бессарабское соляное управление (№ 241), Бессарабское особое по земским повинностям присутствие (№ 24); фонды Государственного архива Одесской области (ГАОО) — Канцелярия новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (№ 1), Главный статистический комитет Новороссийского края (№ 3); фонды Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР) — V отделение с. е. и. в. канцелярии (№ 379), Первый департамент Министерства государственных имуществ (№ 383), Соляное управление (№ 45); в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА СССР) — Военно-ученый архив (ВУА); фонд Центрального государственного исторического архива УССР (ЦГИА УССР) — Киевский округ путей сообщения (№ 692).

По типу своему привлекаемые к исследованию документы сводятся главным образом к отчетам учреждений и ведомств (Соляного управления, начальников дистанций Днестровского судоходства и др.), статистическим обзорам, запискам чиновников-ревизоров, межведомственной переписке.

Отчеты составлялись по стандартной форме, являлись источниками одного происхождения, поэтому в известной мере дают возможность про-

следить тенденции развития отходничества. Но они, как правило, не освещают условий труда отходников, не дают дифференцированных числовых показателей. Их приходится дополнять сведениями, почерпнутыми из делопроизводственной переписки, конфликтных дел, прошений крестьян, свидетельств современников. Но сведения эти отрывочные.

Несмотря на отмеченные особенности источников, они в основном дают достаточный материал для освещения развития промыслового отхода и извозничества в казенных селениях исследуемого периода. Конкретные цифры и факты частично также позаимствованы из трудов А. Скальковского, Ю. Янсона, М. Вольского, А. Шмидта, П. Свинына и других дореволюционных авторов и из корреспонденций периодических изданий.

Одним из крупных центров притяжения сезонных рабочих были казенные соляные промыслы.

На юге области располагались десять соляных озер: Алибейское, Шаганское, Карачаус, Сасик (Кудук) и др. Из них лишь два первых (площадью 42 тыс. десятин) разрабатывались на протяжении первой половины XIX в.

Бессарабские соляные промыслы, наряду с Крымскими и Эльтонскими, принадлежали к главным в России, снабжая солью огромный район страны от Черного до Балтийского морей — часть Украины, Бессарабию, Польшу, Прибалтику¹. До присоединения области соляные озера принадлежали нескольким богатым туркам, после 1812 г. были объявлены собственностью казны и до 1827 г. отдавались на откуп с торгов². Добываемая соль потреблялась внутри области и в большом количестве вывозилась в украинские города и селения. Так, в 1821 г. отправлено было 643 тыс. пудов в Одессу, Елисаветград, Умань, Старокопстантинов, Могилев-Подольский, Дубны, Балту, Винницу, Житомир, Брацлавль, Васильков, Заславль, Черкассы и др.³ В 1824 г. вывезено за Днестр 820 тыс., в 1825—1827 гг. — в среднем по 1,5 млн. пудов ежегодно⁴.

Откупщики пересдавали разработки мелкими участками в аренду «промышленникам» (покупщикам), которые либо своими силами занимались вывощкой соли и развозили ее для продажи, либо нанимали рабочих-солеломщиков, выплачивая им в день деньгами по 2,5 лева и обеспечивая питанием⁵. В конце 20-х годов, по официальным данным, во время садки соли на промыслы собиралось до 9 тыс. человек; «промышленники» создавали артели для вывощки соли⁶.

По свидетельству А. А. Скальковского, «бессарабские жители целыми тысячами приходили для добывания соли, брали участки на озерах, ломали ее, укладывали в бугры и, очистив слабым акцизмом, вывозили внутрь Бессарабии для продажи или в другие части Южной России»⁷. Большую часть этих «бессарабских жителей», судя по отчету чиновника V отделения с. е. и. в. канцелярии, ревизовавшего в середине 30-х го-

¹ Чевкин и Озерский. Обзор горной производительности России. — «Горный журнал», 1851, ч. II, кн. IX, стр. 399; И. Ф. Штукерберг. Статистические труды, т. II, СПб., 1860, стр. 14.

² П. Свинын. Описание Бессарабской области. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VI, 1867, стр. 196—197.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18590, л. 15.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18589, ч. I, л. 36; В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, СПб., 1902, стр. 167.

⁵ П. Свинын. Указ. соч., стр. 197. В 1825 г. 1 руб. серебр. равнялся 7,5 лева.

⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 7; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18589, ч. I, л. 35.

⁷ А. А. Скальковский. Опыт статистического описания. Одесса, 1850—1853, стр. 496.

дов государственные имущества Бессарабии, составляли крестьяне прилежащих к озерам казенных селений Аккерманского уезда¹.

В 1830 г. соляные озера были изъяты из местного управления и учреждено особое Бессарабское соляное управление с центром в м. Тузлы, подчиненное непосредственно Министерству финансов. Ежегодная добыча соли с середины 30-х годов до 1850 г. составляла в среднем от 3 до 6 млн. пудов (а в 1844 г. даже превзошла 8 млн. пудов) и производилась только вольнонаемными солеломщиками².

Работа носила сезонный характер, продолжаясь с августа по ноябрь. «Обыкновенно рабочие и промышленные люди собираются заранее, иногда с семьями, повозками и скотом, и располагаются табором внутри черты промысла, а с 1 августа допускаются к ломке», — писал А. А. Скальковский, наблюдавший процесс соледобычи³.

При садке соли на площади в 60 квадратных верст образовывалась соляная корка в 1,5—2 вершка толщиной. Способ добычи соли был примитивен: ломщики снимали с воды соляную корку лопатами или вилами, складывали на повозки и вывозили на берег. Там соль ссыпали в «бугры» — пирамидальные кучи и сдавали приемщикам от управления, считая на кубические сажени⁴. Министерством финансов была определена плата по $1\frac{3}{4}$ коп. серебр. за пуд, но управление понизило ее в конце 40-х годов до 1 коп., пользуясь постоянным наплывом рабочих в связи с неурожаем в области⁵.

По данным бессарабской палаты государственных имуществ, пеший в день зарабатывал в среднем 15 коп. серебр., а рабочий с подводой — 40 коп. серебр.⁶

Управляющий палатой государственных имуществ писал в октябре 1841 г. бессарабскому губернатору, что соляное управление платит крестьянам Аккерманского округа, работающим на промыслах, «произвольную цену», а не ту, которая ежегодно утверждается Министерством финансов, и просил подействовать на управление, чтобы оплата производилась по таксе Министерства⁷. Но ничего не изменилось, рабочих просто обирали.

Казне добыча соли (плата рабочим, содержание штата управления и охраны) обходилась около 2 коп. серебр. за пуд, а продавали ее на месте по 27 коп. серебр., то есть с прибылью в 1350%⁸.

Судя по отчетам соляного управления, в 30—40-х годах в сезон покупке соли занимались до 700 промышленников, в том числе 250 бессарабских, на вывочке соли работало до 10 тыс. человек, а в отдельные годы и более (в 1845 г. — до 12 тыс. рабочих)⁹. Из них несколько

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 65.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 598, л. 2; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 105; «Новороссийский календарь за 1837 г.», стр. 163; ЖМВД, 1846, ч. 16, стр. 87; П. Крюков. Очерки мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853, стр. 10.

³ А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 496.

⁴ «Коммерческая газета», 1838, № 60, стр. 231.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 598, л. 3, д. 623, л. 5.

⁶ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 45, л. 105.

⁷ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3224, л. 14.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 623, л. 3; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 496.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 598, л. 3; д. 623, л. 3; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2689, л. 102; д. 4693, л. 146; оп. 2, д. 45, л. 105—107. А. А. Скальковский в этом отношении дал сравнительный материал по Бессарабским и Крымским промыслам. Он писал: «В хороший урожай (например, в 1845 г.) Бессарабский промысел требовал более 10 000. а Крымский до 23 000 душ солеломцев. На первый приходит круглым числом до 60 000 повозок с 15 000 погонщиков и 12 000 штук рогатого скота; на второй до 120 000 повозок

тысяч приходило из казенных селений Аккерманского округа. Наиболее распространенным был уход крестьян на озера из селений Кебабча, Сергеевка, Дивизия, Татарбунары, Борисовка, Спасское, Бакчалия, Павловка, Плахтеевка, Введенское, Вознесенское, Золокары и Шаганы¹. Некоторые крестьяне переходили на постоянное жительство в м. Тузлы, работали круглый год².

Среди селений, связанных с соляными промыслами, особо следует отметить Шаганы и Золокары. В источниках прямо указывается, что крестьяне этих селений, «мало занимаясь хлебопашеством, промышленуют извозом и ломкой соли»³. Кроме добычи соли, они занимались на ремонтные работы по восстановлению часто разрушаемых шторами дамб⁴.

В феврале и апреле 1850 г. во время шторма примитивные сооружения не выдержали, и морская вода дважды прорвала дамбы, залила озера, размыв более 4 млн. пудов ссыпанной в бугры соли. Садка на несколько лет прекратилась. Восстановительные работы затянулись, а затем в связи с Крымской войной были совсем приостановлены, так что соляные промыслы фактически перестали действовать⁵.

По Парижскому миру 1856 г. озера отошли к Молдавскому княжеству. Отход крестьян на промыслы резко пал, но совсем не заглох. В 50-х годах крестьяне селений Дивизии, Сергеевки и Кебабчи ходили туда на заработки через границу по специальным пропускным билетам⁶.

Хозяйственный подъем, развитие рыночных связей Бессарабии с Одессой усилили роль Днестра в транспортировке больших масс грузов. А развитие днестровского судоходства, в свою очередь, обусловило развитие особого вида промысла среди населения прибрежных сел и городов, в том числе и среди государственных крестьян, — обслуживание торгового судоходства (работа в качестве плотогонов, буксировщиков галер, речных грузчиков).

До середины 30-х годов по Днестру проходили карантинная и таможенная линии, поэтому транспортировка грузов по нему почти исключалась⁷. С конца 30-х годов Днестр становится сплавной торговой рекой, по которой спустились ежегодно из Бессарабии, Подолии, Херсонской губернии и Австрии сотни тысяч четвертей хлеба, большие массы леса, алебаstra, спирта, дров, гипса и прочего до Бендер и Маяков, откуда этот груз перевозился гужом в Одессу и другие места Херсонской губернии и в южные уезды Бессарабии. В 1837 г. по Днестру прошли 34 галеры и 84 плота, в 1846 г. — 380 галер и 136 плотов, накануне Крымской войны — до 1400 галер и других судов и 580 плотов, а в начале

с 30 000 погонщиков и иногда 300 000 штук рогатого скота». См. А. Скальковский. Население и продовольствие Новороссийского края в 1853—1854 годах. — «Экономист», 1858, т. 1, стр. 180—181.

¹ ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, д. 86, л. 89; ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 125—128; ф. 2, оп. 1, д. 5149, л. 591.

² Материалы об этой категории крестьян содержатся в фондах бессарабской палаты государственных имуществ и канцелярии губернатора. — ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 45, л. 83—86; д. 46, л. 5—7; д. 50, л. 206—209; ф. 6, оп. 3, д. 336, л. 1—25; д. 910, л. 101; ф. 2, оп. 1, д. 5169, л. 142—143; д. 5558, л. 88, 91; д. 6153, л. 61—62; д. 6461, л. 178.

³ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 1280, л. 13.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6459, л. 1, 7.

⁵ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 5448, л. 98—103, 112, 114; д. 5455, л. 13; д. 6583, л. 97.

ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1856 г., д. 39, л. 211; «Коммерческая газета», 1850, №№ 51, 68.

⁶ См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 440, л. 2, 6, 8, 13.

⁷ А. Шмидт. Херсонская губерния, СПб., 1863, стр. 345.

60-х гг. — от 2 до 2,5 тыс. галер¹. Соответственно росло и число судорабочих: в 40-х годах их насчитывалось от 2,5 до 4,5 тыс., в 1850—1853 годах — 7,5—8 тыс., в конце 50-х годов — свыше 9 тыс. человек². Большинство из них было занято сплавом хлеба и леса.

Из государственных, крестьян наем на суда и плоты и на другие работы по обслуживанию водного транспорта был наиболее распространен в Хотинском округе; здесь находилась пристань в казенном селении Рухотин. Работа была сезонная — в период навигации, длившейся 3—3,5 месяца³.

Работали на галерах — плоскодонных, четырехугольных судах, сделанных из елового леса и снабженных четырьмя веслами; грузоподъемность галер составляла 3,5—4 тыс. пудов; предназначались они главным образом для перевозки хлеба. Галера обслуживалась четырьмя рабочими. Плот — сколоченные в два ряда еловые бревна, на которых размещался груз, — вели два человека. Более крупные суда с парусами — «плашкоуты», поднимавшие до 10 тыс. пудов груза, обслуживались шкипером и 8—9 рабочими⁴.

До конца 50-х годов галеры использовались лишь в одном рейсе, не буксировались вверх по Днестру, а по доставке в Бендеры или Маяки продавались на слом, поэтому рабочие с конечных пунктов возвращались домой пешком. Как отмечал А. А. Скальковский, «тысячи судорабочих по доставке (грузов. — И. А.) в Маяки шли пешком назад, за 300 верст, издерживая по дороге тяжело заработанную копейку»⁵.

Время плавания от Хотина до Бендер занимало от 2 до 4 недель, а до Маяков, в зависимости от погоды, — от 3 до 6 недель⁶.

Обычно нанимались «на сходку», то есть с места загрузки до установленного пункта, большей частью словесно, с забором вперед следующей платы⁷. Судорабочим платили за доставку грузеных галер и плотов в следующих размерах: в 40-х годах от Жванца до Бендер — 9—12 руб., до Маяков — 20—25 руб. каждому; в начале 60-х годов за сплав галеры от Жванца до Маяков платили 75 руб., а до Бендер — 50 руб. серебр. Правщики получали на 20—30% больше судорабочих. На плашкоуты нанимались на всю навигацию — с ежемесячной зарплатой по 10 руб.⁸

Работа на судах и плотах была тяжелой и опасной, так как Днестр на всем судоходном течении протяженностью до 900 верст был крайне извилист, засорен корчами (затонувшими пнями), имел пороги под Ямполем, быстро мелел при бездождьи и также быстро выходил из берегов в дождливую погоду; часто суда разбивались или садились на мели.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4779, л. 282; д. 5778, л. 83; «ЖМГИ», 1841, ч. 1, стр. 268; «Военно-статистическое обозрение Бессарабской области». СПб., 1849, стр. 44; «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. II, СПб., 1865, стр. 89; «Список населенных мест Российской империи», т. III, Бессарабская область, СПб., 1861, стр. XIV.

² Подсчет произведен на основе отчетов дистанционных начальников Днестровского судоходства. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4141, л. 286; д. 4779, л. 282; д. 5458, л. 14; д. 5631, л. 13; д. 5778, л. 96; д. 5934, л. 1; д. 7681, л. 85, 229, 278.

³ «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. II, СПб., 1865, стр. 89.

⁴ «Лесной журнал», 1851, т. I, стр. 40; А. Шмидт. Указ. соч., стр. 341—342.

⁵ А. А. Скальковский. Днестр. — «Экономический указатель», 1858, вып. 15 (68), стр. 327.

⁶ Дараган. Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб., 1849, стр. 44.

⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7836, л. 119; ф. 151, оп. 1, д. 9, л. 141—142.

⁸ Дараган. Указ. соч., стр. 43; «Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г.». Кишинев, 1862, стр. 191; А. Шмидт. Указ. соч., стр. 342.

И вообще судоходство было возможно лишь во время весенних и осенних разливов¹.

С 1857 г. в связи с расчисткой бечевника по берегам реки порожные галеры и плашкоуты начали буксировать лошадьми вверх против течения («взводное судоходство») примерно по 150—200 судов в навигацию. От Маяков до Бендер буксировка стоила 30 руб., до Сорок — 60, а до Могилева — 75 руб.² Крестьяне прибрежных казенных селений по договорам с судовладельцами занимались доставкой судов в верховье Днестра. Обычно скрепляли по 3 галеры и тянули 6—7 лошадьми сразу, одну нагруженную галеру тянули 4—5 лошадьми при 3—5 рабочих³. Бурлачества на Днестре не существовало.

Со строительством железных дорог в конце 60-х годов описанный способ судоходства на Днестре перестал отвечать потребностям усилившихся хозяйственных связей. Необходимо было создать пароходство, требовалась коренная перестройка всего днестровского водного хозяйства. Остальное сплавное судоходство переживало кризис, что проявлялось прежде всего в сокращении движения судов и соответственно — числа судорабочих: в 1867 г. здесь было занято лишь 3596 человек⁴. Большие массы сезонных рабочих, привлекавшиеся ранее днестровскими пристаями на погрузочно-разгрузочные работы, теперь притягивались железнодорожными станциями и узлами.

В начале 70-х годов Днестровское судоходство вступило в новую полосу своего развития — по реке пошли новые пароходы: в 1870 г. на дистанции Тирасполь—Маяки курсировали 5 судов. К 80-м годам буксирные пароходы уже обслуживали пристани от Могилева до лимана. Опять Днестр привлекает тысячи судорабочих, грузчиков, фурщиков⁵.

Непродолжительность навигации на Днестре, отсутствие железных дорог в Бессарабии до конца 60-х годов, возраставший с каждым годом сбыт соли, сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий в Одессу, Измаил, Кишинев, Аккерман, во внутренние губернии и за границу, оживление местного рынка придавали особо важное значение грузовому транспорту и извозничеству как промыслу.

Транспортировка торговых грузов — соли, хлеба, рыбы и прочего — на телегах с воловьей упряжью занимала ведущее место в извозном промысле государственных крестьян. Распространен был комбинированный способ перевозок: из Тузлов, Аккермана и Дунайских рыбных промыслов шли обозы с солью и рыбой в разные уголки области, в Херсонскую, Подольскую и другие губернии, а по доставке они загружались в этих местах зерном — пшеницей, кукурузой и пр. и направлялись к портам — в Одессу и Измаил.

До 30-х годов извозный промысел был широко распространен среди крестьян Бендерского уезда, а с заселением Аккерманского уезда он развился и там, особенно среди переселенцев из центральных и украин-

¹ «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 18; Судоходство по Днестру. — «Современник», 1847, май, стр. 274—277; «Памятная книжка Бессарабской области», стр. 184; А. Шмидт. Указ. соч., стр. 338; ГАОО, ф. 1, оп. 215, д. 16, л. 7—8; ЦГИА УССР, ф. 692, оп. 1, д. 1, л. 20—46.

² ГАОО, ф. 1, оп. 215, д. 32, л. 75—167; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 9, л. 142; А. Шмидт. Указ. соч., стр. 342.

³ Ю. Янсон. Статистическое исследование хлебной торговли в Одесском районе. СПб., 1870, стр. 125—126; ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 856, л. 1—8, 20—24, 136; ф. 122, оп. 2, д. 62, л. 15—16; ф. 2, оп. 1, д. 6618, л. 29.

⁴ См. отчеты дистанционных начальников Днестровского судоходства. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7681, л. 155, 205.

⁵ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 7, л. 166, 171—172; Р. Орбинский. Очерк производительных сил в Бессарабской губернии. СПб., 1884, стр. 31.

ских губерний¹. И вообще, как отмечал в 40-х годах один из чиновников Инспекции сельского хозяйства Южной России, в Бессарабии «главные силы транспортов заключаются в народонаселении государственных крестьян и прочих лиц, независимых от помещиков»².

В 30—40-х годах вывозилось с озер до 1 млн. пудов соли только в заднепровские губернии. По сведениям соляного управления, в 40-х годах на промыслы ежегодно приходило до 60 тыс. фур и при них фурщиков до 20 тыс.³ «Из одного только Аккерманского уезда бывает в постоянном извозе в год до 6 тыс. воловых возов», — писал областной прокурор в одном из донесений министру юстиции⁴.

Из Тузлов выходило несколько чумацких трактов: Тузлы—Аккерман; Тузлы—Паланка (к переправе на Маяки); Тузлы—Коркмазы (к переправе через Днестр); Тузлы—Тарутино—Килия; Тузлы—Тарутино—Каушаны—Бендеры—Кицканы—Тирасполь; Тузлы—Тарутино—Кишицев. Особо знамениты были два тракта: 1) на Тирасполь и далее в Херсонскую губернию и 2) на Маяки и Одессу. До 50-х годов, как видно из архивных источников, ежегодно проходили через Кицканскую переправу до 16 тыс. чумацких возов с солью. Этот путь был удобен для чумаков: был самым близким, пролегал по ровной местности, богат пастбищами и водой⁵. В Одессу, Николаев, Херсон, Вознесенск и др. города Южной Украины соль провозилась через Паланку на Маяки⁶.

Третий важный путь транспортировки соли проходил от озер до Аккермана, где находились казенные склады соли, предназначенной для продажи купцам и помещикам, сплавлявшим хлеб и другие грузы по Днестру, а также для переправы в Овидиополь и Одессу. Как отмечало соляное управление, ежегодно сюда доставлялись возчиками сотни тысяч пудов соли⁷. Дорожная сеть, конечно, не ограничивалась названными трактами.

Соль вывозилась с промыслов и для заполнения купеческих складов внутри области. Такие склады емкостью по несколько тысяч пудов в каждом, в частности, находились в казенном селе Дивизия и немецкой колонии Тарутино⁸.

Местный спрос на соль был также значительным. Помимо целей удовлетворения людских потребностей, большие массы соли закупались для домашнего скота и на рыбные промыслы. Так, только в 1849 г. для скота было вывезено с озер свыше 93 тыс. пудов соли крестьянами Аккерманского и Бендерского округов⁹. По отчету конторы откупщика дунайских рыбных промыслов купца Широкова, в 40-х годах крестьянами селений Нерушай и Галилешт Измаильского градоначальства в среднем в год доставлялось на его предприятия от 23 до 27 тыс. пудов соли¹⁰.

В Аккерманском округе, кроме названных двух селений, как видно из статистических обзоров селений, хранящихся в налоговых учрежде-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 537, л. 130; д. 6309, л. 95.

² О главных причинах, производящих падеж рогатого скота в Новороссийском крае, и о средствах к предотвращению оного. — «Экономист», 1859, т. II, кн. 2, «Смесь», стр. 29.

³ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 623, л. 3.

⁴ ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, д. 86, л. 89.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3312, л. 29; д. 6309, л. 97—98; д. 4665, л. 157—158; ф. 122, оп. 2, д. 93, л. 90—91.

⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 5375, л. 5.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, д. 561; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 106; д. 4629, л. 878; д. 4693, л. 145.

⁸ См. переписку колониальных властей об этих складах. — ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 360, л. 1, 7, 15, 17, 20.

⁹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 41.

¹⁰ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 114—117, 150—151.

ниях, вывозкой соли занимались крестьяне Александровки, Петропавловки, Молдавки, Райлянки, Царичанки, Кебабчи, Сергеевки, Дивизии, Татарбунар, Борисовки, Спасского, Бакчалии, Плахтеевки, Ярославки, Шаган, Введенского, Золокар, в Хотинском округе — крестьяне Белоусовки, Холохорен и Фитешт¹. Стоимость извоза соли в середине 40-х годов составляла весной 6 коп. серебр. за пуд на расстоянии 50 верст, а в летние месяцы цены повышались².

Транспортировкой грузов с Дунайских рыбных промыслов занимались главным образом крестьяне придунайских селений: доставляли рыбу, икру, вязигу, клей в разные пункты области, в Одессу, Киев, Бердичев и другие города. Только в 1843 г. управление промыслами выплатило за извоз рыбы и рыбопродуктов крестьянам селений Карамхмет, Карачково, Нерушай, Галилешты и других 17 191 руб. асс.³

Важной статьей дохода крестьян был подвоз хлеба к Одесскому и Измаильскому портам, к пристаням на Днестре и крупным провиантским войсковым базам. В Одессу из Бессарабии гужевой транспорт с зерном шел преимущественно через Тирасполь и Паланку. Большие массы хлеба подвозились подводами в Измаил и Рени. В Измаиле в 40-х годах только сыпные амбары вмещали более 150 тыс. четвертей, но много зерна прямо загружалось на суда. О размерах вывоза хлеба из Измаила и Рени можно судить по следующим показателям, взятым из отчетов таможенных учреждений: в 40-х годах вывозилось пшеницы, ржи и кукурузы от 100 до 280 тыс. четвертей, а в начале 50-х годов — до 450 тыс. четвертей в год⁴. Обычно вывоз хлеба падал на вторую половину года («по сборе с полей хлеба») или на весну; летом крестьяне занимались извозом по окончанию ярового посева до сенокоса, то есть в период меньшей занятости полевыми работами. Зимой из-за бездорожья транспортировка грузов прекращалась⁵.

По сведениям, относящимся к 40-м годам, доставка в Одессу одной четверти хлеба стоила: из Хотинского уезда — 1 руб. 50 коп. — 2 руб. серебр., из центральных уездов области — 75 коп. — 1 руб. 50 коп., из Бендерского уезда 40—75 коп. серебр.⁶ В 50-х годах из-за вздорожания пастбищ чумаки брали с одной четверти за 100 и 300 верст по 2—4 руб. серебр., так что, например, из Бендерского уезда брали за доставку груза в Одессу по 1 руб. с четверти⁷.

Часть возчиков отправлялась в Маяки и перевозила доставленный сюда на галерах по Днестру хлеб в одесские сыпные пункты; за доставку брали в 40-х годах по 40—90 коп. с четверти, а в 50-х годах — 1 руб. 50 коп. серебр.⁸

¹ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 119—128; ф. 122, оп. 2, д. 53, л. 253.

² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 25, л. 561, л. 64.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 41.

⁴ «Библиотека коммерческих знаний», кн. 7, СПб., 1843, стр. 15; «Коммерческая газета», 1834, № 5, стр. 193; 1843, № 45, стр. 177—178; № 36, стр. 137; 1844, № 39, стр. 154; 1848, № 51, стр. 202; 1851, № 44, стр. 175; 1852, № 52, стр. 206.

⁵ М. Вольский. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г. Одесса, 1854, стр. 115; Ю. Янсон. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870, стр. 141; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3638, л. 71—72; д. 5297, л. 88—90; д. 5451, л. 89; д. 6768, л. 635.

⁶ «Военно-статистическое обозрение Бессарабской области», СПб., 1849, стр. 86.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 398, л. 7696, л. 42; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 70, л. 168; П. Стойкович. Две главы из экономической истории Новороссийского края. — «Южный литературный сборник», Одесса, 1859, № 2, стр. 96.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 398, л. 5222, л. 215; А. А. Скальковский. Днестр, его значение в торговле и промышленности южной России. — «Экономический указатель», 1858, вып. 15 (№ 67), стр. 325—326.

Потребность в гужевом транспорте была очень велика. Достаточно отметить, что в конце 40-х — начале 50-х годов подвозкой хлеба от Маяков в Одессу было занято 100—150 тыс. пароволовых повозок, так как по Днестру тогда прибывало 500—600 тыс. четвертей зерна, а к началу 60-х годов — до 900 тыс. четвертей¹.

Ежегодно в 40—50-х годах наймом возчиков поставлялось провианта и фуража на войсковые базы, в том числе расположенные в казенных селениях Капланы, Татарбунары, в городах Бендеры, Аккерман, Измаил, Хотин, по 50—100 тыс. четвертей. Оплата гужевых перевозок по договоренности с военными ведомствами, как правило, производилась на мерные единицы и составляла в расчете на 50 верст расстояния за культуру 1 руб. 25 коп., четверть овса — 60 коп., ячменя — 70 коп. серебр.²

В статистическом обзоре казенных селений, составленном палатой государственных имуществ в начале 50-х годов, названы селения, в которых извоз являлся одним из распространенных промыслов. В Аккерманском и Хотинском округах извозом хлеба занимались крестьяне тех же селений, которые развозили соль, в Бендерском округе — крестьяне селений Старые Каушаны, Копанка, Кириацены, Фарладаны, Танатары, Калфа, Гербовцы, Абаклыджаба, Чорамурза, Баймаклия, Салкуцы, Батыр, Чимишлия, Селемет, Ченак, Жавгур³.

Для дальних перевозок фурщики объединились в валки (артели, караваны подвод с грузом, принадлежащим одному хозяину). Нанимались у купцов и других «промышленников» осенью или зимой, а в конце апреля или мае, когда на чумацких трактах достаточно подножного корма, отправлялись к озерам, либо везли к портам хлеб⁴. Валки временно занятых извозом крестьян составлялись в большинстве случаев по числу хозяев. Обычными были валки в несколько десятков подвод, иногда же они достигали огромных размеров: по 200—300 волов в каждой⁵.

Такой порядок в организации извозного промысла существовал тогда на огромной территории Южной Украины и Северного Кавказа⁶.

До 40-х годов подводчики большей частью подряжались словесно⁷. Но это часто приводило к взаимным спорам и конфликтам. Поэтому с 40-х годов стали практиковаться письменные контракты. Нередко крестьян, занимавшихся извозом временно, стесненное положение вынуждало законтрактываться зимой — в период уплаты налогов — брать деньги у «рядчиков» и расходовать их задолго до извозного сезона. Пользуясь нуждой крестьян, торговцы закабалляли их, платили пониженную стоимость перевозок, обставляли контракты рядом обременительных условий. Примером может служить контракт, заключенный в феврале 1859 г. 30 крестьянами с Холохорены Хотинского округа с купцом С. Рабиновичем: они должны были обернуться в течение месяца с грузом пшеницы и кукурузы в Одессу из Подольской губернии и соли из Тузлов (по 40—50 пудов на подвод), что практически было почти несущественно; в случае несвоевременной доставки обязаны были уплатить

¹ «Список населенных мест Российской империи», т. III, Бессарабская область. СПб., 1861, стр. XIV; А. А. Скальковский. Днестр..., стр. 325—326.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5286, л. 86; д. 5442, л. 1, 12; д. 5456, л. 70; д. 5774, л. 242—244; д. 5916, л. 2, 12; д. 6145, л. 17.

³ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 116—124.

⁴ О главных причинах, производящих падеж рогатого скота в Новороссийском крае, и о средствах к предотвращению оного. — «Экономист», 1859, т. II, кн. 2, «Смесь», стр. 26—27; ЦГА МССР, ф. 241, оп. 1, д. 42, л. 18; ф. 122, оп. 2, д. 140, л. 116—124.

⁵ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 54.

⁶ А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в до-реформенный период. М., 1957, стр. 180—181.

⁷ «Земледельческая газета», 1847, № 45, стр. 356.

штраф в его пользу по 1 руб. серебр. с четверти; заработок их даже в случае выполнения контракта в срок составил 30 коп. в день, тогда как даже пеший косарь у соседних помещиков зарабатывал по 40—50 коп., а с рабочим скотом его дневной заработок был намного выше¹.

В 60-х годах наймом подвод для транспортировки хлеба в Одессу занимались специальные подрядчики торговых домов. В частности, их резиденцией служил г. Бендеры. Бендерские подрядчики заключали контракты с чумаками Бендерского и Тираспольского уездов².

Сохранившиеся в архивных фондах контракты дают возможность судить о наличии валок, стоимости перевозок, о размерах извоза как промысла у государственных крестьян, о кабальных сделках³.

Если подавляющая масса крестьян занималась извозом в свободное от полевых работ время, то среди зажиточной прослойки выделялась группа крестьян, промышленявших извозом систематически. Каждый из них имел по несколько парных подвод с исправной упряжью и специально оборудованные повозки, выступал в качестве мелкого подрядчика. Почти в любом казенном селении промышленяли такие подрядчики-чумаки; по всем округам их можно насчитать сотни. На сезон они нанимали себе работников («погонцев») из односельчан для обслуживания подвод. Назовем лишь некоторых из них. В с. Карамахмете Х. Усатый, промышленявший извозом соли, в начале 50-х годов имел 8 пароволовых подвод, выступал как подрядчик; кроме того, в артель входили его «товарищи» на 18 подвод⁴. Там же по 9 подвод имели А. Крутос, Я. Корнеенко, Ф. Крутос⁵. В с. Ярославка по 7—8 подвод выставляли четыре крестьянина; столько же в Александровке; в с. Белоусовка в 60-х годах крестьянин В. Цибульский извозничал с 6 работниками, Г. Гинкуля — с 4 работниками и т. д.⁶

В некоторых селениях (Шаганы, Золокары, Карамахмет и др.) извозный промысел стал настолько систематическим занятием крестьян, что отдельные из них совершенно отрывались от земледелия; по несколько лет не заезжали в свои деревни⁷.

Помимо транспортировки соли, рыбы, хлеба, связанной с крупными торговыми операциями, крестьяне промышленяли извозом в городах и торговых селах — на ярмарках и базарах, перевозили купеческие грузы с одной ярмарки на другую, из одного города в другой.

Нам не удалось обнаружить в документах фактов сочетания извозничьего промысла с торговлей. Крестьяне, очевидно, занимались преимущественно гужевыми перевозками и в этом занятии выступали либо в роли подрядчиков, которых было, несомненно, меньшинство, либо в качестве простых извозчиков, находящихся в зависимости от купцов и других торговых элементов, от «ватаманов» валок — зажиточной верхушки деревни.

Сотни сезонных рабочих ежегодно привлекала шерстомойня одесского купца Ралли. Основанная в 1837 г. у Маяжской переправы, в низовье Днестра, на площади в 4 десятины шерстомойня в 60-х годах за-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 140, л. 116—120.

² Ю. Янсон. Указ. соч., стр. 144.

³ См. 19 контрактов между крестьянами 15 селений Аккерманского и Хотинского округов и торговцами об условиях транспортировки соли и пшеницы в 1845, 1846 и 1859 гг. — ЦГА МССР, ф. 241, оп. 1, д. 12; ф. 122, оп. 2, д. 140, л. 116—127.

⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 35, л. 74—75.

⁵ Там же, ф. 241, оп. 2, д. 42, л. 21.

⁶ Там же, оп. 1, д. 42; ф. 2, оп. 1, д. 7612, л. 290; ф. 122, оп. 1, д. 255, л. 50; оп. 2, д. 70, л. 167; д. 140, л. 57—74.

⁷ Там же, ф. 6, оп. 2, д. 1369, л. 3; д. 1280, л. 13; ф. 2, оп. 1, д. 3843, л. 361.

нимала уже 30 десятин. В 40—60-х годах здесь промывалось шерсти по 60—70 тыс. пудов за сезон — на сумму от 100 до 4000 тыс. руб.; в летне-осенние месяцы постоянно работало от 400 до 1000 человек — преимущественно женщины из ближайших казенных селений и из г. Аккермана. Сортировальщицы, как более квалифицированные работницы, получали по 12, а прочие, менее квалифицированные — по 7—8 руб. серебр. в месяц¹.

Осенью крестьяне приходили на салотопни в м. Каушаны, действовавшие в 40—60-х годах; 50—75 рабочих вытапливали за сезон до 6 тыс. пудов сала и солили мяса по 1200—1300 пудов². Подобные салотопни действовали в Бендерском уезде у помещика Понсет (с. Леонтьево) и в г. Аккермане.

Отходников-крестьян и ремесленников привлекали и более мелкие предприятия: суконная «фабрика» Д. Изерта в Татарбунарах, свечные, кожевенные, сыроваренные, кирпично-черепичные заведения в Чимшили, Татарбунарах, Селемете, Батыре, Паланке³.

Рост отходничества и развитие ремесла приводили к отливу части крестьян в города. Зажиточное меньшинство переводилось там в купечество, основывало промышленные заведения, крестьянская беднота и ремесленники приписывались к цехам или превращались в наемных рабочих. Обычно крестьяне и сельские «мастерские люди» уходили в города «для заработков», переходя с места на место, и затем уже, порвав связь с сельским хозяйством, оседали в городах на постоянное жительство.

До середины 30-х годов приписка к городам была стеснена рядом ограничений: переписавшийся в город крестьянин должен был известное время уже проживать в городе, дабы «привык к свойственным купечеству и мещанству промыслам или какому-нибудь употребительному в городах рукоделию», иметь хозяйство в городе, обеспечить обработку своего прежнего сельского надела и др.

В 1833 г. эти ограничения были отменены, облегчены условия перехода в города, но требовалось внести определенный налог, получить согласие на перечисление по старому и новому месту жительства, представить документ о непринадлежности к сектам, об очищении недоимок и др.⁴

Перечисление было связано с прохождением многих формальностей, с волокитой, взятками, иногда затягивалось на многие годы. Так, например, было с тремя семьями крестьян Иевлевых из с. Павловка Аккерманского округа. В 1833 г. они выбыли в Кишинев, затем в г. Борбинец Херсонской губернии, Елисаветград и Симферополь, причислившись к мещанам этих городов, но до 60-х годов платили двойные налоги — и

¹ В архивных фондах сохранились подробные сведения о шерстомойке за 30—60-е годы. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, л. 2612, л. 12—14; д. 4951, л. 226; д. 5774, л. 139; д. 7681, л. 91; д. 7787, л. 216; д. 7790, л. 142; д. 7836, л. 546, д. 7878, л. 50; ф. 6, оп. 2, л. 1280, л. 10; ф. 61, д. 86, л. 82; ЦГИА СССР, ф. 383, д. 27875, л. 4, 15; ф. 381, д. 5938, ч. 1, л. 116; И. Енакиевич. Аккерманские малороссы. — Архив географического общества СССР, фонд Бессарабская губерния, л. 12—18.

² Обобщены отчетные данные палаты государственных имуществ о салотопнях по годам. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4574, л. 70; д. 4779, л. 213; д. 5286, л. 172; д. 5456, л. 78; д. 5774, л. 71; д. 6141, л. 439; д. 6634, л. 556; д. 7194, л. 49; д. 7681, л. 89; д. 7879, л. 50; ЦГИА СССР, ф. 381, д. 5938, ч. 1, л. 117.

³ Разрозненные сведения об этих мелких предприятиях содержатся в различных архивных фондах. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6141, л. 439; д. 6768, л. 694; д. 7194, л. 49; д. 7681, л. 89, 91; д. 7836, л. 517, 546; д. 7879, л. 50; ф. 24, оп. 1, д. 64, л. 114—117; ЦГИА СССР, ф. 381, д. 5938, ч. 1, л. 116—118.

⁴ ЦГА МССР, ф. 3, оп. 2, д. 67, л. 11—12; ф. 305, оп. 1, д. 371, л. 217—219; ф. 2, оп. 1, д. 1821, л. 2—4; «ЖМГИ», 1859, ч. LXII, стр. 47.

как крестьяне и как мещане — из-за того, что не были соблюдены формальности по перечислению¹. Такую же волокиту претерпели три семьи из с. Кислица и 7 семей из с. Покровка при перечислении в Измаил, две семьи м. Татарбунары при переходе их в Килию и т. д.² В течение трех лет крестьянин с. Формушика добивался перечисления в м. Тузлы, где он «проживал с давних пор», обзавелся хозяйством; за это время он израсходовал 180 руб. на специальные взносы, взятки и т. п.³

Несмотря на существовавшие рогатки, крестьяне уходили в города. Большая часть их шла в Кишинев: в 1823 г. — из с. Батыра 8 семей; в 1828 г. — из с. Успенского 3 семьи; из с. Садакли в 1836 г. — 7 семей и в 1843 г. — 21 семья; из с. Павловки в 1837 г. — 12 семей. Десятки семей перешли в Кишинев в течение 40—50-х годов из селений Троицкого, Кирнацера, Введенского, Каушан, Васильевки, Петропавловки, Чорамурзы, Саица, Фурманки, Бокчалии, Сергеевки, Царичанки, Чичмы, Нерушая, Ивановки, Дмитриевки, Абаклыджабы и др.⁴

Некоторые проживали в городе временно, находясь «в услужении» у разных лиц, не перечисляясь в городские сословия. В конце 60-х годов в Кишиневе насчитывалось таких временно проживавших государственных крестьян около 80 человек⁵.

Сотни крестьян-ремесленников или чернорабочих проживали в южных городах сначала по паспортам, платили налоги как крестьяне, но постепенно втягивались в городскую экономическую жизнь и потом навсегда оставались там: в Аккермане и его посадах, в Бендерах, Измаиле, Килии, Кагуле, Рени. В документах содержится много сведений о переходе в эти города крестьян селений: Каплены, Татарбунары, Царичанка, Нерушая, Гура-Роша, Саиц, Троицкое, Хаджимус, Каушаны, Кицканы, Кирнацены, Дивизия, Китай, Чичма, Дракуля, Шагань⁶.

По сведениям МГИ, только с 1836 по 1849 гг. из казенных селений переселились в города 1730 душ мужского пола⁷. Но при этом следует оговориться, что уход в города в 40-х годах был связан не только с развитием в деревне ремесла и промыслов, но являлся также одной из форм проявления классового недовольства крестьян реформой П. Д. Киселева.

За пределы области государственные крестьяне уходили в меньшей степени, чем во внутренние города. Из Карамахмета, Жебринян, Ганкишлы, Каушан, Копанки и др. селений некоторые крестьяне переходили в Одессу⁸. Отмечаются случаи ухода и в более отдаленные города: Николаев, Харьков, Новороссийск⁹.

Город впитывал в себя массу сельского населения — царан, государственных крестьян, колонистов и др. Хотя и медленно, но неуклонно

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 462, л. 6—7, 16—20; д. 463, л. 37—38; оп. 2, д. 10, л. 125—135; д. 70, л. 22—24; д. 88, л. 112—115; д. 110, л. 57—64.

² Там же, ф. 134, оп. 1, д. 37, л. 493—496; д. 124, л. 324; ф. 3, оп. 1, д. 807, л. 1—14.

³ Там же, ф. 6, оп. 3, д. 336, л. 3.

⁴ См. ЦГА МССР, ф. 75, оп. 1, д. 245; ф. 134, оп. 1, д. 109, 114, 125; ф. 122, оп. 1, д. 13, 293; оп. 2, д. 12, 24, 31, 83, 93, 138, 140, 150; ф. 2, оп. 1, д. 4141, 5297, 7130.

⁵ Подсчет произведен по материалам фондов палаты государственных имуществ и канцелярии губернатора.

⁶ См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 32; оп. 2, д. 23, 25, 43, 45, 46, 50, 72, 84, 139; ф. 8, оп. 1, д. 807; ф. 6, оп. 2, л. 1372; оп. 3, л. 557; ф. 134, оп. 3, л. 165; ф. 302, оп. 2, д. 893; ф. 2, оп. 1, д. 3305, 3645, 4141, 5169, 5362, 5558, 5735, 5913, 6153, 6461, 6648, 6771, 7181.

⁷ «ЖМГИ», 1857, ч. LXIII, стр. 96—97.

⁸ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 437, л. 3, 5; д. 154, л. 207—209; оп. 2, л. 13, л. 19; д. 26, л. 125—130; ф. 302, оп. 2, д. 234, л. 53; ф. 2, оп. 1, д. 3711, л. 9.

⁹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 28, л. 84—85; д. 32, л. 56—57; д. 34, л. 110—117; д. 48, л. 48—49.

шел процесс формирования городской торгово-промышленной буржуазии и наёмных рабочих.

Цифровые данные о численности отходников из государственных крестьян отрывочны, статистического учета им не велось. Сведения, взятые из делопроизводства различных ведомств, и сведения о выданных билетах и паспортах, сохранившиеся контракты дают лишь возможность приблизительного исчисления.

Паспортная статистика не сохранилась, имеются только сведения за отдельные годы о количестве выданных паспортов и билетов, согласно которым отлучились на заработки по документам в 1837 г. — 1000 человек, в 1841 г. — около 1000, в 1842 г., только в первом полугодии, — 1080, в 1843 г. — 429, в 1844 г. — 422, в 1845 г. — 1364, 1858 г. — 1046, в 1861 г. — 1275, в 1866 г. — 880 человек¹. Безусловно, эти данные ни в какой мере не отражают степени развития отхожих промыслов в казенной деревне, так как многие крестьяне, не имея возможности заплатить за паспорт или билет, шли на заработки без всяких документов. К тому же «письменные виды» брали те крестьяне, которые уходили на заработки за пределы округов, а для работы в ближайших селениях либо совсем не выдавались билеты, либо достаточно было справки от сельских старшин.

Наконец получение паспортов и билетов было связано с большой волокитой. Существовала целая система ограничительных условий отъезда крестьян на сторону, среди них круговая порука (требовалось согласие крестьянского общества на отъезд), высокая по тем временам плата за паспорт (за годичный паспорт — 1 руб. 45 коп. серебр.), необходимость получить разрешение на отъезд от местных властей и др.²

Отходники часто оказывались в сложных и тяжелых условиях. Никакой охраны труда, никаких ограничений в применении труда женщин и детей не существовало. Жилищ для них не строили: поденщики, «фалькари», грузчики и т. п. укрывались от непогоды и ночевали в сараях, под навесами или жили в полях, сами устраивали шалаши из соломы и сена. В местах скопления отходников корчмари размещали густую сеть «питейных заведений», охотясь за добытой тяжелым трудом копеечкой. И им это обычно удавалось. Например, начальник 4-й дистанции Днестровского судоходства сообщал бессарабскому губернатору в 1859 г., что в Маяках, конечном пункте доставки грузов по Днестру, корчмари спаивали судорбочих, от чего они, бросая галеры и плоты, оставляли свои заработки в винных подвалах, и некоторые даже тонули в Днестре³.

Рабочее время отходника не регламентировалось никакими законами, оно зависело от произвола нанимателя. Отходники протестовали против этого произвола и тяжелых условий труда, бросали работу и уходили в другие места. По настоянию помещиков в 1863 г. царское правительство издало первый закон о сельскохозяйственных рабочих — «Временные правила для найма сельских рабочих и служителей»⁴. Цель его была ясна: обеспечить помещиков и зажиточную сельскую верхушку

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 79; д. 3485, л. 80; л. 4141, л. 44; ЦГИА СССР, ф. 381, д. 5988, ч. 1, л. 307—308; «ЖМГИ», 1844, ч. XXII, приложение № 5; 1845, ч. XVII, приложение № 5; 1846, ч. XXI, приложение № 8; «Статистическое обозрение государственных имуществ за 1858 г.». СПб., 1861, стр. 40—41; «Записки Бессарабского областного статистического комитета», т. I, Кишинев, 1864, стр. 68.

² См. законодательный материал по этому вопросу. — ЦГА МССР, ф. 6, оп. 9, л. 398, л. 1—2.

³ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 85, л. 138.

⁴ ВПСЗ, т. XXXVIII, № 39448.

постоянной рабочей силой и условиями выгодной эксплуатации крестьян-отходников. «Помещики и правительство приложили все усилия к тому, чтобы правила о найме сельских рабочих как можно лучше обеспечивали интересы нанимателей»¹. Достигаться это должно было, по идее законодателей, введением рабочих книжек для отходников. Но реализация закона натолкнулась на сопротивление последних: они не хотели наниматься на работу на таких условиях. В отношении промысловых отходников вообще никаких законов не существовало.

Отхожие промыслы крестьян являлись одной из форм разложения натурально-хозяйственной основы феодального строя. В условиях усиления экономических связей, развития товарно-денежных отношений и расслоения деревни отходничество было одним из признаков складывания новых, капиталистических, отношений.

Крестьяне все больше отвлекались от своих хозяйств (а в неземледельческом отходе — и от земледелия) промысловыми занятиями.

С ростом отходничества увеличивалась подвижность населения. «Во всяком случае, — указывал В. И. Ленин, — как бы различно ни относиться к этому явлению, не может подлежать никакому сомнению, что оно выражает *отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям*». «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»².

Отходники-крестьяне были феодально-зависимыми людьми, в большинстве своем имели наделы, за которые несли феодальные повинности. Но, отрываясь от занятий своим хозяйством для работ по найму, они выступали в качестве людей, продающих свой труд предпринимателям. Систематически отходничеством занимались крестьяне, потерявшие свою хозяйственную самостоятельность и жившие за счет отходнических заработков.

На базе сочетания промысловых занятий с сельскохозяйственным производством постепенно складывались небольшие районы промыслово-земледельческого направления хозяйства; наиболее четко это наблюдалось в приморской полосе и Поднестровье — здесь в ряде селений земледелие сочеталось с сезонной работой на соляных и рыбных промыслах, днестровских пристанях, мелкотоварных предприятиях.

¹ Н. В. Юхнева. Первый закон о сельскохозяйственных рабочих в России 1863 г. — «Исторические записки», т. 60, стр. 284.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 569—570, 576.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ИЗДАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН МССР ЗА 1963—1964 гг.

За последние годы в Институте истории АН МССР было проведено несколько производственных совещаний, на которых обсуждалось качество изданных сотрудниками работ. Необходимость обмена опытом научных исследований на уровне совещания всех сотрудников Института умножается в связи с постоянным ростом объема выпускаемой продукции и включением в исследовательскую работу молодых ученых.

На последнем производственном совещании, проведенном 13 мая 1965 г., обсуждались научные статьи, опубликованные в сборниках «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии» (Кишинев, 1963), «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР» (Кишинев, 1964) и в «Известиях Академии наук Молдавской ССР» (1963, № 2 и 1964, № 8). В обсуждении приняли участие Н. А. Березняков, А. С. Есауленко, В. С. Зеленчук, Ю. Г. Иванов, М. Б. Иткис, А. М. Лазарев, С. Э. Левит, Н. А. Мохов, А. К. Мошану, А. И. Мунтян, У. Г. Мурзак, Е. М. Руссев, Л. Е. Репида, Э. А. Рикман, П. В. Советов. В своих выступлениях они указывали на несомненный рост научного уровня работ сотрудников Института, широкую документальную базу большинства обсуждаемых статей, решение авторами большинства поставленных задач.

Среди работ, отличающихся глубоким анализом документальных материалов, новой постановкой вопросов, отмечались статьи М. К. Сытника «Из истории создания материально-технического оснащения машинно-тракторных станций в правобережной Молдавии в 1940—1941 гг.»¹ (А. М. Лазарев, В. С. Зеленчук, А. И. Мунтян) и П. В. Советова «О наименовании крестьян — мелких землевладельцев в Молдавии XV — сер. XVI вв.»² (А. С. Есауленко, Н. А. Мохов). Сообщение А. К. Мошану «Новые документы о деятельности румынского революционера Стефана Георгиу»³ было признано весьма удачным научным изложением биографического материала о революционных деятелях (А. С. Есауленко, Н. А. Мохов, П. В. Советов). Указывалось на значение статьи Я. С. Гросула и Н. А. Мохова «Историческая наука в Молдавской ССР»⁴, как обобщающей работы по молдавской советской историографии (Э. А. Рикман).

Однако как в некоторых из названных статей, так и в других обсужденных работах были вскрыты отдельные пробелы и спорные трактовки вопросов. Примечательно, что главное внимание большинства выступавших было обращено не на излишне детальное рецензирование отдельных статей, а на выявление общих недостатков, присущих ряду ра-

¹ Сб. статей «Из истории революционного движения и социалистического строительства». Кишинев, 1963.

² «Известия АН МССР», 1964, № 8.

³ Там же.

⁴ Там же, 1963, № 2.

бот, объяснение причин замеченных упущений, на поиски способов их предотвращения. Именно этим совещание выгодно отличалось от рассмотрения представленных работ на заседаниях секторов и ученых советов. В нашем обзоре мы остановимся на трех принципиальных проблемах, занявших центральное место в процессе обсуждения: обоснование в статьях темы исследования, методика решения авторами поставленных задач и характер анализа источников.

В первую очередь внимание участников совещания привлек вопрос о методе обоснования авторами тем исследования. В. С. Зеленчук, Н. А. Мохов, Ю. Г. Иванов и др. выразили свое несогласие с подходом отдельных авторов к вопросам историографии. Как отмечал В. С. Зеленчук, в статье Г. И. Бырки¹ материал изложен так, будто до нее по данной теме ничего не было написано. Н. А. Мохов указал на другую крайность некоторых авторов — увлечение «научообразностью», перегрузка статей порой ненужным обилием сносок, историографией, почти не имеющей прямого отношения к теме. Отмечалось также (Ю. Г. Иванов), что при обосновании темы отдельные авторы видят свою главную задачу не в том, чтобы прийти к каким-либо новым выводам по избранному вопросу, четко определить цель и методы собственных исследований, а в том, чтобы объявить всю предшествующую литературу «несостоятельной». В результате такого подхода обоснование исследования оказывается искусственным.

При постановке вопроса важно, чтобы автор имел ясное представление о форме публикуемого материала: научная статья, сообщение и пр., от чего зависит и содержание и направление исследований. Н. А. Мохов подчеркивал, что у каждой работы должна быть ясная тема, проблема, а все факты, не отвечающие поставленному вопросу, должны быть отброшены. Вот почему следует избегать стереотипных заголовков, вроде «Из истории...», «К вопросу...» и др. Остановившись на некоторых частных примерах, Н. А. Мохов заметил, что интересная и содержательная в целом статья М. Б. Иткиса² несколько страдает от увлечения передачей новых фактов, не всегда относящихся к теме. Однако если в статье М. Б. Иткиса тема обоснована и разрешена, то ряд других авторов постановке вопроса почти не уделяют внимания. В качестве примера приводилась внутренне весьма противоречивая в указанном отношении статья М. А. Калиненка³ (М. Б. Иткис, С. Э. Левит и др.). В. С. Зеленчук, Н. А. Мохов и М. Б. Иткис считают, что узость темы статьи Л. Е. Репиды и А. В. Репиды⁴ не позволила авторам выдвинуть какую-либо значимую проблему. Приведенный ими материал мог быть использован в работе с более широкой постановкой вопроса. А. С. Есауленко остановился на недостаточно ясной мотивировке темы и задач исследования в богатой фактическим материалом статье Е. М. Подградской⁵, а М. Б. Иткис — на подобном же недостатке статьи Н. В. Березнякова о революционном движении в Бессарабии в 1921 г.⁶

¹ Г. И. Бырка. Восстановление и расширение сети высших учебных заведений в Молдавской ССР (1944—1946 гг.). В сб. «Из истории...»

² М. Б. Иткис. Деятельность земельных комитетов в Молдавии по претворению в жизнь ленинского декрета о земле (ноябрь 1917 — нач. января 1918 г.). В сб.: «Из истории...»

³ М. А. Калиненко. Большевики VIII армии Румынского фронта в борьбе за власть Советов (сентябрь-декабрь 1917 г.). В сб.: «Из истории...»

⁴ А. В. Репида и Л. Е. Репида. Борьба трудящихся за восстановление промышленности Кишинева в 1944—1945 гг. В сб.: «Из истории...»

⁵ Е. М. Подградская. Ремесленные изделия Львова на молдавском рынке в XVI—XVII вв. — «Известия...», 1964, № 8.

⁶ Н. В. Березняков. Из истории революционного движения в Бессарабии в 1921 г. В сб.: «Из истории...»

М. Б. Иткис считает, что статьи М. А. Калининка, Л. Е. Репиды и А. В. Репиды, а также статью Н. Д. Ройтмана¹ (мнение М. Б. Иткиса и С. Э. Левита) лучше было отнести в сборниках под рубрику «сообщений». Действительно, как отметил У. Г. Мурзак, статья Н. Д. Ройтмана по существу освещает лишь один эпизод борьбы с австро-германскими интервентами на Одесском направлении в 1918 г.

Методика решения исследователями поставленных перед собой задач была затронута в выступлениях почти всех участников совещания.

В большинстве статей поставленные проблемы решаются в основном верно и последовательно. Однако при этом отдельные авторы допускают односторонность и неточности. Так, С. Э. Левит, А. К. Мошану, М. Б. Иткис указывали, что в статье Н. В. Березнякова ряд затронутых крупных проблем не получил четкого освещения (о тактике, об объединении революционных сил Бессарабии, о формах их борьбы и др.) А. К. Мошану считает также неубедительным утверждение Н. В. Березнякова о том, что после 1921 г. революционное движение в Бессарабии не пошло на убыль.

Некоторые авторы не делают выводов из многих ими же приведенных фактов. Так, П. В. Советов заметил, что в интересной статье Э. А. Рикмана² говорится о материальных памятниках гетов, сарматов и готов, встречающихся в черняховской культуре, а в обобщающем заключении о готах ничего не говорится.

Досадной односторонностью содержания отдельных статей является рассмотрение событий лишь в узких территориальных рамках, без учета и сравнения с аналогичными событиями в других районах. Так, в статье Я. М. Копанского³, впервые воссоздающей картину экономических стачек в Бессарабии периода 1929—1931 гг., по мнению Ю. Г. Иванова, желательно было бы провести сравнение со стачками того же времени в Румынии, а также в западных областях Украины и Белоруссии. Автору следовало учесть, что экономические стачки Бессарабии развивались во взаимодействии с последними и под влиянием общих политических факторов, имевших не только локальный характер. Ю. Г. Иванов считает также, что отсутствие сравнительного обзора положения в других армиях Румынского фронта, помимо VIII, и других фронтов является одним из недостатков статьи М. А. Калининка. В этом отношении выгодно отличается статья М. Б. Иткиса, в которой, как отмечал А. К. Мошану, выводы даны в масштабе всей страны.

Сравнительно-исторический материал приведен в статьях Н. А. Демченко⁴ и Л. Л. Полевого, что, по мнению П. В. Советова, является их достоинством. К сожалению, этот материал не подкреплён здесь во всех необходимых случаях местными фактами, что является уже другой крайностью в применении метода.

Ряд выступавших указывали на слабую аргументацию выводов отдельными авторами, упущение другими важных звеньев в раскрытии темы. Так, В. С. Зеленчук находит, что М. К. Сытник не сумел обосновать свой вывод о регулировании государством использования техники по классовому признаку, а А. К. Мошану считает недостаточно подкреплённым

¹ Н. Д. Ройтман. Из истории борьбы с австро-германскими интервентами на Одесском направлении (март 1918 г.). В сб.: «Из истории...»

² Э. А. Рикман. Погребальные обряды Будештского могильника. В сб.: «Материалы...»

³ Я. М. Копанский. Экономические стачки в Бессарабии в 1929—1931 гг. В сб.: «Из истории...»

⁴ Н. А. Демченко. Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа. В сб.: «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР», Кишинев, 1964.

ным статистическими данными вывод М. Б. Иткиса об организованном осуществлении бессарабскими крестьянами ленинского декрета о земле. Н. В. Березняков видит один из недостатков статьи М. Б. Иткиса в том, что в ней не дан критический анализ аграрной программы «Сфатул Цэрий». А. С. Есауленко высказал мнение, что Б. М. Колкеру¹ для полного раскрытия темы следовало бы показать роль рабочего класса в сопротивлении установлению фашистской диктатуры в Румынии в сентябре 1940 г.

Указывалось и на спорность положений, отстаиваемых отдельными авторами. Так, Н. А. Мохов считает дискуссионным вывод И. Г. Хынку о том, что романизованное население появилось на территории Молдавии в XII веке, а С. Э. Левит — не до конца решенными некоторые вопросы в статье М. Б. Иткиса о второй социальной войне в деревне. Отмечались отдельные неточности и упущения в статьях С. Я. Афтенюка², В. И. Царанова³ и др.

Последняя важная проблема, на которой остановилась значительная часть выступавших, — это характер анализа источников в рассматриваемых статьях. М. Б. Иткис, Н. А. Мохов и Ю. Г. Иванов указывали, что значительная часть авторов, как правило, не раскрывает своей методики использования источников и характер последних. В таких случаях судить о достоверности приведенных материалов практически невозможно. А ведь официальные статистические отчеты, архивные фонды, пресса, воспоминания и пр. — это источники, различные по происхождению, требующие разного подхода и оценки. М. Б. Иткис приводил примеры «глухих сносок» в статье М. К. Сытника, Н. А. Мохов указывал на использование в статье М. А. Калининка воспоминаний — как основного источника — без их критического анализа, а А. М. Лазарев отметил необходимость дополнительной проверки почерпнутых из газет фактов, приведенных в статье Л. Е. Репиды и А. В. Репиды. Ставились под сомнение и достоверность некоторых фактов, приведенных в других статьях.

О необходимости борьбы с «фактографией», с недооценкой фактов и с неточным их использованием говорил в своем заключительном слове директор Института Е. М. Руссев. В его выступлении, а также в выступлениях П. В. Советова, Л. Е. Репиды и др. были подняты вопросы, связанные с дальнейшей организацией обсуждения на производственных совещаниях выпускаемой продукции. Е. М. Руссев считает желательным в дальнейшем обсуждение отдельных монографических работ, а не статей. За ограничение количества выставляемых на обсуждение работ высказались П. В. Советов и Л. Е. Репида. П. В. Советов предлагал, например, провести обсуждение по вопросу о методике исследования той или иной проблемы в отдельных монографиях.

В целом обсуждение носило творческий характер. Думается, что целесообразно было бы посвятить следующее производственное совещание вопросам методики источниковедческого и историографического анализа в научных работах.

Д. Драгнев

¹ Б. М. Колкер. Из истории установления военно-фашистской диктатуры в Румынии (сент. 1940 г.). — «Известия...», 1964, № 8.

² С. Я. Афтенюк. Начало создания молдавской советской государственности. В сб.: «Из истории...»

³ В. И. Царанов. Некоторые вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов Молдавской ССР (1949—1950 гг.). В сб.: «Из истории...»

О РАБОТЕ МОЛДАВСКОЙ И ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК МССР ЗА 1946—1964 гг.

Отчет об археологических исследованиях Института истории АН МССР за 19 лет является обзором весьма сложной и многогранной научной и научно-организационной деятельности не только названного учреждения, но и ряда других, и в первую очередь Института археологии АН СССР, в тесной связи с которым проводились полевые работы. Деятельность последнего в развитии археологических исследований в Молдавии неопределима. Благодаря научному содружеству с Институтом археологии АН СССР в нашем Институте истории сформировался и вырос сектор археологии со своими квалифицированными кадрами и специализацией по различным разделам археологии.

Археологические исследования в МССР начались в 1946 г. Ранее Молдавия оставалась белым пятном на археологической карте Советского Союза. Археологические работы, проводившиеся в досоветский период и годы временной оккупации Бессарабии, носили случайный характер и не создавали научного представления об истории и культуре Пруто-Днестровского междуречья и молдавского народа.

Первая археологическая экспедиция была организована Институтом истории, языка и литературы Молдавской ССР¹ совместно с Институтом археологии Академии наук СССР и Институтом археологии Академии наук УССР. Начальником экспедиции был назначен старейший археолог Академии наук УССР, академик АН УССР П. П. Ефименко, заместителем начальника — научный сотрудник Института археологии АН УССР Г. Д. Смирнов. В составе первой экспедиции работали научные сотрудники Института археологии АН УССР Т. Г. Оболдуева, И. М. Самойловский, А. П. Черныш, Д. Т. Березовец; от Института истории, языка и литературы — канд. исторических наук И. И. Мещеряков и лаборант В. М. Адияевич; от Кишиневского краеведческого музея — научный сотрудник Г. П. Сергеев. В результате археологических разведок и раскопок были открыты памятники палеолита, трипольской культуры, фракийского гальштата, эпохи раннего железного века, памятники гетской культуры, славянские поселения и ряд городищ. Таким образом, археологическая целлина была поднята.

В настоящее время на территории Молдавии работают две экспедиции: Молдавская и Пруто-Днестровская. Молдавской археологической экспедицией руководит ст. научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук, лауреат государственной премии Т. С. Пассек. В составе экспедиции работают четыре отряда. Пруто-Днестровскую археологическую экспедицию возглавляет ст. научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук Г. Б. Федоров. В составе экспедиции — 7 отрядов.

¹ Наименование Института истории до образования АН МССР.

Экспедиции работают в соответствии с тематическими и экспедиционными планами Института истории АН МССР и Института археологии АН СССР.

Молдавской экспедицией открыты десятки палеолитических местонахождений и стоянок первобытного человека на Днестре, Пруте и Реуте. Наиболее известные из стоянок: Выхватинцы, Дурунторы, Брынзены — почти полностью исследованы. В октябре 1963 г. начаты раскопки пещерной стоянки у с. Будешты. В результате исследований была установлена относительная хронология стоянок, выяснена флора и фауна верхнего палеолита, составлена карта расселения и передвижения палеолитического человека в Поднестровье. По раскопкам в гроте Брынзены было выяснено, что стоянка относится к палеолитической культуре «Селета». Эта культура известна в Венгрии, Чехии и Северо-Западной Румынии. На территории Пруто-Днестровского междуречья эта культура встречена впервые. Полученные материалы дают возможность по-новому подойти к разработке периодизации палеолита ЮЗ СССР.

В области поисков мезолита также достигнуты успехи. В 1954 г. доктор исторических наук П. И. Борисковский близ с. Гребенники исследовал первую мезолитическую стоянку. По характеру кремневого инвентаря она приближается к позднему мезолиту Крыма. В 1956 г. мезолитические стоянки открыты В. И. Маркевичем и А. П. Чернышом на р. Реуте близ Флорешт.

В области неолита и энеолита — трипольской культуры — значительные по своему объему и научному содержанию работы проведены отрядами Т. С. Пассек и В. И. Маркевича. Разведочными работами открыто более 100 трипольских поселений различных периодов, проведены раскопки неолитических стоянок близ городов Флорешты (Пассек), Сороки—Трифаяцкий лес I и II и с. Новые Русешты (Маркевич). Проведены раскопки раннетрипольских поселений у Солончены I и II, у с. Голеркань, у с. Екимаяцы и раскопан Выхватинский поздне трипольский бескурганый могильник, где было открыто 61 погребение (Пассек), у сел Журы и Попенок (Бибикив), у с. Варваровка (Маркевич).

Раскопки в Сороках являются первыми исследованиями раннего неолита в Пруто-Днестровском междуречье. В Новых Русештах прослежены залегающие Буго-Днестровского неолита, неолита линейно-ленточной «нотной» керамики, раннего триполья и стыка между трипольем А и В (раннего и среднего периодов трипольской культуры). Раскопки на стоянках Сороки, Новые Русешты и поселении Флорешты дали значительные по своей научной ценности материалы, позволяющие создать научную периодизацию неолитических и энеолитических культур Дунайско-Днестровско-Бугского междуречья, разрешить вопросы межплеменных взаимосвязей, последовательную смену племен и раскрыть развитие культур в период неолита и энеолита. Полученные материалы значительно продвинули вперед разрешение вопроса о происхождении трипольской культуры и вместе с тем создали более ясное представление о хозяйстве донеолитических племен в эпоху неолита и трипольской культуры Юго-Запада СССР.

Исключительно ценные научные материалы получены из раскопок трипольского поселения у с. Варваровка. По мнению академика Б. А. Рыбакова, роспись на керамике «позволяет выявить древнейший слой индоевропейского мировоззрения и мифологии, более ранний, чем гимны Ригведы и Авесты». Таким образом, археологические исследования раскрывают не только новые страницы материальной культуры IV—III вв. до н. э., но и идеологию древнейших племен.

В области исследования эпохи бронзы результаты весьма скромны.

Это отчасти объясняется тем, что до настоящего времени молдавские археологи не имеют своего специалиста по этому периоду, и отсутствуют достаточные средства для раскопок курганов. Однако и в этой области проведены некоторые работы. В 1946 г. Т. Г. Оболдуевой в долине реки Когыльник близ села Градиштя был раскопан курган эпохи бронзы. В кургане найдено 23 погребения, из них два грунтовых и 21 в насыпи кургана. Наиболее раннее погребение датируется переходным периодом от ранней к средней бронзе. Курган представлял собой родовой могильник конца II — начала I тысячелетия до н. э. В 1960 г. А. И. Мелюковой близ с. Олонешты раскопано три кургана. Вскрыто 11 погребений эпохи поздней бронзы. В 1956—1957 гг. близ с. Гиндешты раскопаны зольники поздней бронзы, давшие весьма редкие глиняные статуэтки свиней, костяные изделия и керамику. Близ Кишинева раскопано несколько жилищ поздней бронзы. При раскопках южнославянского поселения Калфа Г. Ф. Чеботаренко обнаружены 7 погребений поздней бронзы.

Несмотря на небольшие раскопки, для памятников эпохи бронзы лесостепной Молдавии намечена относительная периодизация, датировка и выделены примерно три фазы развития культур: культура зольников — XIII—XII вв. до н. э., культура ноуа — XI—IX вв. до н. э. и культура гальштата — IX—VIII вв. до н. э. (последняя фаза связана с переходом к эпохе железного века). Что касается памятников степной Молдавии, здесь трудно сказать что-либо определенное, так как они еще весьма слабо изучены.

В 1955—1956 гг. А. И. Мелюковой близ села Шолданешты раскопана часть поселения и могильника предскифского времени. На могильнике вскрыты погребения с трупосожжением и открыт древний «крематорий» могильника. Получены весьма ценные керамические материалы VIII в. до н. э.

В 1946—1956 гг. Г. Д. Смирновым проведены раскопки поселений раннего железного века VII—VI вв. до н. э. и гетских городищ близ сел Сахарна и Бутучены. На поселении VII—VI вв. до н. э. вскрыты остатки жилищ с очагами, гончарные печи и площадки. На городищах Сахарна и Бутучены IV—III вв. до н. э. исследованы оборонительные сооружения — рвы, земляные валы, остатки деревянных крепостных стен, небольшая каменная цитадель и ряд жилых сооружений.

В жилых сооружениях Бутученского городища найдено большое количество лепной посуды, греческих амфор и ручек амфор с астиномными клеймами, наконечники скифских стрел, женские бронзовые браслеты и медная монета III в. до н. э. греческой колонии Тиры.

В 1950 г. Г. Д. Смирновым и Г. П. Сергеевым произведены раскопки могильника VII—VI вв. до н. э., на котором были вскрыты 25 погребений с различным устройством могил. Ряд могил содержал по два-три захоронения. В 1955 г. работы на могильнике были продолжены А. И. Мелюковой.

В итоге археологических исследований для Поднепровья лесостепной полосы установлена периодизация памятников эпохи раннего железного века. По некоторым известиям Геродота, памятники фракийской культуры связываются с агафирсами. Установлено, что гетские поселения и городища развиваются в своем большинстве на прежних местах обитания агафирсов. Основой хозяйства гетов являлось земледелие и пастушеское скотоводство. Экономические связи гетов с греческими колониями Северного Причерноморья устанавливаются во второй половине IV в. до н. э.

В 1953—1957 гг. экспедицией под руководством Г. Б. Федорова проведены раскопки могильника и поселения пшеворской культуры. Они да-

тируются II—I вв. до н. э. Носителями этой культуры являлись германские племена бастарны.

В 1953 г. впервые на территории лесостепной Молдавии раскопан у с. Боканы сарматский могильник с обрядом трупоположения. В могильнике вскрыто 20 погребений, найдены сарматские мечи, зеркала, браслеты, фибулы, 21 глиняный сосуд (серо- и краснолощенные) и один стеклянный римский косметический флакон. Могильник датируется II—IV вв. н. э.

В 1954—1955 гг. у с. Малаешты раскопан черняховский могильник. Вскрыто 32 погребения: 12 трупосожжений и 20 трупоположений. Найдено 80 лепных и гончарных сосудов черняховского типа, красноглиняные амфоры, умбоны и ручки от щитов, фибулы, различные украшения и четыре римских стеклянных кубка — один с латинской надписью «Вечно живи, прекраснейший». Могильник датируется III—IV вв. н. э.

В 1960 г. А. И. Мелюковой в кургане эпохи бронзы было раскопано впускное сарматское погребение с довольно богатым инвентарем. В погребении найдены сарматский меч, бронзовая чаша, бронзовый кувшин, бронзовое сито, краснолаковый фигурный сосуд в виде барана и другие мелкие предметы. Погребение датируется II в. н. э.

Э. А. Рикманом за период 1953—1964 гг. раскопаны два могильника (у с. Будешты и с. Балцаты). На Будештском могильнике вскрыто 360 погребений: с трупосожжением — 68,9% и трупоположением — 36,1%. На Балцатском могильнике вскрыто 50 погребений. В результате раскопок могильников получен большой вещевой материал. Одновременно Э. А. Рикманом проведены раскопки на черняховских поселениях близ сел Солончены, Лукашевки, Балцаты и Будешты, Собари и др. Впервые для Молдавии получен весьма ценный материал по домостроительству, ремеслу, земледелию племен черняховской культуры и их экономическим связям с римскими колониями Северного Причерноморья.

Долгое время не изучалась культура ранних славян. В 1961—1964 гг. И. А. Рафаловичем проведены раскопки на раннеславянских поселениях Бранешты, Хуча, Одая и Ханска; раскопано 20 жилищ, получен вещевой и керамический материал, характеризующий уровень и развитие материальной культуры ранних славян VI—IX вв. Данные материалы позволяют сделать предварительные выводы о времени заселения славянами-антами Пруто-Днестровского междуречья.

В 1960—1962 и 1963 гг. отрядом Г. Ф. Чеботаренко проведены разведочные и раскопочные работы на южнославянском поселении близ с. Калфа. Было выяснено, что этот памятник является многослойным: содержит напластования культур от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Исключительные по своему размаху раскопочные работы проведены по исследованию восточнославянских поселений и городищ IX — начала XII вв. В 1950—1964 гг. отрядом Г. Б. Федорова полностью раскопаны городища Екимауцы и Алчедар и значительная часть алчедарского поселения — посада. Впервые в 1962 г. был открыт и раскопан курганный могильник с обрядом трупосожжения. Второй могильник — грунтовой с обрядом трупоположения — раскопан у с. Бранешты.

В данном кратком обзоре невозможно перечислить обнаруженные жилые сооружения, фортификацию, вещевой материал, мастерские и пр. Можно только сказать, что полученные материалы позволили полностью восстановить облик тиверского-древнерусского города и алчедарского посада, вскрыть экономику и культуру славян Поднепровья.

В 1957—1964 гг. И. Г. Хынку начаты раскопки поселений Лукашевка-V и Петруха. На основании изучения стратиграфии жилищ, производ-

ственных сооружений и керамических материалов было установлено, что жизнь в Поднестровье после набегов печенегов и половцев не прервалась. В лесных массивах продолжало и в XII в. проживать славянское население. На поселениях найдена сельская и городская молдавская керамика. По мнению И. Г. Хынку, она появилась в XII в.

Молдавская средневековая археология внутри советской археологии является новой дисциплиной. Памятники этого времени не были известны на территории МССР, не изучались до 1952 г. и в Румынии.

Систематические археологические раскопки молдавского средневекового города (Старый Орхей) начаты в 1950 г. Г. Д. Смирновым. В ходе археологических работ выяснилось, что этот памятник многослойный, содержит напластования различных культур: от триполья до позднего средневековья. В городе вскрыто 40 сооружений: церкви, бани, караван-сарай, мастерские и жилища. В 1955 г. было окончательно установлено, что до Старого Орхея здесь существовал золотоордынский город Шел-аль-Джедил (Новый город). В итоге работ разработана периодизация истории этого памятника.

В 1953 г. Э. А. Рикманом проведены разведочные работы по поискам средневекового города Лапушна. В результате разведок установлено его местоположение и различные районы города.

В 1954 г. Э. А. Рикманом, в 1957—1960 гг. Л. Л. Полевым проведены раскопки близ с. Костешты на месте неизвестного золотоордынского города и молдавского земляного укрепления. Э. А. Рикманом составлен топографический план и раскопаны вал и ров. Л. Л. Полевым вскрыты гончарные горны и мастерские золотоордынского времени. В этот же период на золотоордынском поселении Лозово проведены разведки и вскрыт гончарный горн.

В 1956 г. П. П. Бырней и Г. Ф. Чеботаренко под руководством Г. Б. Федорова близ с. Бравилены вскрыты два мазора-мавзолея золотоордынского времени и печи для обжига кирпича и обжига извести.

Молдавские сельские поселения средних веков начали изучаться с 1953 г. П. П. Бырней, которым, в целях поисков сельских поселений, проведены большие разведочные работы на севере и юге Молдавии. В 1953—1964 гг. им проведены раскопки близ сел Малаешты, Хуча, Стынкауцы, Поян и Калфа. На поселениях вскрыты жилища различной конструкции и типов: наземные, полуземлянки и землянки, выявлены различные сельские ремесла и получен большой керамический материал. В результате раскопок разработана датировка поселений, выяснены основные черты сельской материальной культуры и сельского ремесленного производства.

В результате работ археологических экспедиций сектором археологии нашего института создан научный археологический музей. В нем сосредоточены уникальные материалы, отражающие развитие материальной культуры населения Пруто-Днестровского междуречья с эпохи палеолита до XVII в.

Научный музей отдела археологии приобрел большое значение в изучении прошлого не только нашей республики, но и всего Юго-Запада СССР. Музей стал известен далеко за пределами Молдавии. Здесь работали археологи Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Львова, Черновца, Белгорода-Днестровского и др. Материалы музея изучали археологи Румынии, Болгарии и Венгрии.

По итогам археологических исследований на территории Молдавии в 1953 г. было проведено заседание ученых советов Института археологии АН СССР и Института истории Молдавского филиала АН СССР. На Советах было прочитано 12 докладов (доклады изданы в КСИИМК,

вып. 56, 1954). В 1964 г. проведен первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. На симпозиуме было прочитано 50 докладов (доклады по археологии издаются в 105 выпуске КСИА в 1965 г.)

Значительная работа проведена по установлению научных связей с археологами Румынии.

На протяжении 1957—1959 гг. румынские археологи участвовали в раскопках Молдавии, а советские археологи работали в Румынии. С румынской стороны в полевых работах Молдавии принимали участие проф. Р. Вулпе, проф. Г. Думитреску, проф. К. Хоредт, М. Комша, Е. Комша, Флореску, Н. Константинуеску, Т. Мартынович, Д. Марин. В полевых работах Румынии принимали участие советские ученые Т. С. Пассек, А. И. Мелюкова, Г. Б. Федоров, Г. Д. Смирнов, П. П. Бырня, И. Г. Хынку и Н. А. Кетрару.

В 1957 г. в Молдавии, в полевом лагере Алчедара, был проведен семинар. На нем было заслушано 22 доклада и сообщения. В 1958 г. в Кишиневе в Институте истории состоялся второй советско-румынский семинар; на нем было заслушано 26 докладов и сообщений. В 1959 г. в Бухаресте в Институте археологии АН РНР был проведен первый румыно-советский семинар, заслушано 40 докладов и сообщений. Итоги этих совместных работ в 1960 г. были опубликованы в Кишиневе сборником под названием «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики» (38 печатных листов).

Совместные работы советских и румынских археологов в поле по всем разделам археологии позволили обеим сторонам лучше изучить на практике полевую методику археологических раскопок, консервацию и охрану памятников, организацию и хранение материалов, ведение научной документации. Сотрудничество с румынскими археологами укрепило научные связи, вызвало постановку ряда новых проблем и тем, послужило развитию и углублению научных исследований в области первобытной и средневековой археологии.

Г. Смирнов.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

- А. И. Бабий, В. Н. Ермуратский. Из истории борьбы дарвинизма с религией в Молдавии (вторая половина XIX — начало XX в.) 3
- Б. М. Колкер. К вопросу о провозглашении Румынией нейтралитета в начале второй мировой войны 17
- К. А. Поглубко. Некоторые новые материалы о связях русских революционеров с Христо Ботевым в начале 70-х годов XIX в. 36
- И. А. Анцупов. Промысловый отход и извозничество в селениях государственных крестьян Бессарабии (1812—1870 гг.) 52

Хроника научной жизни

- Д. М. Драгнев. Обсуждение научных статей, опубликованных в изданиях Института истории АН МССР за 1963—1964 гг. 66
- Г. Д. Смирнов. О работе Молдавской и Пруто-Днестровской археологических экспедиций Института истории Академии наук МССР за 1946—1964 гг. 70

Академия наук Молдавской ССР

ИЗВЕСТИЯ № 2

Редактор И. Лутохин, Художественный редактор В. Корякин, Технический редактор В. Павлова,
Корректор В. Морозов.

Сдано в набор 24/IX 1965. Подписано к печати 28/II 1966 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печатных листов 6,65. Уч.-изд. листов 6,60. Тираж 500. АБ04872. Цена 45 коп. Заказ № 2980.

Издательство «Карта Молдовеняскэ», Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат, Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
57	16 сверху	остальные	отсталые
61	10 сверху	о наличии	о величии
66	13 сверху	Н. А. Березняков	Н. В. Березняков
71	8 сверху	Будешты	Бутешты